

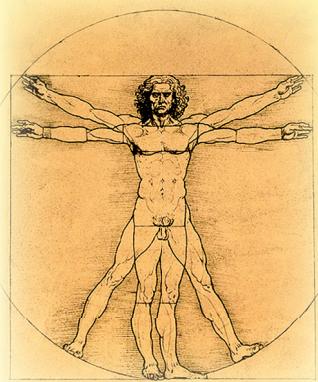
Учёные записки

ISSN 2076-4359

№ III (82)

2025

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.

Отделы журнала «Управление», «Вычислительная техника и информатика», «Машиностроение», «Культурология и искусствознание» включены в перечень изданий ВАК РФ.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Ученые записки Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КнАГТУ», находящейся на сайте <https://uzknastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок: +7 (4217) 528-548

Адрес редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, д. 50, ауд. 508

Индекс журнала в каталоге Роспечать: 66090.
Цена свободная.
© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КнАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Алексей Иванович Евстигнеев, доктор технических наук, профессор. E-mail: diss@knastu.ru
Заместитель главного редактора журнала:	Александр Витальевич Космынин, доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosc@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о природе и технике»:	Евгения Павловна Иванкова, кандидат технических наук, доцент. E-mail: peit@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Литературный редактор:	Татьяна Николаевна Карпова. E-mail: karpovat@list.ru
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова. E-mail: karpovat@list.ru
Перевод на английский язык:	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко, кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru
Менеджер информационных ресурсов:	Татьяна Владимировна Степанова. E-mail: osnid@knastu.ru
Администратор сайта:	Оксана Вадимовна Приходченко, кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru

Серия: «Науки о природе и технике»

Ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике» Евгения Павловна Иванкова, кандидат технических наук, доцент. E-mail: peit@knastu.ru

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (2.5.13 - Проектирование, конструкция и производство летательных аппаратов)	Сергей Иванович Феоктистов, доктор технических наук, профессор. E-mail: ssf@knastu.ru Сергей Борисович Марынин, доктор технических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru
2. Энергетика (2.4.2 - Электротехнические комплексы и системы)	Константин Константинович Ким, доктор технических наук, профессор. E-mail: kimkk@inbox.ru Александр Владимирович Сериков, доктор технических наук, профессор. E-mail: em@knastu.ru Сергей Николаевич Иванов, доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
3. Управление (2.3.3 - Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами)	Вячеслав Алексеевич Соловьев, доктор технических наук, профессор. E-mail: keraru@knastu.ru Андрей Юрьевич Торгашов, доктор технических наук, доцент. E-mail: torgashov@iacp.dvo.ru
4. Вычислительная техника и информатика (1.2.2 - Математическое моделирование, численные методы комплексов программ)	Валерий Иванович Одиноков, доктор технических наук, профессор. E-mail: osnid@knastu.ru Александр Витальевич Космынин, доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosc@knastu.ru
5. Машиностроение (2.5.5 - Технология и оборудование механической и физико-технической обработки)	Борис Яковлевич Мокрицкий, доктор технических наук, профессор. E-mail: boris@knastu.ru Владимир Сергеевич Щетинин, доктор технических наук, доцент. E-mail: schetynin@mail.ru
6. Материаловедение и химические технологии (2.6.17 - Материаловедение)	Эдуард Анатольевич Дмитриев, доктор технических наук, профессор. E-mail: rector@knastu.ru Олег Викторович Башков, доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru
7. Математика и механика (1.1.8 - Механика деформируемого твёрдого тела)	Анатолий Александрович Буренин, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacp.dvo.ru Константин Сергеевич Бормотин, доктор физико-математических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru Олег Викторович Башков, доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru Олег Евгеньевич Сысоев, доктор технических наук, профессор. E-mail: sia@knastu.ru

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре» Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru

Отделы:

1. Культурология и искусствознание (5.10.1 - Теория и история культуры, искусства)	Яна Станиславовна Крыжановская, доктор культурологии, доцент. E-mail: krijanowskaiya.yulap2012@yandex.ru Евгения Валерьевна Савелова, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент.
2. Психология и педагогика (5.8.1 - Общая педагогика, история педагогики и образования)	Виктория Юрьевна Прокофьева, доктор филологических наук, профессор. E-mail: ilya.igorovich.dokuchaev@mail.ru Татьяна Евгеньевна Наливайко, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: tenal@knastu.ru
3. История (5.6.1 - Отечественная история)	Жанна Валерьяновна Петрунина, доктор исторических наук, профессор. E-mail: petrunina71@bk.ru, history@knastu.ru

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

Содержание

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ЯПОНИИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.....4

Крыжановская Я. С., Цуй Етун

РОЛЬ МУЗЫКИ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

В РИТУАЛАХ ДРЕВНЕГО КИТАЯ.....12

Малышева Н. В., Чувеева А. А.

СТЕРЕОТИПЫ И ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙЦЕВ

И РУССКИХ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ПРИГРАНИЧНЫХ

ТЕРРИТОРИЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....19

Маркова А. В., Прокофьева В. Ю.

РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА:

АУДИТОРНАЯ РАБОТА С ОНТОЛОГИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ЗВУКОВ28

Муллер Ю. Г.

РУССКИЙ ДОМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАРУБЕЖЬЯ.....34

Мусалитина Е. А., Турмачева А. Э.

ФЕНОМЕН «АЗИАТСКОЙ КРАСОТЫ» КАК НОВЫЙ ТРЕНД

В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ.....43

Ху Юэ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ.....53

Чжан Ифэн

ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ

ДУХОВНЫХ ОСНОВ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ,

МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ.....65

Шушарина Г. А., Просвирина Д. В.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УРБАНОНИМОС ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ РОССИИ И КИТАЯ.....77

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Ларченко Ю. Г.

ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ – ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ПОРТФОЛИО

БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА.....82

ИСТОРИЯ

Абабкова Н. Н.

ТЕАТР РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА.....88

Гореликов А. И.

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ:

ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ.....93

Петрунина Ж. В.

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В ПРОВИНЦИЯХ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ В XXI В.99

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ
CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.
Ya. S. Kryzhanovskaia, S. A. Kryzhanovskaia

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

PECULIARITIES OF MUSEUM DEVELOPMENT IN JAPAN IN THE 2ND HALF OF THE 20TH CENTURY

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaya – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Крыжановская Станислава Андреевна – студент Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; тел. +7(914)404-02-42. E-mail: stasay24@bk.ru.

Stanislava A. Kryzhanovskaya – Student, Pacific State University (Russia, Khabarovsk); 68 K. Marx st., Khabarovsk, 680000, Russia; tel. +7(914)404-02-42. E-mail: stasay24@bk.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности развития музейной сети Японии в 50-90-е годы XX в. Представлены изменения в законодательстве, связанные с принятием Закона об охране культурных ценностей (1950, 1955) и Закона о музеях (1951). Анализируются проявления «музейного бума», выразившегося в росте числа музеев разных типов, а также в увеличении посещаемости экспозиций. Рассмотрены особенности формирования музеев нового типа – «музеев мира и войны», посвящённых военным событиям в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Мемориальный музей мира в Хиросиме, Международный центр мира в Осаке, Юсюкан при храме Ясукуни в Токио). Сделан вывод о том, что в этот период формирование обширной сети музеев разного профиля и различных форм собственности сопровождалось актуализацией этических аспектов музейной деятельности и общественной ответственности музея перед публикой.

Summary. The article discusses some features of the development of the Japanese museum network in the 50-90s of the twentieth century. The changes in legislation related to the adoption of the Law on the Protection of Cultural Property (1950, 1955) and the Law on Museums (1951) are presented. The article analyzes the manifestations of the «museum boom», expressed in the growth of the number of museums of various types, as well as in the increase in attendance at exhibitions. The article considers the peculiarities of the formation of a new type of museum – «museums of peace and war» dedicated to military events in the Asia-Pacific region (the Hiroshima Peace Memorial Museum, the International Peace Center in Osaka, the Yusukan at Yasukuni Shrine in Tokyo). It is concluded that during this period, the formation of an extensive network of museums of various profiles and various forms of ownership was accompanied by the actualization of the ethical aspects of museum activities and the museum's public responsibility to the public.

Ключевые слова: музей, Япония, вторая половина XX в., коллекция Мацукаата Кодзиро, музейный бум, музеи мира и войны, музейная этика.

Key words: museum, Japan, the second half of the twentieth century, the Matsukata Kojiro collection, museum boom, museums of peace and war, museum ethics.

УДК 069(091)

Музейные институции, впервые появившиеся в Японии после переворота Мейдзи как результат усвоения западного опыта, к середине XX в. прошли значительный путь развития. Начиная с 1872 г., даты основания Токийского национального музея, музейно-выставочная деятельность становится важной частью культурной политики государства, подтверждая тем самым

мысль видного британского учёного Б. Андерсена о том, что музеи и музейное воображение в глубине своей политичны, поскольку на уровне визуальных образов способствуют легитимизации таких политических конструктов, как право на историю, культуру, территорию и т. п. [1, 196].

И если первоначально японское государство стремилось использовать музеи для содействия индустриализации и просвещению, то с конца 1880-х гг., когда музеи были переданы под прямой контроль императорского двора, перед ними ставится идеологическая задача – воспитывать уважение к императору как к национальному благодетелю. Соответственно, цель государственных музейных коллекций радикально изменилась: от распространения объективных научных знаний к пропаганде имперского повествования об истории нации и формированию национальной идентичности («духа истинного японизма») через создание единого для всех японцев культурного пространства. История культуры в этот период становится важной частью государственной идеологии [13, 74].

После поражения Японии во Второй мировой войне и принятия Конституции 1947 г. фигура императора продолжает оставаться символом нации, но вся полнота государственной власти сосредоточилась в руках главы кабинета министров, ответственного перед парламентом. Одной из стратегий послевоенного государства по предотвращению внутренних и внешних подозрений в скрытом милитаризме становится продвижение Японии как «государства культуры» (*бунка кокка*) [3, 23]. В этом контексте «традиция и её символы (древняя архитектура, буддистские статуи и т. п.) освобождались от связи с “токсичным” консерватизмом и милитаризмом военного времени и становились идейным фундаментом для переосмыслиения японской культуры» [7, 233]. При этом значительная роль отводилась государственным музеям, которые перестали быть собственностью императорского двора и передавались под юрисдикцию Министерства образования: музейная реформа фактически стала частью всеобъемлющей реструктуризации отношений между императором, государством и народом Японии [13, 206].

В 1950 г. в Японии был принят, а в 1955 г. дополнен Закон об охране культурных ценностей (*Бункадзай хогохо*). По этому закону все учтённые объекты культурного наследия подразделялись на «национальные сокровища», отбираемые Министерством образования, науки и культуры и утверждаемые японским правительством, и «важные культурные ценности» («важные объекты культуры»). Также в законе были добавлены три новые категории объектов охраны: нематериальные (*мукэй*), народные (*минзоку*) и погребённые (*майдзо*) культурные ценности. Под последними имеются в виду памятники, обнаруженные в ходе археологических раскопок или в процессе различных строительных работ, но всё ещё находящиеся в земле по разным причинам.

В 1951 г. появился Закон о музеях (*Хакубуцукан хо*), впервые законодательно признавший эти институции и обозначивший принципы их регулирования [4]. Согласно ст. 2 закона, музеи были определены как объекты, которые собирают, хранят, исследуют и используют материалы по истории, искусству, народным традициям, промышленности и естественным наукам. Закон охватывал различные типы музеев, включая ботанические сады, зоопарки, аквариумы и планетарии. Также он различал исходя из форм собственности общественные музеи, учреждённые местными органами власти, и частные музеи, созданные объединёнными ассоциациями и фондами или юридическими религиозными и другими лицами. Впервые были сформулированы и законодательно закреплены система регистрации государственных музеев, налоговые преференции для частных музеев и др.

Принятие музейного закона в том числе способствовало «музейному буму», который выразился в росте числе музеев. С. А. Лысенко приводит статистику, согласно которой «в середине XX в. наибольшее количество открытых в Японии музеев за короткий срок показывают вторая половина 1960-х гг. – 534 музея; и 1970–1974 гг., подарившие стране 777 музеев. Но “музейный бум” не остановился в середине 1970-х гг. – к концу эпохи Сёва в 1989 г. Япония насчитывала 2538 музеев» [8].

Специфической особенностью активно формирующейся в этот период японской музейной сети является то, что, в отличие от других азиатских стран, здесь была представлена не только национальная культура, но и западное искусство. Это неслучайно, поскольку интерес к западной

культуре начиная с середины XIX в. прочно ассоциировался в Японии с просвещением и модернизацией. Как отмечает Л. Балашова, «“культурализация” (*bunka-ka*, бунка-ка) в японском языке является синонимом вестернизации. Филологически “культура” (*bunka*, бунка) – первоначально аббревиатура перевода западного слова “культура” в период Мэйдзи, означала “европейскую/американскую моду” и национальную политику “модернизации” и “вестернизации” страны» [2, 159].

Одним из крупнейших не только в стране, но и во всей Азии хранилищ шедевров европейских мастеров стал Национальный музей западного искусства в Токио, созданный в 1959 г. на базе частного собрания Мацукуата Кодзиро (1865–1950). Японский бизнесмен, получивший образование в США, был уверен, что будущее Японии во многом определится тем, насколько она сможет усвоить передовой опыт западных стран. Он мечтал создать музей и даже придумал ему название – Павильон изящных искусств для чистого удовольствия (*Кераку Бидзюцуан*), – где каждый мог бы наслаждаться искусством.

Президент корпорации «Кавасаки», коллекционер, Мацукуата много путешествовал и инвестировал своё состояние в тысячи произведений искусства. За период с 1916 по 1927 гг. через посредников и самостоятельно он покупал оптом работы английских авторов (всего около 1000). Позже, уже во Франции, коллекционер приобрёл скульптуры О. Родена, картины К. Моне и В. ван Гога, К. Писсарро и Э. Дега, П. Гогена, П. Сезанна и др. (около 1000 работ). Мацукуата был известен как хороший друг К. Моне, покупавший работы непосредственно в мастерской художника. В коллекции было представлено современное английское и французское искусство разных видов – от картин и скульптур, рисунков и гравюр до декоративного искусства. Общее количество работ превысило 10 000 (с учётом 8000 гравюр укиё-э, купленных не только в Японии, но и во Франции).

Первоначально планировалось создать такой музей в г. Кобэ, где находилась штаб-квартира корпорации Кавасаки, затем местом был выбран принадлежащий семье Мацукуата дом в Токио. Английскому художнику Фрэнку Брэнгвину (1867–1956), консультировавшему японского коллекционера при покупке картин, был заказан проект оформления помещения для экспозиции. Однако начавшаяся в 1927 г. Великая депрессия и последовавшие финансовые проблемы помешали воплощению задуманного: Мацукуата был вынужден продать значительную часть коллекции для оплаты долгов компании. Оставшаяся часть была размещена на складах в Лондоне и Париже, но в 1939 г. склад в английской столице сгорел вместе с картинами. Сохранившаяся «парижская часть» коллекции во время войны была изъята французским правительством как имущество врага. Только в 1959 г. по Сан-Францисскому мирному договору конфискованное частично было возвращено Японии. Особую роль в этом сыграл премьер-министр Японии Сигэру Ёсида, который в кулуарах лично обратился к министру иностранных дел Франции с просьбой вернуть коллекцию Мацукуата на родину.

В качестве непременного условия для возвращения произведений искусства французское правительство потребовало от правительства Японии построить специальный художественный музей для этой коллекции, чтобы произведения снова не были разбросаны. В 1959 г. коллекция из 308 картин, 63 скульптур и пяти книг была возвращена в Японию [15]. В том числе среди возвращённых шедевров находилась одна из реплик (1904) «Мыслителя» О. Родена, установленная на открытой площадке перед вновь созданным Национальным музеем западного искусства. Однако не вся «парижская часть» коллекции вернулась в Японию: «...17 работ К. Моне, В. ван Гога и других художников остались во Франции и заполнили имеющиеся пробелы в национальном собрании этой страны» [15].

Мечта японского коллекционера о создании музея, который не только мог бы просвещать соотечественников, знакомя их с шедеврами европейского искусства, но и способствовал обучению студентов художественных специальностей, чье профессиональное становление невозможно без знакомства с историей искусства во всём её объёме, реализовалась уже после смерти Мацукуата Кодзиро. В апреле 1959 г. в Токио на основе части его собрания был создан Национальный музей западного искусства. С момента открытия музея его фонды активно пополнялись благодаря

другим дарителям, в том числе членам семьи Мацукаса. Сегодня постоянная экспозиция знакомит зрителей с европейским искусством от Средних веков до начала XX в., и если первоначально преобладали работы французских авторов, то сегодня представлено искусство восемнадцати стран. В экспозиции присутствуют иллюминированные рукописи – средневековые книги, украшенные кра- сочными миниатюрами и орнаментами, произведения ювелирного искусства начала XX в., работы П. Пикассо, П. Гогена, О. Ренуара, Г. Курбе, Э. Делакруа и др.

Помимо западной живописи и скульптуры, коллекционер собирал и японское искусство. Одним из первых он обратил внимание на укиё-э, в том числе выкупил 1925 работ, вывезенных за пределы страны. И когда в 1952 г. Министерство образования Японии учредило в столице Национальный музей современного искусства, около 8000 гравюр из коллекции Мацукаса стали частью его собрания. Сегодня этот музей – один из крупнейших художественных музеев Японии, экспонирующих современное искусство, наряду с Музеем современного искусства в Киото (1963), в Осаке (1977) и Национальным музеем западного искусства в Токио [15]. Его собрание включает произведения японских мастеров XX в., а также работы их европейских современников, таких как М. Шагал, Р. Делоне, М. Эрнст, П. Гоген, В. Кандинский, П. Клее, А. Муха, П. Пикассо и др.

Во второй половине XX в. в Японии складывается новый тип музеев – «музеи мира и войны», непосредственно посвящённые военным событиям в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создаваемые по инициативе граждан, а не государства. За несколько десятилетий в разных городах страны открылось более 60 таких учреждений, играющих важную роль в сохранении коллективной памяти нации на благо молодого поколения. При этом, как отмечают исследователи, большинство таких музеев рассказывает историю Второй мировой войны с точки зрения, согласно которой японцы также были жертвами войны [11]. Примерами такого подхода являются Мемориальный музей мира в Хиросиме (1955) и Музей атомной бомбы Нагасаки (1955).

Знаменитый Мемориальный музей мира в Хиросиме появился благодаря общественной инициативе и проведённому национальному референдуму, в результате которого в 1955 г. государство выделило средства на его создание. «Комплекс Мира должен был стать первым крупным архитектурным ансамблем, построенным в Японии после Второй мировой войны. В связи с чрезвычайной важностью будущего комплекса был проведён конкурс, в котором победил проект Кэндо Тангэ. Эта первая крупная работа принесла ему авторитет в профессии и мировую известность» [5, 156].

Музейный комплекс состоит из двух корпусов. Экспозиция главного здания посвящена последствиям атомной бомбардировки Японии. Помимо демонстрации фотографий и документов, она включает в себя оборудование для демонстрации медиаматериалов – аудио- и видеозаписей очевидцев тех трагических событий.

Хотя парк и музей мира в Хиросиме долгое время служили оплотом глобального антиядерного движения, музей первоначально подвергся резкой критике за то, что отдал момент ядерной бомбардировки от рассказа об ответственности Японии за войну. В ответ на это уже в 1990-х гг. обновлённая экспозиция стала включать обсуждение разрушительного японского военного вторжения в Азию [13, 220-221]. Эта тема представлена в материалах Восточного корпуса, где «экспозиция рассказывает о предпосылках атомной бомбардировки, участии Японии во Второй мировой войне и конкретных военных событиях, которые могли привести к ядерной атаке» [14]. Таким образом, предполагается, что посетители должны понять, что трагедия не произошла без причины и что сама Япония несёт ответственность за начало войны.

При взгляде на музей в целом выявляются явные изменения и даже противоречия между различными концепциями Восточного зала и главного здания. В то время как первоначальная экспозиция в первую очередь стремится вызвать сочувствие к жертвам, обновлённый зал нацелен на то, чтобы перечислить возможные причины, по которым Соединённые Штаты сбросили бомбу на Хиросиму. В этом разделе цель музея заключается в иллюстрации стратегий и жестокостей японской войны. Большинство информационных стендов об истории Хиросимы служат для подчёркивания большого значения города во Второй мировой войне как временной резиденции правительства, императора, базы пятой дивизии, места размещения различных военных объектов и значи-

тельного военно-морского порта. Тем самым экспозиция показывает, что город не был выбран в качестве потенциальной цели без причины. Это версия истории, которая помогает легитимизировать действия американских сил.

Однако, как отмечает М. Состеро, при таком подходе некоторые важные исторические факты игнорируются. Например, нигде в экспозиции не указывается, что все ранее упомянутые военные объекты находились за пределами городской черты или что, несмотря на предполагаемую военную важность, Хиросима никогда ранее не была выбрана в качестве цели для американских ударов. Музей даже в некоторых моментах противоречит логике собственных аргументов. В разделе под названием «Причины сброса бомбы на Японию», расположенным в конце зала, музей игнорирует все вышеупомянутые факторы. Вместо этого он перечисляет географическое расположение, погодные условия в утренние часы нападения и тот факт, что в близлежащих лагерях для военнопленных не было американских солдат, как решающие причины для ядерной бомбардировки Хиросимы [16].

Это всего лишь один пример того, как Музей мира в Хиросиме стремится представить военный период и как он даже осмеливается осуждать действия японских солдат. Хотя есть и другие, например Мемориальный музей Ока Масахару в Нагасаки (1995) – небольшой частный музей, в котором представлены достоверные свидетельства японской агрессии. Но в целом такое критическое понимание истории является довольно необычным для Японии. По словам Стивена Липера, главы Фонда мира и культуры Хиросимы (PCF), ответственного за содержание выставки, особое уважение к прошлому делает почти невозможным публичную критику прежних действий пожилых и умерших в Японии [16].

В 1981 г. в результате сотрудничества местных жителей и средств массовой информации был создан Международный центр мира в Осаке – музей, рассказывающий об ужасах Второй мировой войны. В экспозиции на первом этаже представлены фотографии и документы, раскрывающие тему военной агрессии Японии в соседних азиатских странах. Также здесь задокументированы американское вторжение на Окинаву и последствия атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Материалы второго этажа повествуют о воздушных налётах на Осаку, разрушивших большую часть города и уничтоживших множество его жителей в конце войны. И хотя ядро экспозиции сосредоточено на показе жизни в городе во время воздушных налётов, в целом Япония представлена не только как воинствующий агрессор, но и как жертва. Именно по этой причине с 1990-х гг. музей в Осаке стал мишенью правых группировок, что вынудило его пойти на ряд уступок в направлении «паритета» [13, 221].

На другой стороне политического спектра находится всемирно известный Юсюкан (Yūshūkan) (букв. «Место общения с благородными душами») – военный музей при токийском храме Ясукуни, посвящённом воинам, погибшим за императора. Он был основан в 1882 г. как государственный музей, первый и старейший военный музей Японии, предназначенный в первую очередь для демонстрации военных трофеев. Во время войны Юсюкан, экспонировавший образцы японского оружия, активно поддерживал патриотические настроения в обществе. Однако после поражения страны оккупационные власти запретили государственное финансирование храма Ясукуни, музей был закрыт. Служители храма – канусси – сдавали здание музея в аренду, и только в 1985 г. Юсюкан был снова открыт уже не как государственный, но как общественный музей при храме, финансируемый ветеранскими организациями и родственниками погибших солдат.

Современная экспозиция располагается на двух этажах и включает фотографии, документы и артефакты, касающиеся военной деятельности с начала реставрации Мэйдзи до конца Второй мировой войны. На первом этаже экспонируются письма и фотографии погибших воинов, которые в Японии канонизированы согласно канонам синтоизма. Здесь же представлены образцы военной техники периода Второй мировой войны. Экспозиция второго этажа в хронологическом порядке начиная с середины XIX в. воссоздаёт военную историю страны. При этом через всю экспозицию красной нитью проходит мысль об изначальной и незыблемой правоте Японии, с кем бы она ни воевала. Такая гипернационалистическая трактовка вызывает справедливое негодование со стороны мирового сообщества и либеральных слоёв внутри страны, особенно когда дело касается Вто-

рой мировой войны. Изображение войны заканчивается «героической битвой» за Окинаву в период с 1 апреля по 23 июня 1945 года. Последующие события, включая атомные атаки на Хиросиму и Нагасаки, не находят места в экспозиции Юсюканы. Вместо этого последние три зала предназначены для увековечения памяти погибших японских воинов. В этом разделе более 3000 солдат представлены индивидуально с указанием имён, фотографий, военных рангов и мест гибели. Эта часть предназначена только для тех солдат, которые увековечены в соседнем храме Ясукуни.

В 1999 г. под давлением на правительство Японской ассоциации семей погибших на войне (*Нихон идзоку кай*) и ветеранских организаций был открыт Национальный мемориальный музей Сева (*Севакан*) и Зал Секей (*Секейкан*). Оба они находятся под юрисдикцией Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения и предназначены для информирования последующих поколений о жертвах, принесённых японскими гражданскими лицами и солдатами во время войны. В музее, который первоначально должен был называться Молитвенным залом в память о жертвах войны, представлены предметы, иллюстрирующие образ жизни японского народа во время и после Второй мировой войны (период Сева по японскому календарю, соответствующий правлению императора Сева (Хирохито) с 25 декабря 1926 г. до его смерти 7 января 1989 г.). Здесь хранятся более 63 000 экспонатов, включая письма, одежду и другие предметы, рассказывающие о жизни обычных граждан в военный и послевоенный периоды.

Но сегодня такая односторонняя трактовка истории Японии в соответствии с позицией руководителей храма Ясукуни устраивает не всех. По мнению Тогу Кадзухико, «Ясукуни дзиндзя – не то место, где должен быть представлен лишь односторонний взгляд на историю страны. Святилище Ясукуни, возможно, сыграло полезную роль, сохраняя традиции и взгляды предвоенной Японии. Но сегодня, спустя 60 лет, когда существует разнообразие взглядов на войну, пришло время для Ясукуни вернуться к его главной функции – скорбеть в соответствии с синтоистской традицией по тем, кто отдал жизнь за свою страну. Функции Юсюкан должны быть отделены от Ясукуни дзиндзя, а в случае необходимости перенесены в другое место» [9].

Ещё одной новой формой музея в этот период стали экомузеи, в Японии они появляются даже раньше, чем где-либо в Европе [2, 160]. Согласно современному музеологическому подходу, экомузеи представляют собой один из вариантов средовых музеев [12]. Они не просто сохраняют музейные предметы, но организуют этот процесс в привычной среде и ландшафте, с традиционным функционалом, при этом ещё и с привлечением местного населения, тем самым способствуя сохранению традиционных ремёсел, промыслов и других видов нематериального культурного наследия.

Один из первых примеров такого рода – *Нихон Минка-эн* (1960), музей под открытым небом, посвящённый архитектуре и быту Японии времён Эдо, расположенный в парке Икута Рёкути на окраине г. Кавасаки. К концу XX в. таких музеев в Японии уже насчитывалось около ста.

Наряду с ростом числа новых музеев другим признаком «музейного бума» в послевоенной Японии является рост посещаемости. Он виден на примере статистики Токийского национального музея, главного музея Японии, приводимой Н. Асо (см. табл. 1) [13, 211].

Таблица 1
Ежегодные показатели посещаемости Токийского национального музея, 1946-1972 гг.

Год	Количество посетителей						
1946	159 242	1953	420 972	1960	519 746	1967	689 715
1947	489 049	1954	803 060	1961	718 594	1968	958 521
1948	472 133	1955	425 843	1962	599 709	1969	876 601
1949	593 669	1956	365 344	1963	1 054 743	1970	793 227
1950	284 604	1957	274 035	1964	910 207	1971	739 564
1951	529 257	1958	883 288	1965	1 552 965	1972	873 705
1952	364 127	1959	569 776	1966	790 122		

Притоку новых посетителей в немалой степени способствовала активизация экспозиционно-выставочной деятельности. Причём многие выставки основывались не на содержании фондов национальных музеев, но на экспонатах, привезённых из-за рубежа. Тенденция началась с выставки западного искусства в 1947 г. в Токийском национальном музее, на которую пришлась почти четверть всех посещений в том году, далее была выставка Анри Матисса в 1951 г. (150 743 чел.), выставка из Лувра в 1954 г. (491 225 чел.), Мексиканская художественная выставка 1955 г. (134 563 чел.) и выставка Винсента ван Гога 1958 г. (477 758 чел.), а также французская выставка изобразительного искусства 1961 г. (690 540 чел.), египетская выставка искусств 1963 г. (598 157 чел.) и, самая крупная из них, выставка сокровищ Тутанхамона 1965 г. (1 224 166 чел.) [13, 210].

Таким образом, на протяжении 2-й половины XX в. музеи стали привычной и востребованной формой японской культуры, одним из ключевых акторов культурной политики. Настолько привычной, что потребовался специальный закон, регулирующий их деятельность – Закон о музеях (1951). Его появление, как и Закона об охране культурных ценностей 1950 г., свидетельствовало о важности традиционной культурной основы для самих японцев, особенно в условиях стремительно меняющегося послевоенного мира высоких технологий, периода восстановления и обновления страны.

К концу XX в. музейная сеть Японии включала музеи национальные, муниципальные, ведомственные и частные. Начиная с 1950-х гг. сеть центральных государственных музеев значительно расширилась: в дополнение к основным учреждениям Токио, Киото и Нары открылись Национальный музей современного искусства (Токио, 1952), Национальный музей западного искусства (Токио, 1959), Национальный музей современного искусства (Киото, 1963), Национальный художественный музей (Осака, 1977). Помимо художественных музеев, открылись Национальный музей этнологии в Осаке (1974), Национальный историко-этнографический музей Японии в г. Сакура (1981 г.). В 1990-е – 2000-е гг. существенная модернизация прошла в Национальном музее природы и науки в Токио, открывшемся для публики ещё в 1871 г. как Музей Министерства Образования.

Как в крупных городах, так и в сельской местности открывались частные музеи и выставочные залы, например Художественный музей Сантори, основанный в 1961 г. в центре Токио президентом пивоваренной компании Сантори. Появляются музеи нового типа – так называемые «музеи мира и войны», непосредственно посвящённые военным событиям, в которых участвовала Япония, создаваемые по инициативе граждан.

«Музейный бум» в Японии выразился не только в росте числа музеев и повышении их посещаемости, но и в том, что в обществе начинают активно обсуждаться вопросы взаимодействия музея и социума. Послевоенный период наглядно показал, что музеи функционируют не только для того, чтобы сохранять и демонстрировать вещи, но и для того, чтобы выявлять, конструировать и отражать ценности через предметы. Именно общедоступность материала и делает музей одним из важных коммуникационных институтов: «как экспозиция может являться собранием произведений, так она и является собранием идей, подвластных концепции создателя» [6]. Поскольку все аспекты музеев имеют сконструированное значение, музеи не изолированы от политики: именно здесь ценности, смысл и идеология конструируются, интерпретируются и переопределются. В этом смысле музеи – наряду с другими институтами – участвуют в создании политической картины мира, которая «включает в себя представления о праве, власти и организации общества, исследует системы управления и взаимодействия между людьми и государствами» [10].

В Японии осознанию важной идеологической функции музея способствовали в том числе ожесточённые споры вокруг вновь открывающихся во 2-й половине XX в. музеев мира и войны. Эти споры, ставшие результатом столкновений идеологических интересов государства, беспристрастного научного знания и потребностей социальных групп, стимулировали внутреннее осознание кураторами таких музеев этических аспектов музейной деятельности и общественной ответственности музея перед публикой [13, 222].

К началу XXI в. Япония подошла в качестве страны с обширной сетью музеев разного профиля и различных форм собственности. С 1951 г. она является членом ИКОМ (Международного совета музеев), тогда же был создан Японский комитет международного совета музеев (ICOM Japan). С 1992 г. Япония является государством – участником Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 286 с.
2. Балашова, Л. Yohaku, или концепция «пустоты» в современной японской музеологии / Л. Балашова // Aesthetica Universalis. – 2018. – Vol. 2 (2). – С. 153-165.
3. Гришелева, Л. Д. Культура послевоенной Японии / Л. Д. Гришелева, Н. И. Чегодарь. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
4. Закон о музеях: Закон № 285 1950 года // E-gov, поиск закона. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=326AC1000000285> (дата обращения: 12.08.2024). – Текст: электронный.
5. Коновалова, Н. А. Музеи Японии. Архитектурная история / Н. А. Коновалова // Современная архитектура мира. – 2023. – Вып. 21. – С. 145-180.
6. Лашко, А. Власть знания: социально-политические аспекты экспозиции и выставки / А. Лашко // Deziign, 2022-2025. – URL: <https://competition.deziign.com/project/15b110d24b59405781c568989b95d516> (дата обращения: 12.08.2024). – Текст: электронный.
7. Леонов, И. А. Серия «Муродзи» Домона Кэна в контексте развития японской фотографии 1950-х гг. / И. А. Леонов // Прекрасное и утилитарное: поиски взаимодействия: материалы третьей Международной научной конференции «Искусство Востока и Восток в искусстве» (ИВВИ / АЕЕА 3) / сост. Н. В. Сафонова, П. В. Моргунова; [отв. ред. Д. В. Дубровская]; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ФГБУН ИВ РАН, 2024. – С. 232-234.
8. Лысенко, С. А. Создание и развитие концепции музейного дела в Японии XIX-XXI вв. / С. А. Лысенко // МНСК-2019. Востоковедение: материалы 57-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 14-19 апреля 2019 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019. – С. 95-96.
9. Молодякова, Э. В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни / Э. В. Молодякова // Ежегодник Япония. – 2007. – № 36. – С. 48-68.
10. Пестушко, Ю. С. Фразеологические и идиоматические выражения японского языка как часть языковой картины мира: типологизация и особенности перевода на русский язык / Ю. С. Пестушко, В. О. Нестерова, Е. В. Савелова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № VIII (72). – С. 48-55.
11. Пхутонг, П. Обучение миру из сказок города: Воспитание мира через воспоминания Нагасаки / П. Пхутонг // 2025 – Глобальная кампания за воспитание в духе мира. – URL: <https://www.peace-ed-campaign.org/ru/teaching-peace-tales-city-peace-education-memorystapes-nagasaki> (дата обращения: 12.08.2024). – Текст: электронный.
12. Экомузеи // Российская музейная энциклопедия. – URL: http://museum.ru/RME/sci_eco.asp (дата обращения: 12.08.2024). – Текст: электронный.
13. Aso N. Public Properties: Museums in Imperial Japan. Asia-Pacific: Culture, Politics, and Society Series. – Durham: Duke University Press, 2014. – 320 p.
14. Hiroshima Peace Memorial Museum // URL: <https://hpmmuseum.jp/?lang=eng>.
15. Kojiro Matsukata Development of Art in Japan / The Stories / Kawasari // URL: <https://global.kawasaki.com/en/stories/articles/vol31/art.html>.
16. Sostero M. Museum Culture of Remembrance: The Depiction of World War II in Japanese, German and Austrian Museums / M. Sostero // Vienna Journal of East Asian Studies 3(1). – March 2012. – P. 165-192.

Крыжановская Я. С., Цуй Етун
Ya. S. Kryzhanovskaia, Tsui Yotong

РОЛЬ МУЗЫКИ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РИТУАЛАХ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

THE ROLE OF MUSIC AND MUSICAL INSTRUMENTS IN THE RITUALS OF ANCIENT CHINA

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: krijanowskaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaya – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia. E-mail: krijanowskaia.yana2012@yandex.ru.

Цуй Етун – аспирант кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: 847356092@qq.com.

Tsui Yotong – Postgraduate Student, Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya str., Khabarovsk, 680045. E-mail: 847356092@qq.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу музыкальной составляющей ритуалов Древнего Китая. Восстанавливается целостная картина этого феномена начиная с эпохи Шан (1600 г. до н. э. – 1046 г. до н. э.), когда складывается древнекитайская культура жертвоприношений с использованием ударных, духовых и струнных музыкальных инструментов, и до периода династии Мин (1368 – 1633 гг.), ставшего временем своеобразного подведения итогов трёхсоттысячелетнего развития китайской цивилизации. Выявлена особая роль ударных инструментов, включая комплексы каменных колоколов бянь-цин и бронзовых колоколов бянь-чжун, являвшихся одновременно и музыкальными инструментами, и предметами ритуала в разных типах обрядов, включая жертвоприношение Небу, и политическим символом, воплощающим иерархический порядок в обществе. Исследованы некоторые образцы древних инструментов, представленные в музеях КНР и США.

Summary. The article is devoted to the analysis of the musical component of the rituals of Ancient China. The whole picture of this phenomenon is being restored starting from the Shang era (1600 BC – 1046 BC), when the ancient Chinese culture of sacrifices using percussion, wind and string musical instruments was formed, and up to the period of the Ming Dynasty (1368-1633), which became the time of summing up of the three hundred thousand-year development of Chinese civilization. The special role of percussion instruments was revealed, including the complexes of stone bells bian-qing and bronze bells bian-zhong, which were both musical instruments and ritual objects in various types of rituals, including sacrifice to Heaven, and a political symbol embodying hierarchical order in society. Some examples of ancient instruments presented in the museum collections of China and the USA have been studied.

Ключевые слова: Древний Китай, обряд поклонения Небу, ритуал, жертвоприношение, музыкальные инструменты.

Key words: Ancient China, Heaven worship, ritual, sacrifice, musical instruments.

УДК 304/221+78

Для всех древних культур миф и ритуал выступали двумя фундаментальными основаниями религиозного комплекса. И если миф проявлял себя «в качестве механизма воспроизведения культурной традиции» [6], то ритуал этот механизм запускал на практике, выступая как наглядная форма выражения определённой социальной иерархии, во главе которой стояли божества. В Древнем Китае формой коммуникации с этими божествами служили жертвоприношения, причём

«каждое из них в отдельности представляло собой сложный комплекс действий, а вместе взятые они образовывали разветвлённую систему субрелигиозного поведения, знание которой было обязательным для образованного человека» [3].

Музыка, в том числе инструментальная, всегда была важной частью этой системы: как известно, музыка юэ была не просто искусством, выполняющим эстетические и художественные функции, но являлась неотъемлемой частью жизни государства, непосредственно соотносилась с политикой и экономикой [5, 4].

Период династий Ся, Шан и Чжоу (эпоха бронзы) был этапом формирования древнекитайской культуры жертвоприношений. Уже во времена династии Шан (1600 г. до н. э. – 1046 г. до н. э.) жертвоприношения становятся важной составляющей политической жизни страны. При этом объект жертвоприношения постепенно трансформируется. Китайские исследователи отмечают, что династия Шан принадлежала к шаманским культурам. Шаманы руководили исполнением музыки и танцев во время жертвоприношений, являвшихся формой поклонения тотему чёрной птицы. В дальнейшем объект жертвоприношений постепенно сместился от тотемного поклонения к почитанию предков. При этом инструментальная музыка и танцы продолжали оставаться обязательными элементами в структуре ритуала.

Музыкальные инструменты династии Шан включали более двадцати видов инструментов трёх групп: ударные, духовые и струнные. Среди артефактов династии Шан, найденных археологами, есть ударные музыкальные инструменты цин (каменные колокола, представляющие собой плоские изогнутые пластины из известняка или нефрита), гу (барабан), до (колокол) и др. Например, структура глиняной шарообразной флейты сюнь, какой мы знаем её сегодня, была стандартизирована во времена династии Шан. Ансамблевое звучание таких инструментов сопровождало обряды. Технология производства бронзы только появилась в этот период, но постепенно её совершенствование привело к росту уровня производства ударных музыкальных инструментов [13].

Законченную конструкцию приобретают бянь-цин и бянь-чжун – инструменты, представляющие собой деревянную раму с двумя горизонтальными перекладинами, на которых располагались каменные (литофоны цин) или бронзовые (чжун) колокола. Звук получался в результате внешнего удара деревянным молотком. В литературе такие наборы ещё называют «курантами», т. е. наборами настроенных колоколов. Исследователь У Ген-Ир указывает, что «позднее в классическом варианте таких плит или колоколов, настроенных в хроматической шкале по полутонам, будет шестнадцать» [8]. Однако в эпоху Шан бронзовые музыкальные инструменты ещё не использовались достаточно широко, важной частью ритуальных церемоний они становятся в эпоху Чжоу [10, 87].

Во времена династии Чжоу (1045 г. до н. э. – 221 г. до н. э.), характеризующиеся расцветом философии, литературы и искусства, система жертвоприношений была усовершенствована. В это время утверждается политическая система на основе концепции *Тянь Мин* (Небесного мандата) и конфуцианской практики единства ритуала и музыки, определявшей различия в статусе и социальном положении человека (включая происхождение и возраст).

Вскоре после прихода к власти У-ван, основатель династии, приказал Чжоу-гун Даню, своему младшему брату, систематизировать ритуальную музыку, а также упорядочить придворную церемониальную музыку, чтобы она могла служить его правлению и сохраняла порядок в природе и обществе. Такая музыка включала мелодии и танцы, используемые для жертвоприношений и различных придворных церемоний [12]. В этот период появляются такие ритуальные комплексы, как «Пять жертвоприношений» и «Семь жертвоприношений», а также ритуалы национального уровня («Общественное жертвоприношение»). Тогда же «была предпринята классификация инструментов в зависимости от материалов, из которых они изготавливаются. Это металл, камень, шёлк, бамбук, тыква, земля, кожа, дерево. Классификация получила название *байнь*, что означает “восемь тонов” или восемь тембров» [8]. Позднее она была заимствована музыкантами соседних государств.

Хотя в число музыкальных инструментов входили также инструменты, изготовленные из шёлка и бамбука, основными оставались каменные и бронзовые ударные: согласно сохранившим-

ся свидетельствам, во время торжественных выступлений танцоры передвигались синхронно, двигаясь вперёд при звуках барабанов и отступая при игре на гонгах [12]. Именно каменные и бронзовые инструменты надлежало использовать в обрядах с участием императора: «В древности Сын Неба и владетельные князья чжухоу слушали звон колоколов чжун и каменных бил цин, не покидая дворцов; высшие сановники – цины и дафу – слушали мелодии, исполняемые на гуслях цинь и сэу не покидая своих мест перед дворцом» [7, 95].

Сегодня некоторые из таких инструментов представлены не только в музеях Китая, но и за рубежом, например в коллекции музыкальных инструментов Морриса Стейнера (Йельская школа музыки, Нью-Хейвен, США), где экспонируются колокола разных размеров, развесенные на двух уровнях и издающие высокие и низкие звуки. К другим музыкальным инструментам, используемым во время светских церемоний, относятся гуцинь (древний струнный щипковый инструмент семейства цитр), флейта сюнь, духовой орган шэн, се (струнный инструмент семейства цитр) и т. д. [12].

Помимо достигнутого высокого уровня технологии производства музыкальных инструментов, во времена династии Чжоу был создан Музыкальный департамент, возглавляемый «Великим министром музыки», а также специальная школа, обучавшая «музыкантов и танцоров из числа выходцев из благородных семей (лянцзяцы) с 13 до 20 лет» [8].

В 1058 г. до н. э. утверждается регламент проведения официальных церемоний, а ансамбли музыкантов, участвующие в них, приобретают статус государственных. Состав и количество исполнителей напрямую определялись положением честуемого. Согласно правилам, для проведения церемонии в честь императора были обязательны четыре комплекта бронзовых колоколов бянь-чжун и бянь-цин, которые нужно было расположить строго по сторонам света. Комплекты бянь-чжун включали колокола двух видов – юнчжун, способные издавать два разных по высоте звука, и нючжун. «Три комплекта колоколов предназначались для удельного князя или крупного феодала (чжухоу), причём размещались они на подставках, расположенных по трём сторонам квадрата так, что свободной оставалась южная сторона. Два комплекта колоколов полагалось для чиновников центральных ведомств (даифу) и один – для простых чиновников и учёных иши» [10]. Окончательное выражение эти требования получили чуть позже в связи с развитием музыки яюэ (букв. «элегантная музыка»).

Период весны и осени (770 – 476 гг. до н. э.) и период Воюющих царств (V в. до н. э. – 221 г. до н. э.) стали временем расцвета древнекитайской культуры жертвоприношений. Различные философские школы одна за другой выдвигали собственные концепции, формируя разнообразную жертвенную культуру. Конфуцианство делало упор на «ритуал» и полагало, что жертвоприношение является важным церемониальным действием, поэтому должно осуществляться строго в соответствии с предписанным временем, местом, методом и т. д. Даосизм выступал за «управление бездействием» (у-вэй) и считал, что жертвоприношение должно соответствовать природе и не гоняться за формой.

К этому периоду относится комплект колоколов бянь-чжун, обнаруженный археологами в 1978 г. в деревне Лэйцяпо уезда Дау провинции Хубэй (см. рис. 1). Всего в гробнице князя И Цзэна находилось 65 бронзовых колоколов и большое количество бронзовой ритуальной утвари. Колокола расположены в три яруса на двух стойках, расположенных в форме буквы «L» перпендикулярно друг к другу. Одна стойка имеет длину 7,48 м и ширину 2,65 м. Другой стеллаж имеет длину 3,35 м и ширину 2,73 м.

На верхнем уровне расположены 19 колоколов в трёх группах, на среднем уровне – 33 колокола в трёх группах и 12 колоколов в двух группах на нижнем уровне. Инкрустированные золотом надписи на каждом колоколе содержат ценную информацию о ранних музыкальных терминах и исполнении, в то время как 65-й колокол с плоским дном, называемый бо, содержит надпись, свидетельствующую о том, что император посвятил этот колокол князю И Цзэну, покойному, и имеет дату, эквивалентную 433 г. до н. э. [14].

Самый большой колокол имеет высоту 153,4 см (60,4 дюйма) и весит 203,6 кг (449 фунтов). Самый маленький колокол имеет высоту 20,4 см (8 дюймов) и весит 2,4 кг (5,3 фунта). Каждый

колокол может воспроизводить два тона. Звуковой диапазон этих колоколов составляет от С2 до D7. В средней области тонального диапазона он может воспроизводить все двенадцать полутона. Деревянные молотки, которыми били в колокола, также были обнаружены археологами в гробнице [14].

Этот комплект до сих пор является самым большим и наиболее сохранившимся собранием бронзовых колоколов из найденных с лучшими музыкальными свойствами [10]. С момента раскопок в 1978 г. он находится под особой охраной государства и в настоящее время выставлен в Музее провинции Хубэй в г. Ухань. Будучи национальным достоянием, эти колокола звучали всего три раза с тех пор, как были обнаружены, последний раз их можно было услышать на торжественной церемонии по случаю воссоединения Гонконга в 1997 г. [18].

Рис. 1. Бронзовые колокола из захоронения князя И Цзэна (Музей провинции Хубэй, г. Ухань)

Период между династиями Цинь и Хань, с одной стороны, и династиями Суй и Тан, с другой, стал временем наследования и инноваций древнекитайской жертвенной культуры. После того как династия Цинь объединила шесть царств, она иерархически реорганизовала сложную систему жертвоприношений, выделив «*Тай Лао*» («Великое жертвоприношение», самый торжественный обряд в Древнем Китае, который проводился в столичных храмах с участием императора и высших сановников, во время которого духам преподносили «три мясные жертвы» – туши быка, барана и свиньи) и «*Шао Лао*» («Малое жертвоприношение»).

Звучание музыкальных инструментов продолжало быть обязательной частью ритуалов при династии Цинь, и чем выше статус церемонии, тем большее число музыкантов должно было участвовать. Для жертвоприношений предкам императора или при проведении жертвоприношений Небу, помимо большого количества инструменталистов, привлекали танцоров и певцов: китайский историк Го Мо-жо указывал, что «оркестр первого китайского императора Цинь Шихуанди состоял из 829 музыкантов, а группа танцоров включала 132 человека» [1, 313].

За организацию музыкальной составляющей жертвоприношений отвечало отдельное ведомство. В 2018 г. китайские археологи в северо-западной провинции Шэньси обнаружили руины правительенного административного здания, которое, как полагают, было музыкальным центром династии Цинь. По словам Чжана Янличжэна, младшего научного сотрудника провинциального научно-исследовательского института археологии, руины длиной 110 м и шириной 19,5 м состояли из четырёх помещений одинаковой площади с глиняными стенами толщиной около 3 м. Здесь же были найдены 23 фрагмента каменных колоколов с надписями «бэйгуньюэфу», что означает «департамент музыки северного дворца». По мнению археологов, эти надписи доказывают, что в древнем городе Сяньян во времена династии Цинь здание служило правительенным офицером музыкального департамента [11].

Во времена династии Хань жертвоприношения стали более обильными и разнообразными, появились новые формы, такие как «Три официальных жертвоприношения» и «Девять дворцовых

жертвоприношений». Жертвоприношения и всё, что с ними связывалось, включая бронзовые со- суды и колокола, становятся одним из символов государственной власти. Это нашло своё отражение в устойчивом выражении «есть из треножников под звон колоколов», т. е. «вести роскошный образ жизни, купаться в роскоши».

После династии Сун происходят трансформации древнекитайской жертвенной культуры. С появлением неоконфуцианства конфуцианство постепенно стало основным направлением и в проведении жертвоприношений всё больше внимания уделялось этикету и нормам. Например, появляются чёткие ритуальные подразделения, такие как «император приносил жертвы Небу и Земле» и «принцы приносили жертвы горам и рекам».

Одним из самых показательных ритуалов Древнего Китая был обряд поклонения Небу. Древние верили, что Небо как высшее божественное начало управляет всем, и основной целью поклонения была молитва о хорошей погоде, мире и процветании страны и народа. Во времена династий Мин и Цин Храм Неба в Пекине был главным местом, где император исполнял ритуалы поклонения Небу. При этом термин «Сын Неба» (*Тяньцзы*) в качестве одного из титулов главы государства не означал его божественного происхождения, но свидетельствовал о статусе и связанных с этим «должностных обязанностях», о том, что император – единственный человек, имевший право выступать посредником между Небом и Землёй. Только он один мог обращаться к Небу и совершать ему жертвоприношения от лица народа и государства.

Сама церемония носила очень торжественный характер и последовательно включала одиннадцать этапов: выбор даты, пост, подготовка жертвоприношения, приветствие богов, возложение нефрита и шёлка, вход в алтарь, первое приношение, второе приношение, последнее (третье) приношение, прошение и получение благословения, отправление даров богам.

В древние времена за выбор даты жертвоприношения отвечали специализированные государственные органы. Например, во времена династии Мин (1368 – 1633 гг.) это был Департамент астрономии (*Цинь Тянь Цзянь*), занимавшийся наблюдениями над небесными объектами и составлением календаря. Чиновники департамента отвечали за измерение фаз Солнца и Луны, наблюдение других небесных явлений, а функции департамента в чём-то напоминали функции современной национальной астрономической станции или отдела метеорологии. Эти же чиновники определяли день жертвоприношения исходя из расположения небесных объектов. Жертвоприношения было принято проводить в день зимнего солнцестояния. В древности этому дню придавалось особое значение, поскольку считалось, что начиная с него энергия Ян постепенно возрастает.

Перед жертвоприношением император и официальные лица, участвующие в ритуале, обязательно держат пост. Его продолжительность варьировалась от трёх до семи дней. В этот период люди не употребляли алкоголь, не ели мясо и не занимались сексом, чтобы проявить таким образом благочестие и уважение [15; 17].

Подготовка жертвоприношения включала устройство места для принесения жертвы Небу – круглого алтаря. Древние считали, что небо круглое, а земля квадратная, соответственно, круг – это символическое изображение неба. На алтарь следовало положить различную жертвенную утварь, например, бронзовые треножники, бронзовые сосуды *гуй*, символизирующие Небо нефритовые диски *би* и нефритовые скрипеты *жуй* и т. п. Все сосуды и чаши заполняли ночью в день жертвоприношения. Также необходимо было подготовить само жертвоприношение (обычно это крупный рогатый скот, овцы, свиньи и др.), вино, шёлк и т. п. [16].

Здесь же, у алтаря, располагался комплекс *гунсюань* – каменные и бронзовые колокола принадлежавшие императору, развешенные на специальных подставках и расположенные квадратом по сторонам света, звучание которых сопровождало обряд. Ими ведали особые «хранильницы музыки». Музыка была важной частью обряда жертвоприношения Небу, о чём писал ещё Сыма Цзян: «В древности жертвоприношения Небу и Земле всегда сопровождались музыкой, и таким путём духи Неба и Земли принимали полагающиеся им почести» [7, 76].

Приветствие богов в начале жертвоприношения включало фейерверк, должны передать уважение Небу из этого мира. Далее император подходил к главному трону и преклонял колени для поклонения. Затем он подходил к трону своих предков для низкого поклона и вознесения bla-

говония. Вернувшись на трон, император трижды преклонял колени и девять раз поклонялся богам.

Возложение нефрита и шёлка начиналось с того, что *тайчанцин*, особый чиновник, ответственный за церемонии жертвоприношений, предлагал императору вымыть руки и подойти к алтарю, чтобы трижды возложить благовония. Глава ведомства двора *дяньчжунцзянь* преподносил императору нефрит и шёлк. Император подходил к алтарю, чтобы воздать должное, кланялся в знак почтения, а затем возвращался на трон.

Вход в алтарь. Когда подношение нефритовых дисков заканчивалось, начиналось подношение приготовленной пищи: император в сопровождении проводника шёл к главному месту и координировал ход ритуала. Здесь же уже были размещены приготовленные жертвоприношения. Согласно протоколу, подносили пищу при первом приношении жрецы-чиновники. «Вся процедура сопровождалась звучанием духовых и ударных инструментов. Когда церемония жертвования пищи заканчивалась, музыка прекращалась» [9].

Далее следовали три подношения вина, которые император проводил коленопреклонённо. Адресовались они поочерёдно Высшему повелителю Неба, Властелину Земли и первопредку Тайцзы.

По окончании церемонии император направлялся в место распития жертвенного вина. Испив вина, он кланялся и возвращался на трон, чтобы выразить своё принятие Божественного благословения. Затем император принимал жертвенное мясо и жаловал его приближённым чиновникам. В этот момент звучала музыка, сопровождающая проводы божеств.

Последний этап жертвоприношения Небу – отправление даров богам. Специальные чиновники посыпали благословения богам: один держал текст благословения, другой держал подносимые шелка. Всех их отправили в горячую печь, чтобы сжечь. Император стоял лицом на юг, чтобы наблюдать за горением. Когда звучало объявление о том, что церемонии закончены, император возвращался в большой шатёр.

Таким образом, жертвоприношение Небу – один из древнейших ритуалов в культуре Китая – отражает почтение древнего китайского народа к природе и стремление к лучшей жизни. Оно также в определённой степени отражает иерархическую систему и религиозные концепции того времени и наглядно демонстрирует важную роль музыки в организации ритуала.

При этом жертвоприношение Небу только один из примеров китайской культуры жертвоприношений, прошедшей долгий процесс развития начиная с позднего неолита и постепенно сформировавшей уникальную систему с богатыми коннотациями. Общие жертвенные ритуалы включали в себя не только принесение жертв Небу, но и принесение жертв Земле, предкам, принесение жертв Шэ Цзи (божеству хлебных злаков) и др. И в каждом из этих ритуалов музыка играла важную роль, являясь обязательной его частью: для традиционной китайской культуры эти две сферы – музыки и ритуала – были едины. Именно об этом говорит Конфуций, подчёркивая их неразделимую связь: «Церемонии – это порядок, а музыка – гармония; поэтому в мире нет ни одного предмета, в котором бы отсутствовали эти два начала» [4, 175].

ЛИТЕРАТУРА

1. Го Мо-жо. Бронзовый век: [сборник] / Го Мо-жо, пер. с кит. Г.А. Богданова; под ред. проф. Ян Хиншуна. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 459 с.
2. Го Тинтин. Значение конфуцианской церемониальной музыки в Китае в прошлом и в современности / Го Тинтин // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12. – № 2А. – С. 405-415.
3. Кучера, С. Из истории духовной жизни древнего Китая. Жертвоприношения / С. Кучера // Общество и государство в Китае. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-duhovnoy-zhizni-drevnego-kitaya-zhertvoprinosheniya> (дата обращения: 12.08.2024). – Текст: электронный.
4. Музыкальная эстетика стран Востока: [сборник] / общ. ред. и вступит. статья В. П. Шестакова. – М.: Музыка, 1967. – 412 с.
5. Пэн Чэн. Историко-философский контекст формирования ладовой системы юнь-гун-дяо / Пэн Чэн // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2011. – № 4 (20). – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-filosofskiy-kontekst-formirovaniya-ladovoy-sistemy-yun-gun-dyao> (дата обращения: 12.08.2024). – Текст: электронный.
6. Савелова, Е. В. Мифологические основания современной корпоративной культуры / Е. В. Савелова, Д. В. Богомазова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VI (46). – С. 14-20.
7. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») / Сыма Цянь; пер. с кит. и comment. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; вступ. ст. М. В. Крюкова. – М.: Наука, 1972. (Памятники письменности Востока/ АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т востоковедения). – Т. 4. – 1986. – 453 с.
8. У Ген-Ир. Формирование музыкальной культуры в Древнем Китае / У Ген-Ир // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 89. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-muzykalnoy-kultury-v-drevnem-kitaе> (дата обращения: 12.08.2024). – Текст: электронный.
9. Хаймурзина, М. А. О порядке обряда жертвоприношений Небу цзяо в государстве Цзинь (по материалам 28 цзюаня «Цзинь ши») / М. А. Хаймурзина // Религиоведение. – 2022. – № 3. – С. 53-63.
10. Хань Фан. Ритуал и церемониальная музыка в Китае: бронзовые изделия эпох Шан и Чжоу из провинции Хубэй и уникальность китайской культуры / Фан Хань, Цзичао Ван // Общество и государство в Китае. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritual-i-tseremonialnaya-muzyka-v-kitae-bronzovye-izdeliya-epoch-shan-i-chzhou-iz-provintsii-hubey-i-unikalnost-kitayskoy-kultury> (дата обращения: 12.08.2024). – Текст: электронный.
11. 2,200-yr-old gov't office ruins unearthed in Shaanxi Province / Source: Xinhua. 2018.01.29 // URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/29/c_136933992_3.htm.
12. Ancient Chinese traditional court music – Yayue // URL: <https://m.allhistory.com/ah/article/5f6185c9550c6f0001581139>.
13. Musical Culture of the Shang Dynasty // URL: <https://m.gugong.net/wenhua/25587.html>.
14. Orchestral Set of Marquis Yi of Zeng / Zhou: Zenghouyi Bianzhong – China Online Museum // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2a79e679-67825c36-106ec6b8-74722d776562/https/www.comuseum.com/arts/zhou-zenghouyi-bianzhong.
15. The ancient winter solstice was ranked among the «three major festivals» Why did the emperor choose this day to worship the sky // URL: <https://m.rili.com.cn/24jieqi/dongzhi/77768.html>.
16. The mound is worshipped to the sky // URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9C%9C%E4%B8%98%E7%A5%AD%E5%A4%A9/10769306>.
17. The national sacrificial system that has lasted for more than 3,000 years – worship to the sky) // URL: <https://ms.httpcn.com/info/html/2018723/CQRNUYTBAZCQ.shtml>.
18. Yuang Men. Redesign of Bianzhong museum exhibition in a interactive and engaging way // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2a79e679-67825c36-106ec6b8-74722d776562/https/web.archive.org/web/20190925043106/https://www.muheportfolio.com/bianzhong.

Малышева Н. В., Чувеева А. А.

СТЕРЕОТИПЫ И ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ,
ПРОЖИВАЮЩИХ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Малышева Н. В., Чувеева А. А.

N. V. Malysheva, A. A. Chuveeva

СТЕРЕОТИПЫ И ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

STEREOTYPES AND MUTUAL REPRESENTATIONS OF THE CHINESE AND THE RUSSIANS INHABITING THE NEAR BORDER TERRITORIES OF THE FAR EAST

Малышева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: natasha@knastu.ru.

Natalya V. Malysheva – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: natasha@knastu.ru.

Чувеева Александра Анатольевна – студент Комсомольского-на-Амуре государственного университета, (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: cuveevaaleksandra@gmail.com.

Alexandra A. Chuveeva – Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: cuveevaaleksandra@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются взаимные стереотипы и представления, существующие у китайцев и русских, проживающих на приграничных территориях. Анализируется историческая составляющая отношений между Россией и Китаем, складывающихся на протяжении многих веков, а также факторы, способствующие формированию различных представлений друг о друге. Кроме того, проводится исследование, на основе которого выявляются наиболее распространённые стереотипы русских и китайцев в отношении друг друга, а также делается вывод о формировании взаимного представления по отношению к другой нации и об источниках появления и распространения стереотипов.

Summary. The article examines the mutual stereotypes and perceptions that exist among the Chinese and the Russian people living in the near border areas of the Far East. The article analyzes the historical component of the relations between Russia and China, which have been developing for many centuries, as well as the factors contributing to the formation of different stereotypes about each other. Additionally, there has been conducted a study which identifies the most common stereotypes among the Russians and the Chinese people towards each other. As a result, the conclusions are drawn regarding the formation of mutual perceptions towards each nation and the sources of these stereotypes appearing and further spreading.

Ключевые слова: стереотипы, взаимные представления, приграничные территории, Северо-Восток Китая, Россия, Дальний Восток.

Key words: stereotypes, mutual perceptions, near border areas, Northeast China, Russian, the Far East.

УДК 327:008

Введение. Россия и Китай тесно и плодотворно сотрудничают в различных сферах: экономической, культурной, политической и туристической. Именно поэтому взаимные взгляды и стереотипы жителей этих стран являются особо актуальными в межнациональных отношениях. Особенно выделяются стереотипы, возникающие у жителей приграничных территорий, поэтому в статье речь пойдёт о взаимных представлениях друг о друге жителей, живущих в приграничных городах. Данная тема является актуальной для исследователей. Среди научно-исследовательских работ подобного плана можно выделить труды, описывающие политico-экономическое влияние Китая на Дальневосточный регион России.

тайско-Восточной железной дороги на развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая в конце XIX – начале XX века [1], анализирующие представления современных китайцев о русском человеке [13], посвящённые изучению проблеме трансформации национальной идентичности русских на Северо-Востоке Китая [12], раскрывающие проблемы и перспективы приграничного сотрудничества России и Китая в различных формах [5; 9].

Ввиду активного и плодотворного сотрудничества между странами, в особенности между приграничными районами, наблюдается повышенный интерес к культуре, языку, архитектуре, а также национальным особенностям друг друга. На фоне этого возникают различные представления и стереотипы о соседних странах и их жителях относительно совершенно различных сфер жизни. Наряду с непрерывным процессом развития технологий стереотипы укореняются в сознании людей и подкрепляются различными фильмами и социальными сетями, где активно распространяются неточные, а порой и ложные представления о культурах стран и их жителях. Таким образом, данная тема является актуальной в современных реалиях международного сотрудничества двух стран.

Цель исследования предполагает выявление взаимных стереотипов и представлений, сформированных у русских и китайцев друг о друге в ходе длительного контакта в результате проживания на приграничных территориях Дальнего Востока России и Китая.

Выбранная цель предопределила следующую группу задач, а именно:

1. описание исторических контактов, обуславливающих актуальность исследования;
2. уточнение ключевых терминов и понятий;
3. проведение экспериментов с русскими и китайскими информантами и интерпретация результатов;
4. формулирование выводов.

Методологическую базу нашего исследования составили анкетирование, ненаправленный ассоциативный эксперимент и метод семантического дифференциала, позволяющие получить актуальный современный материал о формировании стереотипов и их трансформации.

Данные методы, направленные на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте, активно применяются в исследованиях лингвокультурологического и культурологического плана [2; 13].

Различают три вида ассоциативных экспериментов:

- свободный, в котором испытуемому предлагается ответить первым пришедшем в голову словом-реакцией при предъявлении слова-стимула, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова-реакции;
- направленный, в котором экспериментатор некоторым образом ограничивает выбор предлагаемого слова-реакции, накладывая определённые ограничения (например, дать слово противоположное по значению и т. д.);
- цепной, в котором испытуемому предлагается ответить любым количеством слов-реакций на предъявленное слово-стимул, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов [2].

Методом свободного ассоциативного эксперимента в исследованиях этнических стереотипов и межличностных отношений пользовались такие учёные, как Гордон Олпорт [18] и Томас Петтигрю [19].

Г. Олпорт известен своим вкладом в изучение личностных черт и предрассудков. Он использовал метод свободных ассоциаций в некоторых своих работах, например «The Nature of Prejudice» [18]. В книге исследуются различные аспекты проблемы предрассудков: их корни в индивидуальной и социальной психологии, виды выражения, влияние на отдельных людей и сообщества. Автор рассматривает такие виды предрассудков, как расовые, религиозные, этнические, экономические и сексуальные, и формулирует предложения по снижению разрушительного эффекта дискриминации.

Т. Петтигрю специализировался на исследовании межгрупповых отношений, причин предрассудков различных типов, для исследования которых использовался метод свободных ассоциа-

ций. В работе «Intergroup prejudice: Its causes and cures» [19] лингвист акцентирует внимание на межгрупповых конфликтах, возникающих как результат предрассудков и ложных стереотипов, а также дискриминации по различным основаниям.

Метод семантического дифференциала применяется для построения субъективных семантических пространств. Он позволяет выявить ассоциативные связи между объектами в сознании и бессознательном человека. Суть метода в том, что испытуемому предлагается оценить стимул (объект) с помощью предложенного набора шкал. Обычно это биполярные шкалы, заданные прилагательными-антонимами. Оцениваемый стимул получает оценку по каждой из шкал, что позволяет описывать его как «точку или вектор в заданном многомерном семантическом пространстве, различать стимулы и описывать их различия» [10].

Приграничные территории – часть территории государства, как правило, совпадающая с границами соответствующего муниципального (административно-территориального) образования, либо иной район шириной до пяти километров, непосредственно прилегающий к государственной границе или пограничному водному объекту, находящемуся под суверенитетом государства [5]. Приграничные территории России и Китая представляют собой уникальные зоны соприкосновения двух великих культур, каждая из которых имеет богатое историческое наследие и собственные традиции, а также играют ключевую роль в развитии экономических, культурных и политических связей между двумя странами.

На российской стороне наиболее значимыми приграничными городами являются Благовещенск, Хабаровск, Владивосток и Уссурийск. Благовещенск, расположенный на берегу реки Амур, известен своим культурным наследием и историческими связями с Китаем. Хабаровск играет важную роль в транспортной инфраструктуре региона. Владивосток – крупнейший портовый город на Тихоокеанском побережье – является важным центром торговли и туризма. Уссурийск, известный своими сельскохозяйственными угодьями, также активно участвует в трансграничных торговых операциях.

С китайской стороны важными приграничными городами являются Хэйхэ, Суйфэнхэ, Фуюань и Маньчжурия. Хэйхэ, находящийся напротив Благовещенска, служит главным торговым партнёром для этого российского города. Суйфэнхэ благодаря своему географическому положению является одним из ключевых пунктов пересечения границы для туристов и бизнесменов. Фуюань, расположенный вблизи Хабаровска, активно развивает экономические связи с российскими партнёрами. Маньчжурия, будучи крупным транспортным узлом, способствует развитию логистической инфраструктуры региона.

Помимо этих важных городов, Россия граничит с городами Северо-Востока Китая и активно сотрудничает с ними. Взаимодействие между приграничными территориями Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая является важной частью и основой двустороннего экономического сотрудничества обеих стран. В торговле провинции Хэйлунцзян с Россией, например, только за период 14-й пятилетки объём торговли провинции с Россией составил 44,06 млрд долларов США, среднегодовой темп роста составил 23,3 %, став важной движущей силой внешней торговли и экономического роста провинции [16].

Северо-Восток Китая включает в себя три провинции: Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян. Провинция Ляонин представляет собой следующие города: Шэньян, Далянь, Фушунь, Аньшань, Бэньси, Даньдун, Цзиньчжоу, Инкоу, Ляоян, Телин, Чаоян, Паньцзинь и Хулудао. Несмотря на то что провинция Ляонин не граничит с Россией, обе стороны реализуют долгосрочное экономическое и торговое сотрудничество. С 1993 года провинция Ляонин поддерживает дружественные связи с Дальним Востоком Российской Федерации и рядом областей и краёв Сибири [15].

Провинция Цзилинь расположена в центральной части Северо-Восточного Китая. На востоке граничит с Приморским краем России и с КНДР, на севере примыкает к провинции Хэйлунцзян, на западе – к Автономному району Внутренняя Монголия, на юге – к провинции Ляонин. Состоит из городов Чунчунь, Цзилинь (Гирин), Байчэн, Байшань, Ляоюань, Сыпин, Суньюань, Тунхуа, Хуньчунь.

Провинция Хэйлунцзян находится в северо-восточной части Китая, на границе с Россией. Исторически она была частью Маньчжурии, в настоящее время входит в географический район Китая Дунбэй (Северо-Восток). Провинция расположена в бассейне реки Амур. Границит с Россией по рекам Амур (Забайкальский край, Амурская и Еврейская Автономная области) и Уссури (Приморский и Хабаровский края). С юга с провинцией Хэйлунцзян граничит китайская провинция Цзилинь, а с запада – китайский Автономный район Внутренняя Монголия [17]. В провинции Хэйлунцзян расположены города Харбин, Муданьцзян, Дацин, Цицикар, Цзиси, Цзямусы, Суйфэнхэ и Хэйхэ.

На протяжении многих столетий эти регионы были местом активного взаимодействия народов, торговли, культурных обменов и дипломатических миссий. Сегодня приграничье играет важную роль в развитии экономических связей, туризма и научных исследований. Взаимодействие этих городов помогает укреплять дружественные отношения между Россией и Китаем, способствуя развитию двусторонней торговли, культурного обмена и сотрудничества в различных сферах жизни. Подтверждением этому является Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года [3], а также Распоряжение Правительства РФ от 13 июня 2019 года «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках» [11].

История развития российско-китайских отношений началась с момента подписания Нерчинского договора в 1689 году, который вынудил Россию передать Цинской империи свои земли вдоль правого берега реки Аргунь и частично левого и правого берегов Амура. Окончательная граница между Российской и Цинской империями на Дальнем Востоке была установлена Айгунским договором 1858 года и Пекинским договором 1860 года. Граница прошла по рекам Амур и Уссури, через озеро Ханка и горные хребты вплоть до реки Туманган. Союзный договор между Россией и Китаем был заключён в мае 1896 года и предусматривал строительство Китайско-Восточной железной дороги через Маньчжурию к Владивостоку с возможностью последующего выкупа этой линии Пекином. Это способствовало росту торгового оборота между странами, а также активизации речного судоходства и становлению Манчжурии как промышленно развитой области в сравнении с другими регионами Китая [1].

На данный момент между Китаем и Дальним Востоком России сохраняются стабильные и взаимовыгодные отношения, которые продолжают развиваться в рамках экономического сотрудничества, культурного обмена и пограничного взаимодействия. Основными аспектами экономических отношений являются торговля, инвестиции, а также другие совместные проекты, такие как строительство трансграничной инфраструктуры (мосты и трубопроводы). Культурный обмен включает развитие туризма между приграничными территориями, образование в рамках обмена студентами.

На фоне такого плотного сотрудничества и взаимодействия культур возникает повышенный интерес друг к другу у жителей приграничных территорий рассматриваемых стран. В результате интенсивных контактов появляется большое количество различных стереотипов, которые не всегда являются правдивыми и положительными. Важно понимать, что за этими стереотипами часто скрываются недостаточная осведомлённость и ограниченный личный опыт общения, поэтому необходимо стремиться к углублению знаний о культуре и образе жизни наших соседей.

Итак, в нашей работе под стереотипом понимается «упрощённое представление человека об определённом объекте или явлении, которое отражает привычное отношение субъекта, сформированное в результате влияния социальных условий и полученного опыта» [4, 44].

В зависимости от социальной группы, на которую распространяется стереотипизация, стереотипы делятся на гендерные, возрастные, профессиональные, расовые, национальные/этнические, конфессиональные/религиозные, региональные, классовые, политические и т. д.

В нашем исследовании внимание уделяется национальным/этническим стереотипам.

Этнические (национальные) стереотипы представляют собой вид социальных стереотипов, основанных на представлениях о менталитете, наборе личностных качеств и поведении представителей различных этнических групп [7, 92].

Как отмечают российские исследователи М. С. Куликова и Е. А. Агапова, русско-китайские отношения схожи с «качелями», а именно «сменой дружеских отношений на конфронтации и отторжение и наоборот» [4, 44].

Китайское восприятие России основывается на стереотипах, включающих представления о сильном национальном характере, творческом потенциале, активности и свободомыслии. Примером служит Пётр I. Также подчёркиваются любовь к родине, склонность к крайностям и готовность бороться до победы. Китайцы считают важным применение силы и влияния для решения международных вопросов и защиты национальных интересов, что отражает стремление к восстановлению статуса великой державы.

Чэнь Ци, учёный, имевший опыт общения с русскими, отмечает их экстравертный, прямой и открытый характер, сильно отличающийся от сдержанного китайского стиля. Русские быстро сближаются, делятся личными переживаниями, что кажется китайцам излишне простым. Китайцы же ценят скрытность и непрямолинейность, что порой вызывает недопонимание среди русских. Эта разница в характерах приводит к трудностям в бизнесе, где неправильная интерпретация поведения партнёров может сорвать выгодные сделки [14].

У жителей Дальнего Востока тоже существует множество различных стереотипов по отношению к китайцам, живущим в приграничье, например, часто складывается мнение, что китайцы более трудолюбивы и доброжелательно настроены. Многие россияне считают китайцев слишком шумными или назойливыми, что вызывает дискомфорт в межкультурном общении. Некоторые считают, что китайские мигранты занимают рабочие места и обостряют проблему занятости. Существует также стереотип, что жители приграничных территорий Китая стремятся контролировать рынок, активно участвуя в торговле и инициируя экономические сделки, а также стремятся захватить территории России [4].

Для верификации вышеперечисленных положений, а также выявления актуальных стереотипов нами было проведено исследование, заключающееся в опросе китайцев и русских об их взаимных представлениях и стереотипах. Количество информантов составило 59 русских и 58 китайцев разных полов и возрастов. В опросе со стороны России приняли участие жители городов, находящихся в непосредственной близости к Китаю – городов Дальнего Востока (Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Амурск). С китайской стороны удалось опросить жителей Северо-Востока Китая, а точнее трёх провинций: Хэйлунцзян, Юньнань и Ляонин.

Анкетирование русских жителей приграничных территорий

В анкетировании приняли участие жители России разных возрастов от 15 до 50 лет, наибольшую группу составили информанты 40-50 лет. Гендерное распределение – 57 % мужчин и 43 % женщин.

Участникам было предложено ответить на несколько вопросов об их представлении о китайцах. Результаты были получены при помощи ресурса [20].

Первый вопрос: «Напишите несколько предложений о том, что вы думаете о китайцах. Опишите их. Если вы встречали когда-либо китайцев, какие были ваши первые впечатления и изменились ли они, когда вы продолжили общение? Если вы никогда не встречались в жизни с китайцами, то напишите, как вы себе их представляете (характер, какие они в общении)».

Ответы были разнообразные, однако среди них самыми популярными были следующие:

- «Китайцы хорошие, дружелюбные, общительные люди» (16 человек);
- «Агрессивные, невежливые, грубые, громкие и невоспитанные» (7 человек);
- «Трудолюбивые» (5 человек).

Остальные опрошенные либо не встречались с китайцами, либо не имеют никаких представлений о них.

Следующий вопрос: «Какие самые популярные стереотипы о китайцах есть в вашем городе (укажите город)? Какие лично ваши стереотипы по отношению к китайцам?».

Наиболее распространёнными стереотипами в приграничных городах России оказались такие: «китайцы на одно лицо», «едят собак», «громкие и непонятно разговаривают», «низкие», «если китайское – плохого качества».

Последним был вопрос об источнике стереотипов, о том, откуда люди чаще узнают о стереотипах и с помощью чего они формируются: «Откуда вы узнали о данных стереотипах?» Таким образом удалось выяснить, что источниками распространения стереотипов служат:

- окружающие люди, знакомые, семья, друзья;
- интернет и социальные сети;
- личный опыт.

Метод семантического дифференциала в исследовании стереотипов, сформированных среди русских жителей приграничных территорий

В данной части исследования опрошенным были предложены различные стереотипные утверждения, основанные на результатах вышеописанного опроса. Инструкция звучала следующим образом: «Прочитайте утверждение и оцените его верность по шкале от 0 до 4, где 0 – «определенно да», 1 – «скорее да, чем нет», 2 – «трудно сказать», 3 – «скорее нет, чем да», 4 – «совершенно нет»».

Первая группа вопросов была сформулирована для выявления стереотипов о внешности китайцев относительно роста («все китайцы низкого роста»), внешней схожести («все китайцы на одно лицо»). Вторая группа вопросов раскрывала восприятие внутренних характеристик («китайцы трудолюбивы», «пунктуальны»). В третьей группе проверялось утверждение о национальной принадлежности («китайцы – одной национальности»). В четвёртую группу входили вопросы о восприятии китайцами российских жителей.

Представим результаты в табл. 1.

Таблица 1
Сtereотипы русских информантов о китайских жителях приграничных территорий

Сtereотип	Результаты				
	0	1	2	3	4
Все китайцы низкого роста	12	30	34	16,9	6,8
Все китайцы на одно лицо	10	25	20	24	21
Китайцы – трудолюбивые люди	42	32	20	4	2
Китайцы пунктуальны	12	27	47	12	12
Китайцы неаккуратны	5	19	34	27	15
Китайцы только копируют, не изобретая ничего нового	3	10	14	30	43
Китайцы всегда кричат, когда разговаривают, будто ругаются. Они очень агрессивные	3	15	24	29	29
Китайцы из разных провинций не могут понять друг друга	15	17	37	19	12
Всё население Китая – одной национальности	10	10	32	22	26
Китайцы хотят захватить Дальний Восток и Сибирь	10	12	39	17	22

Из табл. 1 следует, что реакции русских информантов относительно внешности достаточно однородны: наибольший процент приходится на нейтральные реакции, т. к. многие не могут сказать точно, согласны они с данным утверждением или нет. Также большинство опрошенных склонны скорее согласиться с тем, что китайцы внешне похожи друг на друга.

Что касается стереотипа о национальной принадлежности китайцев («Всё население Китая – одной национальности»), участники опроса затрудняются дать конкретный ответ, однако некоторые всё же думают, что население Китая гораздо разнообразнее и не ограничивается одной национальностью, несмотря на их внешнюю схожесть.

Сtereотипы, репрезентирующие внутренние характеристики китайцев, свидетельствуют в целом о положительном восприятии народа российским населением, проживающим в пригранич-

ных территориях. Так, 74 % русских информантов поддерживают утверждение о трудолюбии китайцев, 39 % – об их пунктуальности. Более 70 % не согласны с утверждением о том, что китайцы только копируют, ничего нового сами не изобретают. Стереотипы об агрессивности и неаккуратности являются ложными соответственно для 58 % и 42 %.

Таким образом, по результатам исследования, проводимого среди русских, можно утверждать, что большинство опрошенных довольно хорошо относятся к китайцам и их представления о них скорее положительные, чем отрицательные.

Анкетирование китайских жителей приграничных территорий

В анкетировании приняли участие 58 китайцев из трёх провинций: Хэйнунцзян, Ляонин и Юньнань. Среди опрошенных наблюдается больше мужчин, чем женщин – 60 и 40 % соответственно, их возраст варьируется от 18 до 88 лет.

Китайцам были предложены такие же вопросы, как и русским, с некоторыми различиями в формулировках.

Первый вопрос: «Каково ваше впечатление о русских?»

Исходя из ответов, можно сделать вывод, что китайцы имеют преимущественно положительное мнение о русских и описывают их как улыбчивых и щедрых людей, которые им нравятся. Полученные реакции: положительные – улыбчивые, светлые, симпатичные, красивые и улыбчивые, щедрые, жизнерадостные, очень дружелюбные, родственные; отрицательные – высокомерные, не очень; нейтральные – нет впечатлений, не встречался, не имел опыта общения.

Второй вопрос: «Изменилось ли ваше впечатление, когда вы продолжили общение?»

Впечатления китайцев после личной встречи и общения с русскими в большинстве случаев меняется, особенно у тех, кто ранее думал о них в негативном ключе. Те же китайцы, которые не имели опыта общения с русскими, думают, что их мнение о русских изменится в лучшую сторону после непосредственного общения с ними. Таким образом, мы видим, что китайские жители в целом позитивно воспринимают жителей соседнего государства и открыты к общению.

Метод семантического дифференциала в исследовании стереотипов, сформированных среди китайских жителей приграничных территорий

Участникам опроса со стороны китайцев были предложены некоторые утверждения, состоящие из распространённых на территории Китая стереотипов о русских, на которые они должны были отреагировать по шкале от 0 до 4, где 0 – «определённо да», 1 – «скорее да, чем нет», 2 – «трудно сказать», 3 – «скорее нет, чем да», 4 – «совершенно нет».

Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2
Стереотипы китайских информантов о русских жителях приграничных территорий

Стереотип	Результаты				
	0	1	2	3	4
Русские пьют очень много алкоголя	26	50	18	2	4
Русские раздражительны и не очень дружелюбны к незнакомцам	0	2	46	30	22
Русские конфликтны и любят драться	0	10	50	28	12
Русские не улыбаются	10	8	32	20	30
Все русские выглядят одинаково	6	20	18	24	32
Все русские говорят на английском	4	14	32	22	28
Все женщины в России умеют танцевать балет	6	12	42	20	20
В России все женщины красивы, но только до замужества и родов (после замужества они обычно толстеют)	14	14	40	18	14
В России все сотрудники полиции берут взятки	0	4	38	32	26
Русские очень любят матрёшку	16	24	44	12	4

Стереотип о русских и их злоупотреблении алкоголем: 26 % китайцев выбрали вариант 2 («трудно сказать»), 50 % – вариант 1 («скорее да, чем нет»), 2 % и 4 % не согласны с утверждением. Данные результаты показывают, что для большинства китайских информантов указанный стереотип является актуальным.

Стереотип «русские недружелюбны к незнакомцам». Здесь мы видим, что большинство опрошенных склоняются к тому, что утверждение ложное: «совершенно нет» – 22 %, «скорее нет, чем да» – 30 %; 46 % информантов затруднились ответить (вариант 0). Данные показатели свидетельствуют в целом о положительном восприятии китайских жителей приграничных территорий российскими гражданами.

Стереотип «русские конфликтны и любят драться». Как и в предыдущем утверждении, большая часть респондентов затрудняется ответить (50 %), а остальная часть считает утверждение неверным (40 %).

Стереотип «русские не улыбаются». В данном случае китайцы положительно смотрят на русских и считают, что данный стереотип не имеет ничего общего с действительностью: 30 % совершенно не согласны, 20 % выбрали «скорее нет, чем да», 32 % затруднились с ответом. Всего лишь 10 % согласились с предложенным утверждением.

Стереотип «все русские выглядят одинаково». 20 % опрошенных согласны с утверждением («скорее да, чем нет»), 18 % затруднились с ответом. Большинство китайских информантов выбрали варианты «скорее нет, чем да» и «совершенно нет» – по 24 % и 32 % на варианты 3 и 4 соответственно. Таким образом, примерно половина опрошенных не согласна с утверждением и считает, что русские внешне разные.

Что касается общей характеристики результатов от китайских информантов, можно отметить, что наибольший процент получили реакции по типу «затрудняюсь ответить», что свидетельствует о недостаточной сформированности представленных стереотипов у исследуемой группы. На наш взгляд, это может быть объяснено, во-первых, ограниченным опытом межкультурного взаимодействия и, во-вторых, некоторой осторожностью, присущей китайскому менталитету.

В конце исследования китайцев спросили об источниках сформированных представлений о жителях соседней страны. Стереотипы о русских у китайцев формируются в основном с помощью интернета (55,6 %), на основе личного опыта общения (22,2 %), от семьи и друзей (22,2 %).

Заключение. В ходе проведённого нами анкетирования и в результате сбора материала, полученного посредством свободного ассоциативного эксперимента и метода непосредственных составляющих, были выявлены несколько групп гетерогенных этнических стереотипов людей, населяющих приграничные территории Китая и России на Дальнем Востоке. Данные группы мы обозначили как стереотипы, репрезентирующие представления людей относительно:

- внешних характеристик жителей соседней страны;
- их внутренних характеристик;
- национальной представленности народа;
- образа «себя» в глазах жителей соседней страны.

Подтвердилось, что исторические и культурные факторы играют ключевую роль в формировании восприятия друг друга, создают определённые образы, которые часто далеки от действительности, т. к. многие из них складываются под влиянием средств массовой информации, общественного мнения, интернета.

Важной особенностью стереотипизации отношений жителей России и Китая является, на наш взгляд, сохранение отрицательных гетеростереотипов, что представляется совершенно невозможным в западной, ориентированной на толерантность культуре.

Изучение взаимных представлений и устоявшихся стереотипов позволяет лучше понять природу межнациональных отношений и выявить способы улучшить отношения между жителями стран-партнёров, расположенных по соседству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Врадий, С. Ю. Роль КВЖД в освоении Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая / С. Ю. Врадий // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2022. – Т. 38. – С. 134-142.
2. Джанаева, В. В. К вопросу о свободном ассоциативном эксперименте / В. В. Джанаева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 10. – С. 14-20.
3. Договор от 16 июля 2001 года о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Справочно-правовая система КонтурНорматив, сайт. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=7326> (дата обращения: 29.01.2025). – Текст: электронный.
4. Куликова, М. С. Выявление стереотипов русских и китайцев / М. С. Куликова, Е. А. Агапова // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2015. – № 4 (6). – С. 43-45.
5. Лысенко, А. Е. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества России и Китая / А. Е. Лысенко // Modern Science. – 2020. – № 10-2. – С. 455-458.
6. Макаревская, Н. Ю. Русская «диаспора» в Китае и её национальная идентичность как значимый фактор в развитии отношений между странами на современном этапе / Н. Ю. Макаревская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II (50). – С. 31-36.
7. Миньяр-Белоручева, А. П. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве / А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 90-94.
8. Мокроусова, К. А. Приграничные территории: формализованные и доктринальные аспекты / К. А. Мокроусова, А. Н. Нифанов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10 (226). – С. 143-146.
9. Мусалитина, Е. А. Новые формы детско-юношеских обменов в системе Российско-китайского культурного и делового сотрудничества / Е. А. Мусалитина, М. А. Актанко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 19-27.
10. Новиков, А. Л. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях / А. Л. Новиков, И. А. Новикова // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 3. – С. 63-71.
11. О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках // Официальный интернет-портал правовой информации, сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906170010> (дата обращения: 29.01.2025). – Текст: электронный.
12. Петрунина, Ж. В. Интеграция северо-востока Китая и Дальнего Востока России в начале XXI века: два подхода к одному вопросу / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 73-76.
13. Хань, Чж. Национальная специфика ассоциативной лакунарности в межкультурном взаимодействии: на материале русского и китайского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Хань Чжипин. – Благовещенск, 2016. – 178 с.
14. Ци, Ч. Образы современной России в культуре Китая (1991-2019): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Чэн Ци. – Хабаровск, 2020. – 26 с.
15. Цзоу, С. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества между Северо-Востоком Китая и Россией / С. Цзоу, Д. В. Суслов // Власть и управление на Востоке России. – 2017. – № 2 (79). – С. 46-56.
16. Чжао, И. Приграничные территории Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: статус и роль экономического сотрудничества / И. Чжао, Г. А. Гнатюк // География и краеведение в Якутии и регионах России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящённой 85-летию со дня рождения Г. Н. Максимова, Якутск, 22-23 марта 2024 г. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2024. – С. 142-145.
17. Orient.asu.ru // Кафедра востоковедения АлтГУ, сайт. – Новосибирск, 2025. – URL: <https://orient.asu.ru/okafedre> (дата обращения: 29.01.2025). – Текст: электронный.
18. Allport, G. W. The nature of Prejudice / G. W. Allport. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1954.
19. Pettigrew, T. F. Intergroup Prejudice: Its causes and cures / T. F. Pettigrew // Actualidades en Psicología. – 2008. – 22. – Р. 115-124.
20. Анкетирование // Doc.google.com/forms. – URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfRXPkOBzd_pVHexKrT8qAasmRxaQDKcGO9P4NhRBEWu4CfIA/viewform (дата обращения: 29.01.2025). – Текст: электронный.

Маркова А. В., Прокофьева В. Ю.
A. V. Markova, V. Yu. Prokofeva

РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА: АУДИТОРНАЯ РАБОТА С ОНТОЛОГИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ЗВУКОВ

SPEECH DEVELOPMENT OF STUDENTS OF CREATIVE UNIVERSITY: CLASSROOM WORK WITH THE ONTOLOGICAL MEANING OF SOUNDS

Маркова Арина Васильевна – доцент кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: arina_mark@mail.ru.

Arina Vas. Markova – Associate Professor, Department of Media Communication Technologies, St. Petersburg State University of Film and Television (Russia, St. Petersburg). E-mail: arina_mark@mail.ru.

Прокофьева Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: vicproc1999@gmail.com.

Viktoria Yu. Prokofeva – Grand Ph. D. in Philological Science, Full Professor, Department of Media Communication Technologies, St. Petersburg State Institute of Film and Television (Russia, St. Petersburg). E-mail: vicproc1999@gmail.com.

Аннотация. В статье на основе опыта преподавания студентам творческого вуза (направления подготовки «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью») речевых дисциплин показываются методические возможности включения в аудиторную работу заданий на поиск онтологических смыслов слов. В противовес искажению слов в сетевых изотекстах в сторону сниженной смеховой культуры предлагаются упражнения, направленные на глубинное понимание фоносемантики и звукосимволизма актуальных для студента слов, на вычленение пластов их значений и выход на новый уровень осмыслиения привычного. Среди них: анализ собственного имени и его вариантов для осмысленной самоидентификации, медленное чтение вслух стихотворения с разбором его звукописи, совместный подбор названий к учебному текстовому продукту в аспекте его звучания. Авторы делают вывод о продуктивности включения в аудиторную работу заданий на поиск онтологического смысла слова в процессе подготовки будущих медиакоммуникаторов.

Summary: The article, based on the experience of teaching students of a creative university (majors in journalism and advertising and public relations) the speech disciplines, shows the methodological possibilities of including tasks to search for ontological meanings of words in classroom work. In contrast to the distortion of words in online isotexts in the direction of a reduced culture of laughter, exercises are offered aimed at a deep understanding of the phonosemantics and sound symbolism of words relevant to the student, at isolating the layers of their meanings and reaching a new level of understanding the familiar. Among them are: analysis of one's own name and its variants for meaningful self-identification, slow reading aloud of a poem with analysis of its sound, joint selection of names for an educational text product in terms of its sound. The authors conclude that it is productive to include tasks to search for the ontological meaning of a word in classroom work in the process of training future media communicators.

Ключевые слова: онтологический смысл звука, слово и образ, речевое развитие, аудиторная работа, творческий вуз.

Key words: ontological meaning of sound, word and image, speech development, classroom work, creative university.

УДК 372.881.1

Продолжая работу по развитию верbalного интеллекта у будущих медиакоммуникаторов, обучающихся в творческом вузе, мы наряду с включением в аудиторные занятия анализа культурного текста [5] и размышлениями над поэтической цитатой [6] предложили студентам вникнуть в

онтологический смысл звуков, из которых состоят актуальные для них слова и сочетания – собственное имя с его вариантами и названия пабликсов/каналов/сообществ, которые ведут сейчас молодые люди.

Рабочие программы дисциплин «Риторика» и «Культура и техника речи в медиапространстве» для студентов направлений подготовки «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью» Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, как и любого другого вуза, готовящего медиакоммуникаторов, наполнены важными, ключевыми темами. Насыщенность, плотность теории и практических заданий редко позволяют уделять внимание материали, не включённому в перечень основных тем. В связи с этим внимание к смыслу звука оставалось на периферии потока тематики, затрагивание информации по данному поводу носило касательный характер. Однако проявленный интерес студентов к некоторым аспектам звукосмысловой проблематики представляет возможным корректировку тактики преподавателя в изложении коммуникационных идей. Специалист в области сценической речи Н. В. Суленёва отмечает: «Онтополитический аспект звуков русской речи добавляет в произнесённое слово дополнительную информацию и способствует его верификационным осмыслениям» [8, 4]. Неслучайно об онтологическом смысле звука в речи, в коммуникации размышляли поэты и учёные, филологи и философы. Достаточно назвать такие имена, как Аристотель и М. Ломоносов, С. Есенин и В. Маяковский, А. Потебня и В. Виноградов, И. Кант и Г. Гегель. Что касается онтологии смысла, то определение этого понятия идёт со времён Античности. В своей статье философы А. И. Богданов и Г. М. Пурынычева дают историко-философский обзор научных поисков *смысла-в-бытии* от Платона до В. Подороги, разграничивая значение и смысл и определяя последний как «слово того языка, на котором человек разговаривает с бытием, мост, соединяющий культурную и внесмысловые реальности» [1, 106].

Слово можно назвать продуктом бытия, где важным ингредиентом в составе становится звукопись. Союз звуков, гласных и согласных, закрепляется в соединении идейного содержания и звучания слова, текста. Эмоциональная подача озвученной мысли позволяет участнику общения произвести это соединение и выявить онтологический смысл своего высказывания. Мы решили развернуть эту теорию в методическую сторону, предложив студентам сосредоточить внимание на звуковой стороне некоторых актуальных для них слов.

Поводом для такой работы послужило осознание влияния социальных сетей на продуцируемые в процессе освоения курсов студенческие тексты: грамотность их письменных работ, произношение и – как вытекающее последствие – возможную подмену смыслополагания слов. Не секрет, что социальные сети, особенно в жанре комментария, позволяют общаться на неформальном языке, изобилующем сокращениями, просторечиями и всяческим изменением слов. Возможно, будет серьёзное научное исследование, посвящённое последствиям подобных действий. Хотелось бы отметить, что «простота» и «смешливость» некоторых изотекстов успешно перекочёвывает в устную речь студентов и прокрадывается даже в их учебную деятельность.

Приведём пример такого просачивания. Социальные сети наводнены развлекательными «котопабликами» типа этого: <https://vk.com/catsandcatsandcat>. Главные его герои – котики, любимцы молодёжи. Практически каждое выступление студентов по учебным вопросам из программы дисциплин подкрепляется слайдами с изложением научных проблем, определением ключевых терминов, анализом собранного материала. И вот эти серьёзные презентации завершаются картинкой с котиком, взятой из подобных сообществ. Возражения преподавателя, что пущистый персонаж не имеет отношения ни к теме доклада, ни к уровню взаимодействия студентов и преподавателя, разбиваются об убеждённость докладчика и группы, что это модно, актуально, «нужно быть в тренде», к тому же подобный финал выступления создаёт позитивную атмосферу. Приходится разбираться, какие именно эмоции вызывает «котик-финалист». Опрос выявляет, что это сентиментальность, нежность, забавность, очаровательность, беспечность. Студентам предлагается проанализировать, а что же должен вызывать научный доклад или творческое задание по теме дисциплины? Называются такие эмоции, как удовлетворение, интерес, доверие, воодушевление, торжество, чувство собственного достоинства. Сопоставительный анализ гипотетических и реальных

эмоций в конкретной ситуации во время образовательного процесса, обоснование истинных целей позволяет переформатировать ориентированность студентов на конечный результат. Тем не менее общение между студентами и попытки вовлечь преподавателя в неформальный уровень этикетных ситуаций во время занятий продиктованы впечатлением, которое производят некоторые публичные сообщества.

Вернёмся к упомянутому «котопаблику». Безусловно, вымыщенные диалоги между котиками в нём способны повеселить, отвлечь по модели пословицы «делу время, потехе час». Но масштабы этого «веселья» поражают. Вот некоторые данные: 13 августа 2024 г. был выпущен пост с заголовком «Глупеньковый», где котик сообщает, что «устроился удалёнщиком (чё удалять пока не понятно)». За 55 минут он собрал 3,7 тысяч просмотров, 177 лайков, 97 репостов. В течение недели на данном ресурсе появлялись не менее популярные посты, в которых персонаж котика соотносился с начинаящим трудовую деятельность молодым человеком. В этих текстах внутреннее состояние такого работника описывалось фразами с намеренно изменённым написанием: *невдуплёныши, напугыши, злукыши* (58,8 тысяч просмотров, 2,4 тысяч лайков, 1,2 тысяч репостов); *Гасим капутер глазки закрываем и в отруб* (6,3 тысяч просмотров, 189 тысяч лайков, 72 репоста); *Социальная структура общества... быдло, илита, я небыдло!!!* (12,8 тысяч просмотров, 313 лайков, 99 репостов); *Надеюсь он заплатит... Как сказать что у меня нет денег...* (диалог котят у вкуснятины; 24,6 тысяч просмотров, 619 лайков, 241 репост). Можно возразить, что в этих диалогах котят запись речи изменяется ради юмора, в пародийном аспекте, что не стоит воспринимать всерьёз подобные тексты. Но количество просмотров, лайков и репостов позволяет сделать предположение, что влияние есть и последствия будут всё более ощутимыми. В пользу такого предположения служит и проверка эссе как абитуриентов, так и студентов. Несмотря на наличие программ для проверки текстов на всех этапах их продуцирования, вступительные письменные работы поражают растущим уровнем безграмотности. Студенческие эссе приобретают более-менее «приличный вид» после неоднократного уведомления преподавателя о снижении баллов за нарушение правил орфографии и пунктуации. Социальные сети создают «графические неологизмы» – слова, понятные читателям и зрителям, но искающие правильность написания. Теряется первоначальный образ слов, символичность звукосочетаний, верификация послания. Следовательно, проблема влияния «словаря» социальных сетей на русский язык существует, речь претерпевает изменения, «упрощение» лексики может способствовать деградации словесности. Включает ли это явление распад языковой лояльности, приверженности родному языку, любви к нему? Вопрос для коллегиального решения специалистов из области лингвистики, филологии, психологии и др. Мы позволим себе отметить, что языковое чутьё, «благодаря которому индивид стремится выражать свои мысли стилистично, грамотно и неснисходительно» [4, 422], подвергается «шоковой терапии», потому как стилистические неточности через вседозволенность могут стать правилом, а не исключением в коммуникации. Своевременной задачей преподавателя, по нашему мнению, служит усиленное внимание к коммуникативным качествам речи, реальным свойствам её содержательной и формальной сторон, куда входят «правильность, точность, логичность, чистота, выразительность, богатство и уместность» [7, 79]. Ставяясь повернуть мышление студентов от сниженных словесных трансформаций в угоду массовой смеховой культуре к вдумчивому отношению к фоносемантике и фоносимволизму, к поиску онтологии звука актуальной для них лексики, мы разработали ряд заданий.

При работе над знаками «для выражения звука», «лепкой слов и образов», по выражению С. Есенина, особый интерес у студентов вызывает обращение к произведению Сергея Александровича «Ключи Марии». Удивительное соединение философского, мифологического понимания звуков, выражения их в письменности привлекает студентов и подключает воображение. Вот как описывается первая буква алфавита: «Начальная буква в алфавите А есть не что иное, как образ человека, ощупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки существа её... Дальнейшее следование букв идёт с светом мысли от осознания в мире сущности... Здесь его движения через символы знаков, тех знаков, которыми он ищет своего

примирения с воздухом и землёю, рождают весь дальнейший порядок алфавита, который так мудро оканчивается фигураю буквы Я» [3, 764].

Не претендуя на однозначный вариант, Н. В. Суленёва предлагает примерную расшифровку фонем русского языка в учебном пособии «Сценическая речь. Онтологический смысл звуков русской речи», которое создано на основе работ режиссёров, актёров, поэтов, учёных-философов К. Станиславского, М. Чехова, С. Есенина, А. Белого, В. Хлебникова, П. Журавлева, Р. Штайнера, Г. Гегеля, А. Чупрова и др. [8, 8–13]. С опорой на изложенный в пособии материал студентам предлагается разобрать с точки зрения онтологического смысла звуков своё имя, выбрать творческий псевдоним. Представление себя в любом публичном мероприятии, перед любой аудиторией является важнейшим элементом эффективной коммуникации. Влияние на восприятие аудиторией телеведущего, журналиста, специалиста по связям с общественностью во многом зависит от качества произнесения имени. Как правило, при произнесении имени акцентируется внимание на дикционные характеристики: чёткость, громкость, внятность произношения. Порой упускается немаловажный аспект – интонационный. Условно говоря, чаще всего понятно, какие эмоции транслирует адресант адресату. Но как эмоционально адресант позиционирует себя? Как он относится к себе? Какой образ он пытается закрепить в восприятии аудитории через интонацию? Выясняется, что студенты, уже имея некоторый практический опыт коммуницирования, не задумывались над данным вопросом. Тем любопытнее результаты, когда в качестве практического задания предлагается упражнение из двух частей: во-первых, узнать, из каких звуков и смыслов состоит твоё имя; во-вторых, выбрать главный акцент, вокруг которого будет построен образ говорящего.

Приведём два примера из аудиторных занятий. Студент N именует себя в социальных сетях как Гоша, именно так просит обращаться к нему на занятиях, так подписывает письменные практические задания. Пробуем найти онтологические смыслы звуков его имени, используя расшифровку фонем, предложенную Н. В. Суленёвой. Выясняется, что «Г» – «самоукрепление в отношении духовных сил», «внутреннее наполнение силами природы, естественное для человека» [8, 8]. Студент проявляет положительные эмоции, гордость. «О» – «человек ощущает не только себя, но и ощущает другой предмет, другое существо, которое он хочет охватить сознанием» [8, 8]. Эта мысль Р. Штайнера для студента тяжеловата в восприятии, она пропускается для ускорения понимания имени в целом. «Ш» – «“дующее мимо” по варианту М. Чехова» [8, 12]. Студент озадачен, неудовольствие проявляется сильнее. «А» – «открытие, мир, восторг, обхват, принятие» [8, 8]. К студенту возвращается оптимизм. Предложено выбрать звукосмысловой акцент; после некоторого раздумья выбирается заглавная буква. Однако студент заинтересовался другими вариантами смысла своего имени и стал анализировать имя Гера. Данное именование не нравилось студенту, в силу некой «женственности звучания», благодаря звуку «А» на конце. После информации, что звук «А» – это открытие мира, отношение несколько изменилось в лучшую сторону, но предубеждение осталось. Внимание сконцентрировалось на двух новых звуках «Е» и «Р». «Е» – «человек в малой степени вовлечён в собственную деятельность; противостояние против произошедшего» [8, 8]. Возможность комментария проигнорирована, последующий звук «Р» произносится как рычание в шутливой, но несколько угрожающей форме. Итак, «Р» – «отдача себя и самоутверждение; мы поворачиваем и вертим наше суждение, оно ещё не готово» [8, 11]. Звучит отзыв, что расчёт на звук «Р» не оправдал себя, имя «Гера» не приносит удовлетворения. Студент серьёзно, без иронизирования, с азартом исследователя приступает к постижению смысла в плане звукописи имени «Георгий». Сразу же выражает довольство от повторного «Г», данный звук изначально «пришёлся по душе» студенту более всего, ведь так увеличивается «духовная сила и наполнение силами природы» – так запомнился смысл «Г» студенту. Из неизвестных звуков – «И» и «Й». «И» – «идти из центра наружу», «внутреннее укрепление после того, как мы чем-то затронуты» [8, 9]. «Й» – «сила самоутверждения» [8, 9]. Студент в естественном порыве принимает позу лидера (выпрямленная спина, расправленные плечи, приподнят подбородок), голос приобретает глубину, речь ритмична и темп не ускорен. Высказывается мнение, что он пересмотрел своё отношение к профессиональному имени, и теперь будет представляться как Георгий, потому что для него, по его словам, важно быть сильным, транслировать духовную силу, чувствовать и вдохновлять других. На вопрос,

какие эмоции вызывает библейское значение имени Георгий – «земледелец», студент N отвечает, что раньше именно из-за «земледельца» «терпеть не мог своего имени», потому, что воспринимал это как синоним «деревенского неудачника, фермера в коровнике». Теперь библейский «земледелец» ощущается как мужественный человек, берущий на себя ответственность за «взросление», «перемены в человеке». Упоминание о прежнем нике *Гоша* вызывает снисходительную улыбку. Сразу после занятия студент обновляет ник на своей странице ВКонтакте, через несколько секунд меняет и картинку на аватарке: дурашливый инопланетянин уступает место копью Георгия-Победоносца. Однако становится очевидным, что под новым именем невозможна прежняя подача контента. Сегодня можно наблюдать постепенную смену тем и формата изложения на его странице. Комментарии, связанные с такими изменениями, весьма разнообразны – от жёсткой критики до горячей поддержки – но сам студент с удивительным спокойствием реагирует на трансформацию своей страницы.

Работа с самоидентификацией через познание онтологического смысла звуков речи подкрепляется практическими заданиями с жестами, усиливающими значение кодового слова или словосочетания невербального элемента. Следующим шагом становится разбор текстов, характерных для темы звукописи. Мы предложили для этого стихотворение Беллы Ахмадуллиной «Лапландских летних льдов недальняя граница...». Так как в дисциплины «Риторика» и «Культура и техника речи в медиапространстве» не включены темы, связанные с художественным чтением, подобные произведения анализируются с точки зрения звукописи, образов, интонирования, дикционного тренинга. При разборе предложенного произведения и его чтении вслух студенты вслушивались в каждое слово и получали эстетическое удовольствие от звучания текста в целом.

Немаловажным элементом в рамках вышеозначенных дисциплин являются практические задания, связанные с подбором слов для названий студенческих текстовых продуктов, влекущие за собой подчас изменение самой идеи произведения, будь то письменный текст статьи или заметки, аудиотекст подкаста или текст аудиовизуального продукта.

Приведём пример подобной аудиторной работы. Дано задание: создать письменный текст с дальнейшим переходом в устный, проще говоря, написать эссе, которое затем будет записано как аудиотекст для подкаста в виде монолога. Первоначальный вариант названия работы звучал так: «Достопримечательности Города». Тут же возникли сомнения в его применении: во-первых, слишком широк круг тем, необъятен список достопримечательностей; во-вторых, не было чёткого понимания, о каких именно достопримечательностях хотят рассказать авторы и на какие открытия может рассчитывать читатель и слушатель; в-третьих, само название труднопроизносимо, несколько тяжеловесно и для глаз, и для слуха, не вызывает нужных эмоций. Тогда закономерно возник вопрос: а какие эмоции хотелось бы вызвать у аудитории авторам? Ответ: гордость, энтузиазм, искренность. Отталкиваясь от данных эмоций, студенты предложили второй вариант названия творческого продукта – «Славные места Города». Но и эта версия не вызвала однозначной удовлетворённости, т. к. эпитет *славные* порождал эмоции сентиментальности, ностальгии и умиления («славные времена», «славное детство», «славные ребята»). Наконец, когда сосредоточились на «гордости», «торжестве справедливости», «уважении» и «искренности», появилось знакомое, но от этого не потускневшее название «Места славы Города». Сразу стал более понятным и очерченным круг раскрытия темы.

Поиск благозвучного эпитета, чей смысл звукописи вызывает определённые эмоции, становится увлекательным моментом на практических занятиях. Когда предлагается выбрать для работы с эпитетами какое-либо существительное, 98 % студентов называют слово *любовь*, к нему подбираются эпитеты, которые сразу приходят на ум. Их количество, как правило, в пределах двадцати слов. Затем предлагаются к работе малоизвестные эпитеты: *негасимая, незакатная, неизжитая, нетленная, всевластная, необоримая, картонная, самозабвенная*. У студентов сразу подключается воображение, азартно рождаются истории, расширяется словарный запас, развивается вербальный интеллект. Азарт и ликование – очень важные эмоции для выполнения практических заданий, связанных с теорией коммуникации. Как отмечал известный тренер по ораторскому мастерству Радислав Гандапас в популярной книге «Камасутра для ораторов»: «Всё, что человек де-

ляет с удовольствием, он делает значительно успешнее» [2, 9]. Кроме того, мы видим задачу образовательной программы по вышеозначенным дисциплинам в том, чтобы студент испытывал не только удовлетворение от выполненной работы, промежуточной аттестации, но удовольствие одухотворённости – «воодушевление, наполненность души высоким содержанием, смыслом, благородными мыслями» [7, 233].

На наш взгляд, аудиторная работа студентов над произношением гласных и согласных звуков будет приносить более эффективные результаты, если посвятить время осмыслению звукописи. Рождение образов может послужить и осознанности интонирования, и глубине осмысленности фраз. Как сказано Сергеем Есениным в статье «Быт и искусство» из книги «Словесные орнаменты», «словом, звуками и движениями человек передаёт другому человеку то, что им поймано в явлении внутреннем или явлении внешнем» [3, 775]. Причём это касается работы не только над текстами различных авторов, но и над своими собственными, выбранными для анализа и воплощения. Так удаётся избежать формального подхода к составлению спича и процессу реализации письменного текста в устную речь. Ведь «...нормы произношения суть средства духовно-практического освоения действительности коммуникантами, являющиеся показателем уровня общения и необходимым условием его эффективности» [8, 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов, А. И. Онтология смысла. Феномен наличия смысла-в-бытии / А. И. Богданов, Г. М. Пурыничева // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 106-110.
2. Гандапас, Р. Камасутра для оратора. Десять глав о том, как получать и доставлять максимальное удовольствие, выступая публично / Р. Гандапас. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. – 272 с.
3. Есенин, С. «Мне осталась одна забава...»: стихотворения, поэмы, проза. Полное собрание сочинений / С. Есенин. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 800 с.
4. Летягова, Т. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь / Т. В. Летягова, Н. Н. Романова, А. В. Филипов. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 424 с.
5. Маркова, А. В. Культурный текст в речевом развитии студентов-журналистов творческого вуза: аудиторная работа с письмом Н. В. Гоголя / А. В. Маркова, В. Ю. Прокофьева, И. А. Байкова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № VI (70). – С. 12-17.
6. Маркова, А. В. Культурный текст в речевом развитии студентов творческого вуза: аудиторная работа с поэтическими цитатами А. С. Пушкина / А. В. Маркова, В. Ю. Прокофьева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76). – С. 12-16.
7. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
8. Суленёва, Н. В. Сценическая речь. Онтологический смысл звуков русской речи: учеб. пособие / Н. В. Суленёва. – СПб.: СПбГИКиТ, 2021. – 143 с.

Муллер Ю. Г.
Yu. G. Muller

РУССКИЙ ДОМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАРУБЕЖЬЯ

RUSSIAN HOUSE IN THE SOCIAL AND CULTURAL SPACE ABROAD

Муллер Юлия Геннадьевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: muller.yg27@mail.ru.

Yulia G. Muller – Senior Lecturer, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: muller.yg27@mail.ru.

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается роль русских домов как центров сохранения и распространения русской культуры и идентичности в условиях миграции и глобализации; анализируются функции, которые выполняют эти учреждения в жизни русскоязычных общин за границей, включая поддержку языковой практики, организацию культурных мероприятий и формирование социальных сетей. Исследование основано на эмпирических данных, собранных в процессе анализа деятельности русских домов в различных странах, что позволяет выявить подходы к интеграции русских эмигрантов в новые социокультурные контексты. Отмечается, что, несмотря на современные вызовы, такие как культура отмены, формирование негативного имиджа России в мире, многие русские дома за пределами Российской Федерации продолжают активную деятельность, а интерес местного населения даже недружественных России стран к русской культуре и русскому языку возрастает.

Summary. This study examines the role of Russian houses as centers for the preservation and dissemination of Russian culture and identity in the context of migration and globalization; the functions that these institutions perform in the life of Russian-speaking communities abroad are analyzed, including supporting language practice, organizing cultural events and forming social networks. The study is based on empirical data collected in the process of analyzing the activities of Russian houses in various countries, which allows us to identify approaches to the integration of Russian emigrants into new sociocultural contexts. It is noted that, despite modern challenges, such as the abolition of culture, the formation of a negative image of Russia in the world, many Russian houses outside the Russian Federation continue to be active. It is also noted that the interest of the local population in Russian culture continues to manifest itself even in countries unfriendly to Russia.

Ключевые слова: русский дом, русский язык, культура, социокультурное пространство, Россия, зарубежье, миграция, эмиграция, диаспора, русскоязычное сообщество.

Key words: Russian house, Russian language, culture, sociocultural space, Russia, abroad, migration, emigration, diaspora, Russian-speaking community.

УДК 304.2

Русский дом представляет собой многогранное понятие, включающее в себя не только физическое, но и социокультурное пространство, являясь своеобразным символом связи между поколениями и культурными традициями.

Современная политическая ситуация создала новые условия существования и деятельности русских домов в разных странах в зависимости от лояльности стран проживания. Вопрос дружественности в современных условиях вышел на первый план. В недружественных России странах русским домам труднее продолжать свою деятельность, поскольку политика этих государств направлена на формирование негативного отношения к русским. С позиций политической психологии феномен русофобии как формы ксенофобии является частью государственной идеологии большинства западных стран [1; 2]. Русофobia фиксировалась в разные периоды истории, но в последние несколько лет обрела агрессивную форму. Введение и расширение антироссийских санк-

ций, агрессивность западных СМИ в освещении России, ограничение сфер применения русского языка в некоторых странах, политика недружественных государств по ущемлению прав соотечественников по национальному признаку в стране гражданства, отмена русской культуры – всё это привело к затруднениям в деятельности русских домов за рубежом. После начала специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 году многие русские дома и культурные центры за границей приостановили или прекратили свою деятельность, столкнувшись с различными вызовами и оказавшись под давлением. Приостановка программ культурного обмена и сотрудничества с местными организациями, изменение общественного мнения под воздействием западных СМИ и восприятие русских домов как политических символов, а также финансовые проблемы в связи с введением санкций уменьшили видимость и влияние русских домов в социокультурной среде зарубежья.

Вышесказанное определяет актуальность темы статьи. Кроме того, исследование роли русских домов в социокультурном пространстве зарубежья не только помогает понять механизмы сохранения русской культуры, но и освещает более глубокие процессы взаимодействия культур в условиях современных вызовов, что делает тему крайне актуальной для изучения в рамках культурологии.

Целью данной статьи является описание различных моделей русских домов и их функций. В задачи данного исследования входит также выявление действующих русских домов и русских домов, приостановивших свою деятельность.

Формирование русской диаспоры за рубежом имеет долгую и многослойную историю, охватывающую несколько ключевых периодов. Она формировалась на протяжении столетий, начиная с XIX века, под воздействием различных исторических факторов, включая войны, революции, экономические кризисы и политические репрессии. Эмигранты «первой волны» (1920 – 1945 годы) воспринимали переезд в другие страны как временное состояние. Они не пытались интегрироваться в новую социокультурную реальность и хотели, чтобы их дети, независимо от того, что они родились за рубежом, оставались русскими, сохраняли свою национальную идентичность. Изгнанные из своей страны, они стремились жить, работать и творить как неотъемлемая часть России. Русское зарубежье начинает обустраивать свой «русский дом». Понятие «русский дом» для эмигрантов это русский язык и литература, традиции, русский бытовой уклад, соборность. Русская эмиграция, создав очаги русской культуры в местах своего рассеяния, сохранила ценности, созданные нашими предками [3; 5]. Сегодня русская диаспора представляет собой многообразное сообщество с богатой культурной идентичностью и разнообразными традициями. По словам главы Россотрудничества Евгения Примакова, назвать точное количество российских соотечественников, проживающих за рубежом, на сегодняшний день не представляется возможным. Предположительно, сейчас в мире около 30 (от 25 до 40) миллионов наших соотечественников, которые проживают за рубежом по разным причинам [7]. Русская диаспора является одной из самых больших по численности в мире. Крупные русскоязычные сообщества проживают на территории США, стран Европы, Азии, Африки.

Переезд на постоянное место жительства в другую страну часто сопровождается чувством утраты национальной идентичности, отчуждения от родины, поэтому наличие в новой стране проживания русскоязычного сообщества может стать поддержкой и в значительной степени облегчить процесс интеграции. Большинство соотечественников, которые включены в другую систему ценностей по причине проживания за пределами Российской Федерации, стремятся не терять связь с исторической родиной, оставаться носителями русского языка и хранителями русской культуры, содействовать гуманитарным связям между Россией и новыми странами проживания, а также ощущать поддержку со стороны Российской Федерации.

При содействии Правительства Российской Федерации многие страны, в которых уже сформировались или продолжают формироваться русскоязычные сообщества, предоставляют условия для мигрантов, позволяющие не только пройти процесс социальной интеграции, но и сохранить свою национальную идентичность [6].

Государство как центральный институт политической системы [4] начало формировать учреждения, регулирующие отношения с зарубежными странами, после прорыва международной дипломатической изоляции в 1922 году.

В 1925 году было учреждено Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), которое несколько десятилетий обеспечивало гуманитарное сотрудничество между СССР и зарубежными странами. В 1958 году на смену ВОКС был учреждён Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), просуществовавший до 1992 года. После распада СССР ССОД был преобразован в Российскую ассоциацию международного сотрудничества (РАМС) и было создано новое ведомство – Российское агентство международного сотрудничества и развития (РАМСиР). С 1994 года полномочия РАМСиР делегированы Российскому центру международного научного и культурного сотрудничества при Правительстве Российской Федерации (Росзарубежцентр). Только в 2008 году обнаружилась необходимость создания такого органа власти, который обладал бы всей полнотой полномочий в развитии российских гуманитарных связей с зарубежными странами в целом и с государствами СНГ в частности. Так было создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Деятельность Россотрудничества и его учреждений за пределами Российской Федерации направлена на реализацию государственной политики международного гуманитарного сотрудничества и содействие распространению за рубежом объективного представления о современной России. На сегодняшний день Россотрудничество занимает ключевую позицию в укреплении международных связей и культурного обмена. Агентство подведомственно Министерству иностранных дел Российской Федерации. За пределами Российской Федерации Россотрудничество осуществляет свою деятельность через представительства – российские центры науки и культуры (РЦНК) [8]. В настоящее время агентство представлено в 80 странах мира 97 представительствами, которые в марте 2021 года получили неформальное название «Русский дом». Также «Русский дом» стало новым неофициальным названием самого Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству [9].

Таким образом, российские центры науки и культуры, появившиеся в середине XX века, сегодня получили общее название «Русский дом» и стали организациями, реализующими программы поддержки соотечественников, проживающих за пределами Российской Федерации и продолжающих ощущать причастность к России, её культуре, истории, языку, а также развивающими гуманитарные связи между странами [9]. Согласно современной Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, русские дома являются организациями, укрепляющими объективное восприятие нашей страны в мире, содействующими пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, расширяющими контакты между людьми [28].

Понятие и сущность русского дома. Знакомство с деятельностью действующих русских домов за рубежом и анализ их деятельности позволили выявить некоторые критерии, по которым возможно классифицировать русские дома, а также определить их роль и функции в современном социокультурном пространстве.

Русский дом – это учреждение или организация, созданная для поддержки и объединения русскоязычных людей за границей [8]. Он может принимать различные формы – от культурных центров и общественных организаций до образовательных учреждений и религиозных общин. По форме организации выделяются культурные центры, где основное внимание сосредоточено на культурных мероприятиях и внедрении образовательных программ; общественные организации, фокус внимания которых на социальной поддержке и помощи эмигрантам в вопросах жилья и трудаустройства, а также религиозные общины, целью которых является объединение вокруг православной веры, проведение богослужений и религиозных праздников. По географическому расположению русские дома можно разделить на европейские, американские и азиатские. На сегодняшний день активно формируются русские дома в африканском регионе. По целевой аудитории можно выделить русские дома для детей, для взрослых и семейные дома.

Говоря о формах современных русских домов, необходимо отметить, что на сегодняшний день в ответ на актуальные вызовы, такие как отмена русской культуры, создание негативного имиджа России, политика русофобии и т. п., за рубежом продолжают формироваться смежные с русскими домами организации. На сегодняшний день за рубежом осуществляют свою деятельность не только русские дома, основанные при поддержке агентства Россотрудничество, но и сообщества, организованные частными инициативными группами. В 2013 году с целью поддержки России и борьбы с растущей во многих странах русофобией [4] было основано Международное движение русофилов (МДР). По данным информационного портала фонда «Русский мир», в Австрии, которая является одной из недружественных России стран, состоялось открытие местного отделения МДР [5]. Данное событие, безусловно, может стать важным шагом для укрепления культурных и общественных связей между Россией и зарубежьем, а также для продвижения русской культуры и русского языка за рубежом, ведь основными целями русских домов и смежных организаций являются сохранение и развитие русской культуры, языка и традиций в условиях иностранной среды.

Ассоциация «Русский дом» в Женеве, созданная в 2011 году группой единомышленников, представляет собой культурно-коммуникационную площадку, в рамках которой соотечественники могут поддерживать и развивать родные традиции вдали от России, встречаться и общаться в дружеской атмосфере, а также знакомить с российскими обычаями и традициями швейцарцев. На сегодняшний день на площадке женевского «Русского дома» образовалось сообщество взрослых людей с общими ценностями и культурно-социальными ориентирами, привитыми им в юности или детстве на их «первой» Родине. Ассоциация «Русский дом» ставит перед собой три основные задачи:

1. сохранить интерес к российской культуре у детей, рожденных за границей;
2. дать поддержку новоприбывшим родителям, нуждающимся в общении и понимании;
3. предоставить соотечественникам площадку для самореализации.

Сотрудники женевского «Русского дома» видят свою миссию в том, чтобы развивать проект, формировать культурное пространство для подрастающего поколения и содействовать сохранению национальной идентичности [11].

Обобщая опыт деятельности русских домов за рубежом, уместно рассматривать его в различных аспектах как культурный и социальный феномен:

1. Русский дом как культурное наследие. Русские дома за рубежом являются хранилищем русской культуры, традиций и обычаяев, служат местом, где передаются знания о языке, культуре, литературе, искусстве и народных традициях. В связи с этим русские дома и культурные центры проводят мероприятия, посвященные русским праздникам, литературным чтениям и музыкальным вечерам, что способствует сохранению культурного наследия, национальной идентичности и уникальной самобытности.

2. Русский дом как институт, обеспечивающий социальную поддержку, поскольку русские дома выступают как центры социальной поддержки для эмигрантов. Они помогают новоприбывшим соотечественникам адаптироваться в новой среде, предоставляя информацию, касающуюся правовых вопросов, возможностей труда и обучения. В данном аспекте русские дома создают чувство общности и взаимопомощи среди русскоязычных людей, оказавшихся за границей Российской Федерации.

3. Русский дом как пространство, сохраняющее идентичность и национальную принадлежность. Русские дома помогают сохранить культурную идентичность в условиях диаспоры. Они являются местом, где соотечественники могут общаться на русском языке, делиться опытом, поддерживать связь с родной культурой и искусством, что особенно важно для детей эмигрантов, которые растут в другой культурной и исторической среде.

4. Русский дом как место для культурного обмена. Русские дома часто становятся площадками для культурного обмена между русскоязычными соотечественниками и местными жителями, поскольку на их территории организуются выставки, мастер-классы и другие мероприятия, спо-

существующие установлению и укреплению взаимопонимания и интеграции различных культур при условии сохранения национальной самобытности.

5. Русский дом как пространство, способствующее психологическому благополучию. Эмиграция может быть связана со стрессовым опытом, поэтому русские дома предоставляют возможность общения и психологической поддержки, ведь это помогает людям справляться с чувством одиночества и утраты родины, создавая атмосферу дома, уюта и безопасности.

6. Русский дом как место, обеспечивающее образование и развитие. В русских домах часто организуются курсы по изучению русского языка, истории и культуры. Это способствует образовательному процессу и позволяет людям глубже понять свою культуру и историю, усвоить их уроки.

7. Русский дом как институт, способствующий активизму и общественной жизни. В этом отношении русские дома могут быть площадками для обсуждения вопросов, касающихся как русскоязычной общины, так и общества в целом, инициируя проекты, направленные на улучшение жизни общины и взаимодействие с местными властями.

8. Русский дом как место для творческого самовыражения. Многие русские дома становятся центрами для творчества, где организуются художественные классы и школы, проводятся художественные выставки, театральные постановки и концерты, что способствует развитию творческого потенциала членов общины и даёт возможность делиться своими талантами.

Исходя из определения понятия и многообразия аспектов, можно выделить основные функции русского дома:

1. Культурная функция, которая включает в себя организацию различных мероприятий (концерты, выставки, экскурсии, театральные постановки), направленных на популяризацию русской культуры, а также проведение мастер-классов по русскому языку, литературе, искусству и традиционным ремёслам. Реализуя данную функцию, русские дома способствуют сохранению традиций, поскольку здесь проводятся праздники, связанные с русскими народными традициями, а также христианские праздники, что позволяет сохранить традиции и обычаи, которые могут быть забыты в новой культурной среде, а также передать их последующим поколениям. Так, Русский дом в Вене традиционно организует новогодние утренники для детей и их родителей, которые ежегодно посещает Дед Мороз из Великого Устюга [12]. С целью сохранения уважительного отношения к исторической памяти своего народа 27 апреля 2023 года Русский дом в Париже организовал Международную просветительско-патриотическую акцию «Диктант Победы». Парижский Русский дом стал первой зарубежной площадкой, которая приняла участие в телемосте с Музеем Победы на Поклонной горе. Пятый, юбилейный Международный исторический диктант на тему событий Второй мировой войны объединил соотечественников и французских граждан, школьников, родителей и педагогов [13]. Безусловно, эти события помогают поддерживать интерес к русской культуре, истории и традициям.

2. Образовательная функция, включающая открытие школ и курсов русского языка для детей и взрослых, проведение лекций, семинаров и круглых столов по актуальным вопросам русской культуры и истории. В области образования и просвещения практически все существующие русские дома предлагают курсы русского языка, литературы, истории. Так, Русский дом в Берлине (Russisches Haus der Wissenschaft und Kultur) организовал языковой клуб для изучения русского языка и русской литературы для соотечественников и коренных жителей Германии, а также курсы русского языка. Ежегодные мероприятия Недели русского языка в Берлине стали традиционными и собирают ведущих специалистов, преподающих русский язык, авторов учебных пособий, а также представителей издательств из Германии и других европейских стран [16].

В рамках программы изучения русского языка при Русском доме науки и культуры в Праге (Ruský dům v Praze) демонстрируются фильмы на русском языке, плодотворно функционирует удалённый читальный зал Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге. На курсах русского языка регулярно проходят занятия, которые ведут профессиональные русисты с учётом внедрения новых методов обучения, в том числе дистанционных. В этом Русском доме традиционно проводятся открытые уроки для чешских школьников, а также различные мероприятия в рамках дней

открытых дверей [15], что способствует передаче знаний о русской культуре и русском языке новым поколениям, позволяет поддерживать связь с Родиной и способствует дружественным отношениям.

3. Социальная функция, реализующаяся в создании сообщества, где эмигранты могут находить поддержку и возможность общения, а также получать помощь в адаптации к новой социальной среде, включая правовые консультации и помочь в трудоустройстве, обучении. Русский дом в Белграде проводит ежегодный конкурс на бесплатное образование в России по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры для соотечественников, постоянно проживающих на территории Республики Сербии [19].

4. Религиозная функция, включающая миссионерскую деятельность, организацию церковных служб и христианских праздников для поддержания духовной жизни общины; сохранение православных традиций и обычая в условиях другой культуры, религии, верований. Русские дома в сотрудничестве с Русской православной церковью способствуют открытию на приходах воскресных школ, где, помимо изучения Закона Божьего, истории русской православной Церкви и истории России, организуются курсы русского языка для всех желающих. По словам митрополита Волоколамского Антония, церковные приходы, будучи островками Отечества на чужбине, становятся естественным средоточием духовной и культурной жизни, где соотечественники могут вместе помолиться, поговорить о насущных проблемах, просто пообщаться на родном языке [18].

5. Информационная функция, реализующаяся в предоставлении информации о жизни в стране проживания, о возможностях труда, учёбы и социального обеспечения, а также выпуске новостей, информационных бюллетеней о событиях в русской диаспоре, создании сообществ в сети Интернет. Русские дома часто предоставляют площадки для освещения жизни в России, актуальных возможностей для сотрудничества, что позволяет поддерживать постоянную связь с родиной. Сообщество «Русский дом» в социальной сети ВКонтакте, организованное агентством Россотрудничество, даёт возможность русским домам и центрам за рубежом размещать информацию о проводимых мероприятиях и акциях, а также сообщать новости культуры и науки.

6. Функция сотрудничества с другими культурами. Русские дома служат площадками для межкультурного диалога, способствуя обмену опытом и идеями между различными этническими и культурными группами. Так, Русский дом в Париже при поддержке Россотрудничества с 2014 года реализует программу культурно-образовательных поездок «Здравствуй, Россия!» для молодых соотечественников, проживающих во Франции. Ежегодно молодые люди в возрасте от 14 до 19 лет приезжают в Россию, чтобы познакомиться с жизнью современного российского общества, посетить главные достопримечательности, отражающие многонациональную российскую культуру, и найти новых друзей [17]. Русский дом на Кипре организует «День студента в Ороклини: Диалог культур, дружба народов» – праздник, объединяющий традиции, культуру и дружбу народов. На мероприятия в рамках этого праздника приглашаются российские соотечественники, выпускники российских и советских вузов, а также все, кто интересуется русской культурой [20]. В октябре 2024 года в Сербии состоялся благотворительный концерт «Мирное небо ради детской улыбки», организованный Русским домом в Белграде. Средства, собранные в ходе этой благотворительной акции, были перечислены детям, эвакуированным из пострадавших районов Курской области [22].

Под воздействием политических причин некоторые русские дома приостановили свою деятельность, чтобы избежать конфронтации или негативной реакции со стороны местных сообществ. Прежде всего, такая ситуация сложилась в странах Евросоюза. Так, с усилением давления со стороны властей западных стран на русские дома в 2022 году приостановили свою деятельность русские дома в США (Русский дом в Нью-Йорке), Великобритании (Русский дом в Лондоне), а также в Словении, Словакии, Хорватии, Черногории, Румынии [21].

Несмотря на сложные условия, многие русские дома и культурные центры за рубежом продолжают свою активную деятельность при поддержке агентства Россотрудничество. Среди наиболее крупных домов, действующих на территории зарубежных стран сегодня, можно выделить:

- Русский дом в Берлине (нем. Russisches Haus in Berlin) – крупнейший культурный центр в Германии, открытый в 1984 году как Дом советской науки и культуры. Сейчас дом располагает кинотеатром, концертным залом, библиотекой, активно вовлекает в свою деятельность местных жителей: для всех желающих изучать русский язык Русский дом в Берлине организует групповые и индивидуальные занятия. Ежегодно около 200 тысяч человек принимает участие в программах и мероприятиях этого дома. Следует отметить, что, несмотря на провокации и неоднократные обращения активистов – релокантов, требующих передать этот культурный центр Украине, Русский дом продолжает свою работу, поддерживая риторику сохранения русской культуры, языка и традиций [14].

- Русский дом в Браззавиле, республика Конго (фр. Centre Culturel Russe), основан в 1968 году. На сегодняшний день этот Русский дом располагает концертным залом на 150 мест, библиотекой с читальным залом и медиатекой, классами для занятий, спортивным залом с тренажёрами [27].

- Русский дом на Кипре был открыт в 1978 году в Никосии. Особое внимание Русский дом на Кипре уделяет развитию российско-кипрского сотрудничества в области культуры и науки, а также продвижению культуры России, популяризации русского языка и поддержке соотечественников. На базе центра организованы курсы русского, греческого и английского языков, балетная школа, фитнес-клуб, киноконцертный зал на 257 мест, выставочный зал, конференц-зал, четыре учебных класса, библиотека с читальным залом, видеотека [23].

- Русский дом в Вене (нем. Russisches Haus in Wien) основан в 1998 году и действует в качестве культурного института при Посольстве России в Австрии. Русский дом расположен в центре Вены во дворце Сканави на Брамсплац (Brahmsplatz). Здание Русского дома располагает кинозалом со сценой, концертным и выставочным залами, конференц-холлом и читальным залом библиотеки [24].

- Русский дом в Пекине функционирует с 27 сентября 2010 года и является первым гуманистичным учреждением в КНР, открытым при поддержке Правительства России. Особое внимание Русский дом в Пекине уделяет знакомству китайских граждан с историей и культурой России, продвижению и популяризации русского языка, развитию культурных, деловых, научных, образовательных связей между Россией и Китаем [25].

- Русский дом в Белграде (серб. Ruski centar za nauku i kulturu «Ruski dom») основан 9 апреля 1933 года. Задуманный и созданный представителями первой волны русской эмиграции, этот Русский дом включает в себя Общекадетское объединение Русских кадетских корпусов за рубежом в Белграде, ставшее сообществом потомков второго, третьего и последующих поколений. Сегодня Русский дом в Белграде – это современный концертный зал, выставочные площадки, музикальный салон, библиотека с читальным залом, художественная школа [26].

Выходы:

1. Русский дом представляет собой учреждение или организацию, созданную для объединения и поддержки русскоязычных людей за границей с целью сохранения идентичности и национальной принадлежности соотечественников, проживающих за рубежом, а также для обеспечения социальной интеграции и развития общины в новом культурном контексте при сохранении связи с родиной и корнями.

2. Деятельность русских домов, с одной стороны, направлена на реализацию целей гуманистической политики Российской Федерации за рубежом в части формирования и укрепления объективного восприятия России в мире и расширения контактов с зарубежными странами, что особенно важно в связи с усиливающейся агрессивной русофобией и формированием отрицательного образа России западными СМИ. С другой стороны, русские дома формируют пространство, способствующее сохранению национальной идентичности соотечественников, проживающих за пределами Российской Федерации.

3. В условиях современного социокультурного пространства зарубежья выделяются следующие формы русских домов и смежных организаций: культурные центры, в которых основное внимание уделяется культурным мероприятиям и образовательным программам; общественные

организации, фокусирующие внимание на социальной поддержке и помощи эмигрантам; религиозные общины, призванные объединить соотечественников, проживающих за рубежом вокруг православной веры.

4. Русский дом за границей играет важную роль в жизни русскоязычных эмигрантов, выполняя культурную, образовательную, социальную, религиозную, информационную функции, функцию сотрудничества.

5. Деятельность русских домов в некоторых странах Европы, Азии и Африки охватывает широкий круг задач, направленных на поддержку и развитие русской общины за пределами России. Данные задачи реализуются в поддержании интереса к русской культуре, языку, истории, а также осуществлении поддержки языковой практики, организации культурных мероприятий и формировании социальных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каневская, Г. И. «Мы ещё мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.) / Г. И. Каневская. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. – 372 с.
2. Попова, Е. А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии / Е. А. Попова // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 12 (6). – С. 40-45.
3. Соколова, В. А. Многообразие смыслов и образов «русского дома» за рубежом: культурологический очерк жизни русской эмиграции «первой волны» в Чехословакии (1920 – 1945 гг.) / В. А. Соколова // Новые российские гуманитарные исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 5. – URL: <http://nrgumis.ru/articles/157/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
4. Новый дипломатический словарь: сайт. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
5. Отделение Международного движения русофилов появилось в Австрии // Информационный портал фонда «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/news/331089/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
6. «Русские дома» за рубежом: работа в новых условиях (часть 1) // сайт журнала «Международная жизнь». – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38555> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
7. Примаков, Е. Соотечественники со всего мира хотят сохранить себя частью Русского мира / Е. Примаков // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/22268009> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
8. О Россотрудничестве. Основные сведения // Россотрудничество: сайт. – URL: <https://rs.gov.ru/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
9. Конкурс «Переименуй Россотрудничество» завершился // информационное агентство РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210120/rossotrudnichestvo-1593836808.html> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
10. Международное движение русофилов, сайт. – URL: <https://mir2023.site/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
11. «Русский дом в Женеве» // Dzen.ru. – URL: https://dzen.ru/a/X0Xob2nbRG4m_O8f (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
12. В Русском доме в Вене побывал Дед Мороз из Великого Устюга // сайт Русского дома науки и культуры в Вене. – URL: <http://russischeskulturinstitut.at/ru/gallery/v-russkom-dome-v-vene-pobyal-ded-moroz-iz-velikogo-ustyuga> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
13. Телемост соединил участников «Диктанта Победы» из Парижа с Музеем Победы на Поклонной горе // сайт Русского дома науки и культуры в Париже. – URL: <https://crsc.fr/tag/diktant-pobedy/?lang=ru> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
14. Официальный сайт русского дома науки и культуры в Берлине. – URL: www.russisches-haus.de (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
15. День открытых дверей для чешских школьников // сайт русского дома науки и культуры в Праге. – URL: <http://rsvk.cz/blog/2021/06/30/den-otkrytyh-dverej-dlya-cheshskih-shkolnikov/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.

16. Неделя русского языка в Берлине // Институт русского языка РУДН. – URL: <https://ru.rudn.ru/about/news/nedelya-russkogo-yazyka-v-berline-post-reliz/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
17. Официальный сайт русского дома науки и культуры в Париже. – URL: <https://crsc.fr/propos-de-nous/?lang=ru> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
18. Председатель ОВЦС возглавил работу круглого стола, посвящённого соработничеству Русской Православной Церкви и соотечественников, проживающих в странах Азии и Австралии // Московский патриархат. – URL: <http://eparchia.patriarchia.ru/db/text/6178063.html> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
19. Министерство образования и науки России и Россотрудничество объявляют приём граждан Республики Сербии и соотечественников, постоянно проживающих на территории страны, на обучение в 2025/2026 учебном году в образовательные организации ВО Российской Федерации за счёт средств федерального бюджета // сайт Русского дома науки и культуры в Белграде. – URL: <https://ruskidom.rs/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
20. Диалог культур и дружба народов // Социальная сеть ВКонтакте. – URL: https://m.vk.com/roscentre?reactions_opened=wall-208388308_2405 (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
21. Глава Россотрудничества заявил о приостановке работы Русских домов в шести странах Европы // Российское общественно-политическое интернет-издание «Газета.ru». – URL: <https://www.gazeta.ru/search.shtml> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
22. Мирное небо ради детской улыбки // сайт Русского дома науки и культуры в Белграде. – URL: <https://ruskidom.rs/2022/05/20/mirnoe-nebo-radi-detskoj-ulybki/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
23. Официальный сайт русского дома на Кипре. – URL: <https://kyp.rs.gov.ru/ru> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
24. Официальный сайт русского дома в Вене. – URL: <http://russischeskulturinstitut.at/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
25. Официальный сайт русского дома науки и культуры в Пекине. – URL: <https://china.rs.gov.ru/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
26. Официальный сайт русского дома науки и культуры в Белграде. – URL: <https://ruskidom.rs/kvota/obshhaja-informacija/> (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
27. Официальный сайт русского дома науки и культуры в Браззавиле. – URL: https://rs.gov.ru/news_tag/kongo/ (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
28. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ президента Российской Федерации от 05 сентября 2022 г. № 611 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.

Мусалитина Е. А., Турмачева А. Э.

E. A. Musalitina, A. E. Turmacheva

ФЕНОМЕН «АЗИАТСКОЙ КРАСОТЫ» КАК НОВЫЙ ТРЕНД В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

THE PHENOMENON OF «ASIAN BEAUTY» AS A NEW TREND IN RUSSIAN CONSUMER CULTURE

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Турмачева Анастасия Эдуардовна – студентка Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: anatur987@gmail.com.

Anastasia E. Turmacheva – Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: anatur987@gmail.com.

Аннотация. Современные критерии внешней привлекательности являются продуктом новых преобладающих форм социального взаимодействия (социальные сети, массмедиа и др.). Широкий круг представителей индустрии красоты, чья деятельность связана с совершенствованием человеческого тела, активно пропагандирует важность «внешней» составляющей человеческой красоты. В настоящее время в условиях западных экономических санкций сфера торговли, связанная с косметическими средствами, получила особый путь развития, переориентировавшись на азиатский рынок. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение взаимосвязи современных тенденций в формировании эталонов красоты, транслируемых азиатской культурой, и развития потребительской культуры россиян в сфере косметических средств. В статье анализируются традиционные представления о красоте в китайской национальной культуре; описан феномен «азиатской красоты» как определяющий фактор развития индустрии красоты в азиатских странах; установлено влияние феномена «азиатской красоты» на тенденции развития российской потребительской культуры в сфере косметики.

Summary. Modern criteria of external attractiveness are a product of new prevailing forms of social interaction (social networks, mass media, etc.). A wide range of representatives of beauty industry who are engaged in the sphere of improvement of human body, actively promote importance of the «external» component of human beauty. Currently, under the conditions of Western economic sanctions, the sphere of trade related to cosmetics has received a special way of development, reorienting itself to the Asian market. In this regard, the study of relationship between modern trends in the formation of beauty standards, broadcast by Asian culture, and development of consumer culture of Russians in the field of cosmetics is of particular relevance. The article analyzes traditional ideas about beauty in Chinese national culture; describes the phenomenon of «Asian beauty» as a determining factor in development of beauty industry in Asian countries; establishes the influence of the phenomenon of «Asian beauty» on the trends in development of Russian consumer culture in the field of cosmetics.

Ключевые слова: красота, индустрия красоты, азиатская культура, российская потребительская культура, «азиатская красота».

Key words: beauty, beauty industry, Asian culture, Russian consumer culture, «Asian beauty».

УДК 008:81(366.1)

Введение. Визуальный образ и красота являются важными и универсальными составляющими мировой культуры, имеющими вневременной характер. К теме красоты обращались философы, художники, писатели с древнейших времён. Доказательством этому служат произведения художественного, архитектурного искусства, кинематографа, театрального искусства, художественной литературы.

Несмотря на то что традиционно исследователи относят феномен красоты к константам культуры, его эстетическое содержание определяется комплексом факторов:

- спецификой этнотрадиционных представлений определённой национальной культуры;
- религиозными постулатами;
- историко-эпохальной трансформацией концепции «прекрасного» и связанными с ней изменяющимися эталонами красоты. Анализ произведений мировой художественной культуры показывает, что каноны женской красоты наиболее подвержены переосмыслению [7].

Последние статистические данные позволяют сделать вывод об общемировой тенденции к повышению значимости визуальной красоты, изменению восприятия телесного [20]. С одной стороны, современные критерии внешней привлекательности являются продуктом новых активно развивающихся форм социального взаимодействия (социальные сети, массмедиа и т. д.). Широкий круг представителей индустрии красоты, чья деятельность связана с совершенствованием человеческого тела (фитнес-тренеры, косметологи, диетологи, парикмахеры и др.), пропагандируют важность «внешней» составляющей человеческой красоты, значимость её «материальной» составляющей. Таким образом, формируется культ внешности, который оказывает влияние на многие сферы жизни.

С другой стороны, помимо эстетического аспекта, направленного на формирование у человека чувства прекрасного, ценностных ориентиров, красота несёт в себе функцию социального конструктора. Внешняя привлекательность часто становится инструментом установления общественных связей. Так, в современном обществе укоренились стереотипы о связи между внешностью и карьерными возможностями, уровнем дохода, успехом в целом. Однако такие шаблонные представления вызывают серьёзную опасность перехода тонкой грани между «созидающей» и «разрушающей» силой красоты. Это в свою очередь может спровоцировать возникновение дисфункций по внешнему виду, формирование дисморфического расстройства у дискредитируемого [18].

Наряду с вышеописанными тенденциями усиление социальной роли феномена красоты в современном обществе оказывает влияние на формирование новых тенденций в поведении на рынке косметических средств и, в свою очередь, на развитие актуальных направлений торгово-экономического сотрудничества с зарубежными партнёрами.

При этом 52 % участвующих в опросе исследовательского агентства российских потребителей отмечают, что для них важно следить за новшествами в сфере косметических средств, 62 % отметили, что индустрия красоты определяет понимание внешней привлекательности, около 78 % представляют красоту как синтез моральных и внешних характеристик [16].

В настоящее время в условиях жёстких экономических санкций сфера торговли, связанная с косметическими средствами, получила особый путь развития, переориентировавшись на азиатский рынок. В силу этого европейские стандарты красоты, транслируемые рекламой косметических средств европейских брендов, были переосмыслены. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение взаимосвязи современных тенденций в формировании эталонов красоты, транслируемых азиатской культурой, и развития потребительской культуры россиян в сфере косметических средств.

Обращаясь к анализу современного состояния российской потребительской культуры в сфере красоты, рассмотрим понятие «потребительская культура». В научной литературе можно выделить два основных подхода к интерпретации феномена. Сторонники первого подхода отождествляют понятия «потребительская культура» и «культура потребления», определяя их как си-

стему потребления предлагаемых рынком товаров и услуг [12]. Такой подход, на наш взгляд, характеризует потребительскую культуру как элемент экономической системы.

Сторонники другого подхода рассматривают потребительскую культуру как часть системы норм, ценностей, особенностей менталитета, присущей как конкретному обществу, так и отдельному индивиду. Таким образом, потребительская культура функционирует в соответствии с установленными социальными правилами и не сводится к регулированию норм потребительского поведения [14]. Принимая во внимание комплексный характер рассматриваемого феномена, в его исследовании представляется необходимым учитывать как экономическую (материальную), так и культурологическую (духовную) составляющую. В силу этого в рамках данного исследования под потребительской культурой понимается совокупность когнитивных и ценностных образцов, которые принимаются потребителем и служат регулятором его потребительского поведения.

В данном исследовании под косметическим средством понимается продукт для наружного применения, предназначенный для комплексного ухода за кожей (уходовая косметика), а также для улучшения и визуальной коррекции внешности человека (декоративная косметика) [9]. Термин «косметика» впервые был использован в 1898 г. на Международной ярмарке в Париже применительно к уходовым средствам, которые не входили в группу фармацевтических веществ. Позднее понятие косметики было расширено, охватив товары декоративных косметических средств [19].

Целью исследования является рассмотрение феномена «азиатской красоты» и его влияния на формирование новых тенденций в потребительской культуре России. Реализация цели предполагает решение определённых задач:

1. рассмотреть традиционные представления о красоте в азиатской культуре;
2. описать феномен «азиатской красоты» как определяющий фактор развития индустрии красоты (на примере Китая);
3. установить влияние феномена «азиатской красоты» на тенденции развития российской потребительской культуры в сфере косметики.

Объектом исследования является российская потребительская культура на рынке косметических средств.

Предмет исследования – феномен «азиатской красоты» и его влияние на российскую потребительскую культуру.

Информационную базу исследования представляют две группы источников:

1. официальные интернет-ресурсы торговой компании ООО «Гросс», активно развивающей направление азиатских товаров в сфере косметики и бытовой химии на дальневосточном рынке России (сайт, социальные сети);
2. статистические данные по исследуемой тематике, представленные российскими и азиатскими аналитическими центрами.

В качестве **теоретико-методологических оснований** исследования выступает концепция, в рамках которой межкультурная коммуникация не только определяет теоретические положения культурного развития, но и имеет прикладной характер, являясь инструментом реализации практических потребностей установления эффективного взаимодействия в разных сферах международного сотрудничества [11]. Такой подход позволяет определить социокультурные характеристики исследуемого феномена «красота» в азиатской культуре и установить их влияние на формирование новых тенденций в отечественной потребительской культуре.

Географические рамки определяются спецификой рассматриваемого феномена и в связи с этим необходимостью обращения к культуре азиатских стран. В рамках данного исследования проблематика рассматривается на примере культуры Китая как одного из крупнейших государств Юго-Восточной Азии, имеющего для описываемого феномена наибольшее значение.

Геополитические факторы развития российской потребительской культуры – «до и после». При рассмотрении основных тенденций российского потребительского рынка в сфере косметики и индустрии красоты необходимо обозначить этапы, которые представляются важными в осознании исследуемого феномена. На наш взгляд, изменения геополитической ситуации по-

следних лет, затронувшие отрасль международной внешнеэкономической деятельности, позволяют говорить о выделении таких этапов её развития, как «до» и «после». Период «до» подразумевает внешнеторговую деятельность в сфере красоты до введения антироссийских экономических санкций, а этап «после» обозначает период формирования новых направлений развития рынка «красоты» в условиях санкционных ограничений [6].

Согласно официальным данным маркетинговых исследований, до 2022 г. на российском рынке косметических средств значительную долю товаров (60 %) занимали европейские бренды (см. табл. 1), а 50 % российских производителей использовали сырьё, поставляемое западными партнёрами [17].

Таблица 1
Европейские косметические бренды на российском рынке (досанкционный период)

Категория косметических средств	Бренд (оригинальное название)	Бренд (русский эквивалент)
Масс-маркет (68 % российского рынка всех косметических средств этой категории). Недорогая косметическая продукция для рядового потребителя с преобладанием искусственных ингредиентов	Max Factor, Avon, Maybelline, Eveline, Herbina и др.	Макс Фактор, Эйвон, Мэйбеллин, Эвелин, Хербина
Мидл-маркет (72 % российского рынка всех косметических средств этой категории). Средства профилактического и косметического ухода, в которых растительные компоненты составляют до 50 %	L'Oréal, Lancome, Borjois, Euro Shi	Лореаль, Ланком, Буржуа, Евро Ши
Люксовая косметика (89 % российского рынка всех косметических средств этой категории). Косметическая продукция, содержащая не менее 70 % натуральных ингредиентов	Chanel, Clinique, Christian Dior, Gi-venchy, L'occitane и др. [17]	Шанель, Клиник, Кристиан Диор, Живанши, Локситан

Таким образом, европейские косметические бренды занимали лидирующие позиции на российском рынке в досанкционный период. При этом доля азиатских производителей, например в сегменте масс-маркета, составляла не более 12 %, значительно уступая российским и европейским производителям [16].

Введение антироссийских санкций коренным образом изменило ситуацию на рынке косметических средств. Большинство вышеупомянутых европейских брендов заявило о приостановлении поставок готовой продукции на российский рынок и сырья для российских производителей [17]. В результате был зафиксирован рост цен (около 60 %) на остатки косметических средств в розничных сетях. Такая ситуация привела к стимуляции развития отечественного производства косметики, а также переориентации на азиатский рынок [23]. В этот же период в российской потребительской культуре появляются такие понятия, как С-beauty («си-бьюти», красота по-китайски), J-beauty («джей-бьюти», красота по-японски), K-beauty («кей-бьюти», красота по-корейски) [22].

Социокультурные факторы формирования российской потребительской культуры. Наряду с геополитическими и экономическими факторами переориентации российской потребительской культуры переломного санкционного периода значительное влияние на трансформацию потребительских привычек оказали социально-культурные тенденции современного западного общества. Обращаясь к анализу европейского женского образа, можно отметить следующие особенности:

– нивелирование женственности из-за стремления к равенству полов. Европейки стремятся к тому, чтобы в первую очередь их оценивали не по критериям внешней привлекательности, а по

общечеловеческим и профессиональным качествам. Женственность, в их представлении, может препятствовать установлению равенства;

– преобладание комфорта над привлекательностью. Повседневная культура европеек прежде всего связана с ощущением внутреннего комфорта, которое часто противопоставляется атрибутам женственности (парфюм, ежедневный макияж, каблуки, женственный стиль в одежде);

– восприятие проявления женственности как инструмента устройства личной жизни. Таким образом, константное акцентирование внешности (яркий повседневный макияж, высокий каблук, женственная одежда) представляется необходимым только в ситуации поиска партнёра;

– приоритет уходовых средств над декоративной косметикой. Европейские женщины предпочтуют инвестировать в поддержание естественной красоты с помощью высококачественной уходовой косметики, придавая второстепенное значение макияжу;

– популяризация европейской идеи гендерного мейнстриминга, в основе которой лежит концепция полового равенства и права человека на половое самоопределение [10]. Стирание границ между «мужским» и «женским» привело к доминированию стиля унисекс как проявлению равноправной моды.

Для российской культуры женственность является неотъемлемой составляющей понятия «женская красота». Согласно результатам опроса современных российских представительниц женского пола, в отличие от европейских женщин, они имеют иное представление о привлекательности:

– россиянки готовы к физическому дискомфорту (неудобной одежде и обуви) ради привлекательного образа (48 % респондентов);

– многокомпонентный макияж является обязательным в повседневности (61 % респондентов);

– готовы к радикальным изменениям во внешности и обращению к услугам пластической хирургии ради соответствия распространённым эталонам красоты (37 % респондентов);

– культ идеального тела способствует увеличению количества женщин, занимающихся фитнесом и спортом на регулярной основе (43 % респондентов) [18].

«Азиатизация» российской потребительской культуры в сегменте косметических средств: проблемы и перспективы. Азиатизация, т. е. переориентация российского рынка на азиатских поставщиков, стала эффективной возможностью избежать дефицита косметических средств, которые прочно вошли в повседневную жизнь потребителей. Сегодня в России представлено более 600 марок китайской продукции. Среди них как известные, хорошо зарекомендовавшие себя бренды, так и малоизвестные, но не менее качественные товары.

Переориентация российской внешнеэкономической деятельности в сфере косметических средств на азиатский рынок в период введения санкций была сопряжена с логистическими рисками, а также с различиями в традиционных национально-культурных стандартах красоты [1].

Анализ ассортимента сегментов уходовой и декоративной косметики крупной торговой компании «Гросс», представленной сетью розничных супермаркетов «Санвэй», показывает, что не менее 60 % занимает продукция азиатских производителей. Компания традиционно проводит акцию «День Азии», предлагая покупателям особые условия приобретения азиатских товаров, что, согласно анализу социальных сетей «Санвэй», находит большой отклик у клиентов [13].

Примечательно то, что среди привычных для российского потребителя уходовых и декоративных средств представлены «экзотичные», чья популярность у китайцев обусловлена влиянием национально-культурных представлений о красоте, а также конфуцианскими идеями о том, что основой прекрасного является простота (см. табл. 2).

Высокое содержание растительных компонентов в составе китайских косметических средств является результатом того, что новейшие разработки косметических производителей Китая основаны на многовековых принципах традиционной китайской медицины, которая является частью национальной культуры.

Китайские популярные средства по уходу за кожей

Бренд (оригинальное название)	Бренд (русский эквивалент)	Назначение средства, основные свойства
Jigott, Lebelage, Bio-aqua, Teana	Джиготт, Лебелаж, Биоаква, Теана	Пилинг – скатка д/лица отшелушивающий с экстрактом риса. Эффект: очищение, антибактериальный эффект, матирующий эффект, пилинг
Bioaqua, Images, Florasis	Биоаква, Имаджес, Флорасис	Гель-маска д/лица ночная с лепестками османтуса. Эффект: увлажнение, омоложение, выравнивание тона
One Spring, Bioaqua, Venzen	Ван Спринг, Биоаква, Вэнзен	Патчи для кожи вокруг глаз: – с экстрактом морских водорослей, – с экстрактом зелёных бобов, – с коллагеном, – с экстрактом улиточного муцина, – с экстрактом имбиря. Эффект: увлажнение, гладкость, свежесть, тонизирование, от тёмных кругов, подтягивающий эффект, от морщин
Bioaqua, Images, Catkin, Focallure	Биоаква, Имаджес, Каткин, Фокаллур	Крем отбеливающий от пигментации с экстрактом зелёного чая. Эффект: осветляет кожу, мощная защита от ультрафиолета, предотвращение пигментации
Jigott, Lebelage, Images	Джиготт, Лебелаж, Имаджес	Массажные спонжи д/лица. Эффект: улучшение микроциркуляции крови в коже лица, улучшение цвета и структуры кожи, улучшение питания клеток кожи [21]

Каноны красоты в традиционной китайской культуре. Несмотря на то что активно развивающийся китайский рынок косметики ориентируется на новые тенденции в мировой моде и формируемые массмедиа эталоны красоты, в основе производства китайских компаний лежит принцип «натуральности» и «здравья». Эти два аспекта приняты из традиционной китайской медицины, которая является одним из ключевых элементов национальной традиционной культуры. Анализ преобладающих линеек китайских уходовых средств позволяет сделать вывод о том, что они тоже ориентируются на классические стандарты «китайской красоты» [4].

С древних времён китайские эталоны красоты имели особую эстетику. В Древнем Китае мода была неразрывно связана с социальным статусом человека и духовными убеждениями. Конфуцианские ценности предопределяли закрытые и свободные одеяния Ханьфу (hàn fú) которые в настоящий момент определяют скромность и простоту повседневного образа китайских женщин. Яркие, разноцветные образы были признаком богатства и благородного происхождения. Так, члены королевской династии и императоры носили одежду из шёлка в золотой и красной расцветке.

Что касается телесной красоты, среди девушек ценилась стройность и белоснежная «фарфоровая» кожа, поскольку это указывало на принадлежность к высшему сословию. Загар или тёмная кожа, как правило, были присущи крестьянам, работающим в полях. В Древнем Китае женщины использовали белую пудру для придания лицу подчёркнутой бледности [2].

Ещё один признак утончённости и женственности, вошедший в историю «китайской красоты» как самый жестокий, это стопа в форме лотоса. Древние китаянки бинтовали ноги до такой степени, что они приобретали треугольную форму. Такая процедура приводила к серьёзным последствиям, физическим уродствам, и в XX в. в результате социокультурных реформ этот эталон красоты был искоренён.

В XX в. модные тенденции в Китае менялись, но не так часто, как в Европе. Изменения в стандартах красоты были обусловлены множеством социальных, политических и культурных преобразований. Начало и первая половина XX в. связаны с падением династии Цин и утверждением Китайской Народной Республики, что отразилось и на тенденциях в сфере красоты: на смену традиционности в костюме пришёл простой край, близкий к европейскому стилю.

В период Культурной революции в середине столетия вопросам, связанным с внешней привлекательностью, стало уделяться меньше внимания. Мао Цзэдун, основоположник коммунистического и социалистического строя в Китае, унифицировал стандарты красоты как для женщин, так и для мужчин. Преимущественно носились униформы в зелёных, синих и серых тонах. Не допускалось использовать декоративную косметику, украшать одежду аксессуарами, носить вещи оригинального фасона. Преобладало убеждение, что внешний вид характеризует человека, поэтому, согласно государственной идеологии, он должен отражать простоту, скромность и преданность социалистическим идеалам и убеждениям [8].

Однако с приходом к власти Дэн Сяопина во второй половине XX в. проведённые им экономические реформы вновь позволили китаянкам получить доступ к зарубежным трендам в сфере красоты. Западные бренды проникали на китайский рынок, вернулась мода на индивидуальность образов, международные стандарты красоты определяли стройную фигуру у девушек, ухоженный внешний вид и модную одежду.

Таким образом, представления о моде и красоте в Китае хотя и претерпевали изменения, в целом сохраняли уникальный национальный характер. Переход от традиционных, строго регламентированных и иерархических стандартов к современным более либеральным взглядам на понимание стиля и внешней привлекательности в Китае непосредственно указывает на социальный, экономический и политический прогресс. Попытки западной цивилизации навязать свои стандарты красоты в процессе вестернизации китайского общества не увенчались успехом, и феномен «китайской красоты» продолжает оставаться уникальным, индивидуальным, со своей особой эстетикой [5].

В настоящее время при отсутствии строгого регулирования стандартов в китайской моде и внешнем образе прослеживается смешение традиционных и современных ценностей. Развитие косметического производства в Китае основано на потребности покупателей в разработке качественных уходовых средств, поддержании природной красоты, которой они обладают благодаря особенностям азиатской генетики.

Принятие «азиатской красоты» российской потребительской культурой. Несколько лет назад, когда азиатская косметика начала свой путь на российский рынок, отечественный потребитель относился к ней настороженно. Наряду с этим переориентация на азиатский рынок была сопряжена со многими рисками: логистическими, маркетинговыми, а также социокультурными, связанными с неготовностью потребителя принять азиатские товары. Ситуация осложнялась, впервых, распространением стереотипного представления о низком качестве китайских товаров, известного как «made in China», во-вторых, существенными различиями в российских и китайских традиционных представлениях об эталоне красоты.

Что касается проблемы восприятия качества китайских товаров, необходимо отметить, что в 90-х гг. XX в. в российском обществе действительно прочно укоренился миф о низком качестве производимой в Китае продукции из-за большого количества импортируемого дешёвого «ширпотреба». Однако исследования 2024 г. показывают, что Китай смог развеять миф о недоброкачественности товаров. Этому способствовали модернизация государственной системы стандартизации качества и сертификации, установление мирового лидерства по высокотехнологичному производству смартфонов, компьютерной техники, автомобилей и др. Так, в настоящее время около 70 % российских потребителей целенаправленно приобретают китайские изделия, отмечая соответствие их качества аналогичным европейским товарам [15].

Успех китайской косметической продукции на российском рынке обусловлен и появлением модного тренда на всё, что связано с китайской культурой. Проникновение китайских традиций в российскую культуру происходит на фоне укрепления российско-китайского многоаспектного со-

трудничества, усиления влияния Китая на мировой арене [3]. Следуя актуальным бьюти-тенденциям, китайский производитель «Catkin» («Каткин») использует элементы китайского традиционного искусства (шинуазри) в оформлении упаковки декоративной косметики. Футляры косметических средств расписаны стилизованными изображениями драконов, рыб, тигров, цветов (см. рис. 1). Компания «Perfect Diary» («Ваньмэй Жицзи») применяет в дизайне упаковки косметических средств изображения исчезающих видов животных, обитающих в Китае, и природных достопримечательностей своей страны (см. рис. 2) [24].

Генетические особенности внешности азиатской расы (густые шелковистые волосы, стройная фигура, упругая кожа, более медленное по сравнению с европейской расой внешнее старение) способствует популяризации азиатской косметики, поскольку российский потребитель ожидает аналогичного результата от её использования.

Рис. 1. Оформление упаковки средств декоративной косметики компании «Catkin» «Каткин»

Рис. 2. Оформление упаковки средств декоративной косметики компании «Perfect Diary» («Ваньмэй Жицзи»)

Заключение. В результате проведённого исследования влияния феномена «азиатской красоты» на развитие потребительской культуры России было установлено:

– феномен «азиатской красоты», который появился на российском рынке, представляет собой комплекс традиционных представлений о внешней привлекательности, характерных для азиатской культуры, и современных разработок ведущих азиатских производителей косметологии, направленных на эффективное поддержание красоты и визуальной коррекции внешности;

– появление феномена «азиатской красоты» в российской потребительской культуре вызвано глобальными изменениями в geopolитической и социально-культурной сферах и переориентацией российской внешнеэкономической деятельности в сторону Азии;

– повышение интереса российских потребителей к азиатским косметическим средствам обусловлено повышением информационной доступности о продукции (детализация информации на сайтах российских компаний, социальных сетях, плеймакетах);

– принятие «китайской красоты» в российской потребительской культуре стало возможным в результате нивелирования негативных стереотипных представлений о низком качестве китайских товаров, известных в русской культуре как «made in China»;

– укрепление позиций «азиатской красоты» связано с комплексом социально-культурных факторов: популяризацией китайской культуры в российском обществе, привлекательностью этногенетических особенностей внешности азиатской расы для российского потребителя, ориентацией потребителя на натурально-растительный состав косметических средств, что является фундаментальным принципом китайской традиционной медицины.

В работе преимущественно рассмотрен «китайский» аспект комплексного феномена «азиатской красоты», поэтому перспективой исследования представляется дальнейшее детальное изучение японской и корейской составляющих рассматриваемого культурного явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буня, А. Д. Изучение отношения российского потребителя к люксовой корейской косметике / А. Д. Буня, Е. Е. Орлова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: сборник трудов по материалам XVI Международного конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 20 мая 2024 г. – Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки», 2024. – С. 285-290.
2. Ван, С. Символика дракона в дизайне одежды и аксессуаров в контексте актуализации традиционного культурного наследия Китая / С. Ван, М. Чжан // Философия и культура. – 2024. – № 3. – С. 38-57.
3. Воркожокова, А. А. Причины увеличения популярности китайской культуры среди молодёжи / А. А. Воркожокова, Д. С. Маркидонова // Философия и наука в культурах Запада и Востока: сборник статей по материалам VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Томск, 12 апреля 2024 г. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024. – С. 39-42.
4. Гао, С. Анализ развития рынка косметики и средств личной гигиены в Китае / С. Гао // Горизонты экономики. – 2024. – № 1 (81). – С. 178-182.
5. Данченко, А. Г. Концепт «красота» в китайской, японской и французской культурах / А. Г. Данченко, К. П. Иванова // Антропоцентрические науки в образовании: вызовы, трансформации, ресурсы: сборник научных статей международного форума профессионального образования, Воронеж, 09-10 апреля 2024 г. – Воронеж: Научная книга, 2024. – С. 147-149.
6. Коваленко, С. А. Культура отмены как новый инструмент манипуляции / С. А. Коваленко, Г. А. Шушарина // Глобальные проблемы современности: поиски и пути решения: материалы общественного онлайн-обсуждения и круглого стола, Комсомольск-на-Амуре, 27 октября – 29 ноября 2022 г. / Редколлегия: Г. А. Шушарина (отв. ред.), О. И. Лопатина. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2022. – С. 191-193.
7. Лескова, И. В. Влияние современных стандартов красоты на сознание современного общества / И. В. Лескова, К. М. Гузе // Научный журнал «Костюмология». – 2016. – Т. 1. – № 4. – URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/03KL416.pdf> (дата обращения: 28.01.2025). – Текст: электронный.
8. Петрунина, Ж. В. Интеграция Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России в начале XXI века: два подхода к одному вопросу / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 73-76.
9. Погосян, К. Э. Культура как инструмент международного стратегического маркетинга на примере корейской косметики / К. Э. Погосян // Устойчивое развитие науки и образования. – 2020. – № 5 (44). – С. 89-94.
10. Рыбант, И. В. Актуальность женского образа в перспективе гендерных различий в истории европейского общества и культуры / И. В. Рыбант // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12. – № 1А. – С. 382-390.
11. Тангалычева, Р. К. Преодоление стереотипов восприятия и поведения в российско-корейской межкультурной коммуникации / Р. К. Тангалычева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022. – № 4. – С. 127-143.
12. Яшадов, М. Х. Соотношение понятий «потребительская культура» и «культура потребления» / М. Х. Яшадов, А. М. Альбукаев // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сборник статей Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 29 июня 2020 г. – Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2020. – С. 322-323.
13. Дни Азии в Санвэй // Санвэй в Санвэй чат. – URL: <https://t.me/sunwaychat/6020> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.
14. Исследование потребительского поведения россиян // Исследовательская компания «Insider». – URL: <https://www.thisisisinsider.com> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.
15. Исследование: россияне отказались от одного стереотипа о вещах из Китая // ПРАЙМ, 29.11.2024. – URL: <https://1prime.ru/20241129/stereotip-853186432.html> (дата обращения: 02.02.2025). – Текст: электронный.
16. Исследования косметического рынка России // Indiger. – URL: <https://indiger.ru/#researches> (дата обращения: 23.01.2025). – Текст: электронный.

17. Какие бренды косметики ушли из России // Т-Ж. – URL: <https://t-j.ru/cosmetics-future/> (дата обращения: 25.01.2025). – Текст: электронный.
18. Комплексы у женщин // AstroFactor. – URL: <https://astrofactor.ru/articles/psihologiya/zhenskie-kompleksy> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
19. Международный комитет по косметологии, сайт. – URL: <http://www.cidesco.ru/> (дата обращения: 21.01.2025). – Текст: электронный.
20. Прекрасное для мозга: почему красота неоднозначна с точки зрения науки // Хайтек. – URL: <https://hightech.fm/2021/03/30/beauty-brain-perception> (дата обращения: 03.02.2025). – Текст: электронный.
21. Каталог // Компания Санвэй, сайт. – URL: <https://sunwaydv.ru/catalog/ukhod-zdorove/ukhod-za-litsom/> (дата обращения: 21.01.2025). – Текст: электронный.
22. Эксперты оценили уход косметических компаний с российского рынка // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/08/cosm/> (дата обращения: 05.02.2025). – Текст: электронный.
23. Marketing Index. Предпочтения потребителей // Mediascope. – URL: <http://mediascope.net/services/media/preferences-of-russians/> (дата обращения: 04.02.2025). – Текст: электронный.
24. Шанхай: создаём комплексную программу защиты качества и безопасности косметики // Сеть «Здоровый Китай», сайт. – URL: <http://www.cnpharm.com/c/2025-01-16/1064986.shtml> (дата обращения: 29.01.2025). – Текст: электронный.

Ху Юэ
Hu Yue

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

ARTISTIC PHOTOGRAPHY IN THE CHINESE VISUAL ARTS SYSTEM

Ху Юэ – аспирант кафедры «Международные коммуникации, сервис и туризм» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск), преподаватель Шаньдунского профессионального института искусств и дизайна (Китай, Цзинань); тел. 1(866)016-92-93. E-mail: 18660169293@163.com.

Hu Yue – Postgraduate Student, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk), Teacher at Shandong Vocational College of Art & Design (China, Jinan); tel. 1(866)016-92-93. E-mail: 18660169293@163.com.

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию художественной фотографии в культуре Китая – от первых фотоателье до современного этапа динамичного развития техники и технологий. Рассмотрены главные вехи в истории развития художественной фотографии в Китае: пикториализм; фотография как важный инструмент коммуникации, агитации и пропаганды; фотоискусство соцреализма в борьбе за построение социализма с китайской спецификой; массовизация фотографии в эпоху цифровых технологий. Развитие цифровых технологий, электронных изданий, социальных сетей предопределило роль фотографии как ключевого инструмента обмена информацией, её мгновенного донесения до массового пользователя, обеспечило возможность каждому индивидууму не только потреблять информацию, но и самому выступать создателем контента в виде фотографий. Художественная фотография, являясь важным компонентом современного визуального искусства, выступает способом коммуникации с окружающим миром, самовыражения, эстетического воспитания и освоения мира.

Summary. The article is devoted to the formation and development of the artistic photography in the visual arts system of China: from the first photo studios to the modern stage of the dynamic development of techniques and technologies. The author considered the main milestones in the history of the development of artistic photography in China: pictorialism, photography as an important instrument of communication, agitation and propaganda; socialist realism photo art in the struggle to build socialism with Chinese characteristics, photography's mass consumption in the digital era. The development of digital technologies, electronic publications and social networks have predetermined the role of photography as a key instrument for exchanging information, instantly delivering it to mass user, have provided the opportunity for each individual not only to consume information, but also to act as a creator of content in the form of photographs. Art photography, being an important component of contemporary visual art, is a way of communication with the surrounding world, a way of self-expression, a way of aesthetic education and exploration of the world.

Ключевые слова: история фотографии, художественная фотография, феномен фотографии, визуальное искусство, цифровая фотография, пикториализм, соцреализм, цифровая среда.

Key words: history of photography, art photography, phenomenon of photography, visual art, digital photography, pictorialism, socialist realism, digital environment.

УДК 304.2

Фотоизображение, созданное Жозефом Нисефором Ньепсом методом гелиографии (см. прим. 1) в 1826-1827 гг., уникальный феномен, о котором в течение многих десятилетий спорили художники, искусствоведы и исследователи различных отраслей науки и искусства. Что есть фотоснимок: только ли технологический процесс фиксации изображения, механически документирующий реальность, или новый вид искусства? Суть этих споров можно представить в форме нескольких развернутых вопросов, которые сформулировал В. И. Жуковский в работе «Художественный образ и образовательное пространство» [4, 8]:

- Можно ли назвать человека по ту сторону объектива художником, если фотоаппарат изначально выступает как техническое средство фиксации изображения?
- Корректно ли документальную точность копирования объекта как достижения науки и техники относить к достижениям искусства?
- Корректно ли сравнивать фотографа, получившего заказ с заранее оговорёнными параметрами и критериями, с художником?
- И наконец, может ли массово тиражируемый фотоснимок быть сопоставим с уникальным произведением искусства?

Если проследить основные этапы становления и развития фотографии в многообразии жанров и направлений, а также использование фото в работах тех или иных живописцев, то ответ о принадлежности фотографии к системе визуальных искусств очевиден. И в большей степени именно художественная фотография тому доказательство. Фиксация изображений и возможности использования оптических эффектов с древности волновали умы многих учёных Китая. Известный мудрец, философ Мо Цзы (470-391 гг. до н. э.) в философском трактате, названном позже его именем, в части «Канон» («Цзин шан») описал эффект возникновения изображения на стене тёмной комнаты, ставший много позже основой камеры-обскуры (см. прим. 2) – понятия, впервые введённого в 1604 г. астрономом Иоганном Кеплером (1571–1630). Изучая трактат Мо Цзы, учёные в Древнем Китае проводили свои исследования оптического феномена. Тем не менее официальная история фотографии в Китае ведётся с момента прибытия в Китай первых европейских фотографов [15]. Поражение Китая в Опиумных войнах и, как следствие, «уступка» крупнейших портовых городов привели к массовой европейской экспансии, сопровождающейся появлением на китайском рынке новых технических устройств и изобретений, в том числе фотоаппаратуры. Первые фотографии-дагеротипы, сделанные в Китае и сохранившиеся до нашего времени, были созданы французским таможенным инспектором и фотографом любителем Жюлем Итье в Макао в 1844 г. [7]. Фотографическое искусство в то время получило широкое распространение среди иностранцев и зажиточных китайских граждан, особенно в открытых портовых городах. Уже в 1850-е гг. в ряде китайских городов открываются организованные европейцами многочисленные фотостудии, а в скором времени появляется продукция и китайских фотографов-профессионалов. Так, фотографом Тун Сином в «Альбоме чайных пейзажей» представлена серия видов городского округа Фучжоу 1860-1870-х гг. (см. рис. 1). На снимках отчётливо прослеживается влияние традиционной монохромной живописи – выстраивание кадра, света и тени по аналогии со знаменитыми китайскими пейзажами, выполненнымными тушью [5].

Рис. 1. «Чайное поле и храм», Тун Син, (примерно 1869 г.)

С 1906 г. фотография проникает в периодические издания Китая, в том числе «Пекинскую речь», «Свет», «Чжен», что послужило стимулом к развитию жанра фоторепортажа. В дальнейшем к газетам, первой из которых выступит «Таймс», появятся приложения – «Иллюстрированные еженедельники», – в которых будут представлены фотографии различных жанров: пейзаж, художественная фотография, портреты и репортажная съёмка. Среди сотрудников таких приложений – много фотографов-китайцев. Один из самых известных – Лай Фонг, мастер портретной, пейзажной и уличной фотографии. Его снимок «Гуанчжоу» (примерно 1880 г.) и по сей день является образцом жанра (см. рис. 2). В нём точно передана динамика города и сам дух того времени. Эта и другие фотографии мастера являются объектом изучения как для современных фотографов, так и для историков, социологов, желающих прикоснуться к истории своей страны.

Рис. 2. «Гуанчжоу», Лай Фонг (примерно 1880 г.)

С 1911 г. получают широкую известность работы художника и фотографа Лун Гао, открывшего в период Синьхайской революции 1911-1912 гг. фотоателье под названием «Фотографии Китая». Его работы, посвящённые революционной и военной тематике, были широко востребованы и публиковались в китайской газете «Подлинная картина» (см. рис. 3).

По объективным причинам пикториализм как исторически первое направление фотографического искусства, предполагающее создание фотографических изображений, приближённых к живописи, в Китае сформировался позже, чем в странах Европы – в 1920-е гг. По мнению таких китайских культурологов и искусствоведов, как Доу Юйле [3] и Чжан Цицюнь [13], популярность пикториализма в Китае объясняется тем, что цель своего творчества его последователи видели в создании фотографий в качестве произведений искусства. Обращаясь к событиям истории и сюжетам мифологии, они, «преодолевая» присущую фотографии первоначальную чёткость и достоверность изображения за счёт применения светофильтров, мягко-фокусных объективов, различных «хитростей» техники обработки негативов и печати, придавали своим работам зрительную импрессионистичность и символизм. Яркими представителями китайского пикториализма являются фотографы Лонг Чинсан, Лю Баньнун, позже Дон Хонг-Оай, Ван Вушенг. Их работы напоминают картины старых мастеров. Например, для работ основоположника школы китайского пик-

ториализма Лонга Чинсана характерен синтез живописи и фотоизображения. Живопись в данном случае представляет собой традиционные для китайских акварелей мотивы: пейзажи, птицы, очертания горных хребтов, лодки на воде. В этом смысле чрезвычайно выразительно название фотосерии Лонга «Снимок в живописи, живопись в снимке». Лонг Чинсан комбинировал изображения разных негативов в одном снимке, применял композитную печать, добавлял каллиграфические надписи (см. рис. 4).

Рис. 3. «Хроники Синьхайской революции», Гао Лун (1911 г.)

История фотографии в Китае наряду с местными фотографами и выходцами из Великобритании, Франции, США писалась и эмигрантами из России, обосновавшимися в основном в Харбине. В справочнике «Весь Харбин» за 1923 г. указано 245 названий фотомастерских и магазинов, большинство которых принадлежало выходцам из России: Б. М. Подольскому, С. Гейлеру, Я. М. Лившицу, Н. Д. Логинову, З. И. Жданову. Они не только открывали фотомастерские и фотоателье, но и организовывали выставки и курсы фотографического искусства. Так, русским мастером фотографии Петром Ефимовичем Афанасьевым, проживавшим в Харбине в период с 1920 по 1925 гг., были организованы выставки «Фотографии из китайской жизни» [14]. Помимо Петра Афанасьева, в Харбине 1920-х гг. работали такие мастера, как И. К. Кузин, П. Н. Абламский, Я. М. Лившиц и др. (см. рис. 5). Работы русских эмигрантов, сделанные в Харбине, Тяньцзине, Пекине и его окрестностях, в других городах, активно публиковались в европейских, в первую очередь французских, журналах [10].

Важным этапом в развитии фотографии в Китае является введение в 1923 г. в учебные программы факультетов журналистики Пекинского университета и Пекинского народного университета учебных дисциплин, связанных с фотографическим искусством [6]. Для желающих освоить фотографическое искусство вне стен университетов организовывались курсы фотографического мастерства. Расцвет фотожурналистики в Китае, как бы странным это ни показалось на первый взгляд, приходится на период японской оккупации 1931-1932 гг. и 1937-1945 гг. В ситуации военного времени фотография становится важнейшим инструментом пропаганды, который активно использовали временные союзники (в дальнейшем – враги) в войне с японскими оккупантами: коммунисты и Гоминьдан. Оперативная информация, иллюстрировавшая события с фронта, была широко востребована как внутри Китая, так и за его пределами, что послужило открытию рекордного количества фотоагентств. Крупнейшие среди них были: «Столица», «Цзи Нан», «Северо-Восток», «Международное фотоагентство», «Вань Го» [9; 11; 12]. Наглядные свидетельства всех ужасов и бесчинств оккупантов оказывали мощное визуальное воздействие на население Китая, определяли политические взгляды и мировоззрение населения (см. рис. 6).

Рис. 4. «Плавание среди туманных волн». Лонг Чинсан (1951 г.)

Рис. 5. «Женский портрет». П. Н. Абламский (примерно 1930 г.)

Рис. 6. Ван Сяотин «Ребёнок Китая», 1937 г.
(Южный вокзал Шанхая, разбомбленный японцами)

Однако фотография осуществляла не только пропагандистскую функцию, зачастую она учила граждан Китая выживать в это сложное для страны время. Во многих городах Китая, в которых не выпускались иллюстрированные газеты и журналы, для населения организовывались фотовыставки на тему китайского сопротивления захватчику. Кроме того, по решению КПК для населения устраивались фотовыставки, посвящённые СССР. Так, в Чунцине в 1938 г. была организована фотовыставка, приуроченная к двадцать первой годовщине Октябрьской революции под названием «Жизнь СССР». Тематика представленных фотографий была обширна: промышленность и сельское хозяйство, спорт, женские и детские лица СССР и др. (см. рис. 7).

Рис. 7. Парад физкультурников на Красной площади. Москва (1936 г.)

Особые выставки посвящались Красной армии Советского Союза и Красной армии Китая [11]. В 1941 г. под редакцией члена КПК фотографа Ша Фея начинает выходить иллюстрированный журнал «Цзин Ча Цзи», содержащий оперативную информация с фронта, а также фотоиллюстрации по тематике самообороны, военной подготовки, обустройства быта в военное время. Представители партии Гоминьдан, поддерживаемые в те годы и СССР, и США, размещали перепечатываемые фотографии Ша Фея в подконтрольных им изданиях, пересыпали их в СССР, США, Вьетнам, Сингапур, Таиланд, Филиппины, способствуя тем самым информированности мировой общественности о происходящих событиях. Осознавая всю важность своей работы для населения и страны в целом, её независимости и процветания, Ша Фей и редакция журнала «Цзин Ча Цзи» организовывают курсы фотографии, составляют учебное пособие по фотожурналистике, помогают представителям редакций других военных округов Китая. Результатом такой помощи в освоении профессии становится открытие ряда иллюстрированных журналов, в частности, «Народ», «Северо-Восток», «Шаньдун», «Тянь Цзинь» и др. [2].

В годы войны главным духовным символом для китайского народа и фактической линией обороны становится Великая Китайская стена. Весной 1938 г. Ша Фей публикует серию фотографий «Сражение на древней Великой стене», вызвавшую острые патриотические чувства китайского народа, усиление сопротивления захватчикам.

Рис. 8. «Великая стена, Лайюань, Хэбэй». Ша Фей (1938 г.)

После капитуляции Японии в 1945 г. наступает новый этап развития фотографии в Китае: открываются фотостудии и фотоателье, проводятся выставки художественной и документальной фотографии, открываются фотоагентства, в свет выходят новые иллюстрированные газеты и журналы. С учреждением в 1949 г. Китайской Народной Республики окончательно утверждается социалистический реализм как главенствующее направление в искусстве и, конечно, в фотографии. В 1950 г. в Китае создаётся управление фотожурналистики, а с 1952 г. начинает действовать отдел фотожурналистики информационного агентства «Синьхуа», активно поставляющий фотографии для периодических изданий в Китае и за рубежом. Китайские фотографы становятся узнаваемы в других странах, завоёвывают медали на международных выставках и конкурсах фотографии. Например, серия работ знаменитого фотографа Фан Хо «Портрет Гонконга» (Portrait of Hon Kong) – своеобразная фотографическая летопись жизни мегаполиса в лицах в период 1950-х – 1960-х гг. (см. рис. 9).

Рис. 9. «Дневник улицы Уитти», Фан Хо (1955 г.)

В 1950-е гг. по инициативе ряда издательств была развёрнута дискуссия: что такое фотография, каковы принципы её создания? Ряд фотографов, фотожурналистов, руководителей журналов и газет высказались за реализм, правдивость подачи материала и достоверность фоторепортажей. Такая позиция противоречила политической конъюнктуре того времени и идеологическим установкам на «позитив» [1]. Спор в период Культурной революции (1966-1976 гг.) разрешился, увы, не в пользу прогрессивно мыслящих журналистов: фотография периода Культурной революции должна была представлять и укреплять интересы руководства страны и формировать положительный образ Героя. Для получения идеологически выдержаных фоторепортажей обычным явлением становились постановочные кадры и фотомонтаж. Фотоизображения того периода подвергались жёсткой цензуре, а сами фотомастера, объективно фиксирующие происходившие события, всевозможным гонениям, включая изъятие негативов и фотоаппаратуры, побои, аресты, высылки на перевоспитание в отдалённые провинции, уголовные наказания. Владельцев же фотостудий и фотоателье нередко ложно обвиняли в шпионаже и коллаборационизме. Их студии подвергались разгромам, а негативы и техника уничтожались.

Вместе с тем среди фотографов были и те, которые, соглашаясь передавать счастливую жизнь китайского народа, сохраняли негативы о реальных событиях. Например, немногими чудом сохранившимися работами, объективно рассказывающими о событиях Культурной революции, стали фотографии Ли Чжэньшэня. С одной стороны, снимки входящего в группу ярких представителей «революционных журналистов» Ли Чжэньшэна демонстрировали успехи Культурной революции (см. рис. 10). С другой стороны, он собирал секретный архив – фотографии, свидетельствовавшие о масштабах происходивших бесчинств и трагедий (см. рис. 11).

Рис. 10. Хроники Культурной революции. Ли Чжэньшэн (1967 г.)

Рис. 11. Студенты «разоблачают» преподавателя. Ли Чжэньшэн (1967 г.)

В результате доноса в 1969 г. Ли Чжэньшэн с семьей был отправлен в лагерь для врагов народа. В 1971 г. фотограф был реабилитирован. Секретный архив фотографий реальных событий Культурной революции был обнародован лишь в конце 1980-х гг. Таким образом, десятилетие Культурной революции затормозило развитие фотографии в Китае. Более пятнадцати лет понадобилось китайским фотографам, чтобы наверстать упущенное в освоении новой техники и технологий. Только к концу 1990-х гг. китайским фотографам удалось выйти на один технический уровень с европейскими. Работы современных китайских фотомастеров нередко можно встретить и в зарубежных изданиях, и на престижных международныхотовыставках и конкурсах. Так, в 1993 г. пекинский фотограф Юань Донпин получил почётный приз одного из самых престижных международных конкурсов фотографии *Picture of the Year* (США), а в 1996 г. фотограф из китайской провинции Шаньдун Ли Нань завоевал первое место в фотоконкурсе *World Photo Press* (Нидерланды) в номинации «Искусство» (см. рис. 12).

Рис. 12. «Одиночные игры». Ли Нань (1996 г.)

В эти же годы сотрудники агентства «Синьхуа» Хуань Вен и Ли Сяогуо завоёвывают призы международного конкурса *Festival International du Scoop et du Journalisme Angers* (Франция). Китайской аудитории сегодня доступны фотографии всех жанров – от репортажно-документальных до изыскано-художественных, публикуемых и в периодике, и в модных глянцевых журналах. В Китае 2000-х гг. наряду с традиционным пикториализмом получили развитие все направления художественной фотографии: авангард, абстракционизм, концептуализм, перформанс и поп-арт. Например, высоко оцениваются специалистами фотографии авангардиста Чанг ЧАО Танга, а работы основоположника китайского перформанса Чжан Хуаня и мастера концептуальных фотографий Чэнь Цзягана (см. рис. 13) известны далеко за пределами Китая.

И наконец, Квэнтин Ши – признанный мастер художественной фотографии, сотрудничающий с крупнейшими глянцевыми изданиями и крупнейшими компаниями по всему миру. Его модные рекламные фото нередко признаются образцовыми для изучающих фотоискусство (см. рис. 14).

Рис. 13. «Пруд». Чэнь Цзяган (2008 г.)

Ускоренное развитие цифровых технологий обеспечивает ключевую роль визуального контента в повседневной жизни человека. Фотоизображение как культурный феномен – самый доступный и постоянно развивающийся визуальный продукт, наиболее востребованный и широкими массами, и рядом отраслей науки источник информации.

Рис. 14. «Незнакомка в стеклянном ящике». Квэнтин Ши (2008 г.)

Художественная же фотография как важный компонент современного искусства есть своего рода универсальный образный язык. Сохраняя неповторимую уникальность китайской культуры, он одновременно является одним из самых эффективных и доступных средств межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллаберт, А. В. Культурные коды китайского социализма / А. В. Аллаберт. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2021. – 283 с.
2. Ван Вэнли. Сила мгновенного образа / Ван Вэнли, Чжо Пи // Китайский журналист. – 2005. – № 9. – С. 77 (на кит. яз.).

3. Доу Юйле. Духовные основы китайской культуры / Доу Юйле; пер. с кит. Д. С. Топоровой, К. С. Титова, Н. Н. Рыбалко; науч. ред. д-р филос. наук, проф. А. И. Кобзев. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2022. – 301 с.
4. Жуковский, В. И. Художественный образ и образовательное пространство / В. И. Жуковский // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 5-1. – С. 105-106. – URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=7505> (дата обращения: 10.05.2023). – Текст: электронный.
5. Лю Шичжун. История китайской живописи / Лю Шичжун; пер. с кит. В. А. Ефанова. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2018. – 223 с.
6. История китайской фотографии 1840 – 1937 гг. / Ма Юньцзэн, Чэн Шэнь, Ху Чжичуань, Цянь Чжанбяо, Пэн Юнсян. – Пекин: Изд-во Китайской фотографии, 1987. – 185 с. (на кит. яз.).
7. Смит, Й. Х. Главное в истории фотографии. Жанры, произведения, темы, техники / Й. Х. Смит; пер. с англ. А. Агаповой. – 4-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 224 с.
8. Сонтаг, С. О фотографии / С. Сонтаг; пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс: Музей Современного искусства «Гараж», 2022. – 272 с.
9. Фан Ханьци. Общая история журналистики Китая / Фан Ханьци. – Пекин: Изд-во «Китайский народный университет», 2006. – 420 с.
10. Хисамутдинов, А. А. Фотоискусство в Китае / А. А. Хисамутдинов // Russian Photography in China: моногр. / А. А. Хисамутдинов. – Электрон. дан. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2015. – URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/> (дата обращения: 10.05.2023). – Текст: электронный.
11. Цзян Цишэн. История китайской фотографии 1937 – 1949 гг. / Цзян Цишэн, Шу Цзунцяо, Гу Ди. – Пекин: Изд-во Китайской фотографии, 1998. – С. 103-126 (на кит. яз.).
12. Чжан Сянъвэнь. Война Сопротивления китайского народа японским захватчикам. 1931–1945. В 4 т. Т. 1. Вторжение Японии в Китай и локальные войны сопротивления (сентябрь 1931 – июнь 1937) / Чжан Сянъвэнь, Пан Шаотан; пер. с кит. Р. В. Замиловой. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2023. – 160 с.
13. Чжан Цицюнь. Китайская эстетика XX века / Чжан Цицюнь; пер. с кит. В. Р. Жилкобаевой. – М.: Международная издательская компания «Шанс», 2016. – 300 с.
14. Чжао Юнхуаю. Русская пресса в Китае (1898 – 1956) / Чжао Юнхуаю; пер. с кит. А. А. Зеленовой. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2017. – 399 с.
15. Шэнь Чжэнъхуэй. Очерки китайской культуры / Шэнь Чжэнъхуэй; пер. с кит. О. Л. Фитуни. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 319 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для создания снимка использовалась специальная пластинка – сплав олова (от 85 до 99 %) с медью, сурьмой, висмутом или свинцом, покрытый тонким слоем сирийского асфальта, добываемого из природных источников. При контакте со светом покрытие затвердевало и обрабатывалось лавандовым маслом, которое растворяло всё, кроме полимеризованных участков.
2. Камера-обскура основана на оптическом феномене, позволяющем получить перевёрнутое изображение наружного объекта на внутренней стенке устройства благодаря лучам света, проходящим сквозь небольшое отверстие. В XVII веке появились первые портативные версии камеры-обскуры, имевшие сходство с фотографическими камерами, которые появятся лишь в XIX веке.

Чжан Ифэн

ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНЫХ ОСНОВ
КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

Чжан Ифэн

Zhang Yifeng

ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНЫХ ОСНОВ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

THE ART OF CALLIGRAPHY AS A WAY OF PRESERVING THE SPIRITUAL FOUNDATIONS OF CHINESE CULTURE: RESEARCH, METHODOLOGY, TERMINOLOGICAL APPARATUS

Чжан Ифэн – аспирант кафедры «Международные коммуникации, сервис и туризм» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск), преподаватель Хубэйского института изящных искусств (Китай, Хубэй); тел. 1(516)560-88-01. E-mail: 1124967165@qq.com.

Zhang Yifeng – Postgraduate Student, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk), Teacher at Hubei Institute of Fine Arts (China, Hubei); tel. 1(516)560-88-01. E-mail: 1124967165@qq.com.

Аннотация. Каллиграфическое искусство, история которого насчитывает тысячи лет, является отражением самобытной культуры Китая, феноменом китайской и мировой культуры, объектом всестороннего изучения китайских и зарубежных учёных. С одной стороны, уникальность искусства каллиграфии состоит в его устойчивости – тысячелетние каллиграфические традиции передаются из поколения в поколение, преемственность знаний обеспечивает сохранение культурного наследия Китая, с другой стороны, при накопленных на протяжении тысячелетий теоретических и практических знаниях, многообразии методов исследования в западной науке феномен каллиграфии по-прежнему до конца не изучен. Феномен каллиграфии рассматривается в статье как искусство, культурный код и культурологический феномен. В статье представлена методология китайского иероглифического письма, рассмотрено влияние китайской иероглифической письменности и каллиграфических традиций на систему письменности и искусство каллиграфии Японии, Кореи и Вьетнама, представлен анализ китайской иероглифики в европейской и российской синологии.

Summary. Calligraphic art, whose history goes back thousands of years, is a reflection of the original culture of China, a phenomenon of Chinese and world culture, an object of comprehensive study by Chinese and foreign scientists. The uniqueness of the art of calligraphy lies, on the one hand, in its sustainability - thousand-year-old calligraphic traditions are passed on from generation to generation, the continuity of knowledge ensures the preservation of the cultural heritage of China, on the other hand, with theoretical and practical knowledge accumulated over thousands of years, and the variety of research methods in Western science, the phenomenon of calligraphy is still not fully understood. The phenomenon of calligraphy is considered in the article as an art, a cultural code and a cultural-logical phenomenon. The article presents the methodology of Chinese hieroglyphic writing, considered the influence of Chinese hieroglyphic writing and calligraphic traditions on the writing system and the art of calligraphy in Japan, Korea and Vietnam; presented an analysis of Chinese hieroglyphics in European and Russian Synology.

Ключевые слова: каллиграфия, каллиграфическое искусство, традиционная китайская культура, иероглифы, иероглифическая письменность, национальная идентичность, художественно-эстетическое воспитание.

Key words: calligraphy, art of calligraphy, traditional Chinese culture, hieroglyphs, hieroglyphic writing, national identity, artistic and aesthetic education.

УДК 74

Каллиграфическая пластика – воплощение совершенного движения энергии ци. В соответствии с закономерностями её движения и создавались китайские иероглифы, которых сегодня насчитывается десятки тысяч. Искусство китайской каллиграфии заключается не только в краси-

вом написании иероглифических знаков по установленным правилам, каллиграфия – это квинтэссенция уровня мастерства, философских познаний, духовно-нравственных качеств мастера.

Каллиграфия как искусство и культурный код. На протяжении тысячелетий искусство каллиграфии выступает объектом всестороннего исследования китайских учёных [21]. Исследования искусства каллиграфии в традиционном ключе строятся на цитировании древних канонов, отсылках к древним классическим текстам, анализе исследований учёных и мастеров, ранее рассматривавших ту или иную проблему.

Количество трудов, трактатов, сочинений, посвящённых проблематике феномена каллиграфии, другой литературы различных жанров не поддаётся исчислению. Укрупнённо можно выделить следующие два типа трудов и изысканий о каллиграфии:

1. Памятники традиционной китайской культуры, сохранившиеся и дошедшие до наших дней сквозь века и тысячелетия: древние каноны, трактаты, сочинения, антологии, наставления и руководства, освещдающие таинство иероглифического письма, свитки с поэмами, памятники литературы, частная переписка чиновников императорского двора и аристократии.

2. Обзорные труды, посвящённые искусству каллиграфии: сборники, энциклопедии, монографии о каллиграфии и китайском традиционном искусстве для китайских и зарубежных читателей. В связи с открытием Китая для западного мира они появились гораздо позже традиционной литературы.

Виртуозное владение искусством каллиграфии являлось обязательным для каждого благородного, просвещённого подданного Поднебесной: представителей аристократии и чиновников – поскольку получение образования являлось исключительно их прерогативой. Поэтому выдающиеся мастераами каллиграфии Китая были, как правило, просвещённые представители власти и аристократии, блестяще владевшие кистью и словом. Именно их авторству принадлежат многочисленные древние труды о каллиграфии – неисчерпаемый источник ценных сведений для учёных и исследователей, мастеров каллиграфии и любителей – всех, кто стремится постигнуть феномен традиционной китайской культуры (например, Цай Юн «Рассуждение о кисти», около II в.; Су Цзин «Обличье скорописи», около III в.; Ван Сэнцюань «Ода о каллиграфии», около V в.; Ван Инь «Воля к постижению сути иероглифики», около V в.; Юнь Юаньвэй «Беседы о каллиграфии», около V в.; Янь Чжэнъцин «Тайны восьми методов», около VIII в.; Су Ши «Рассуждения о каллиграфии», около XI в.; Ми Фу «История каллиграфии», около XI в., и др.). Так, Цай Юн в своём произведении сравнивал искусство каллиграфии с «саморасточением», отмечал состояние духовного покоя и расслабления как необходимое условие внутренней концентрации для занятия каллиграфией: *«Тот, кто желает писать, должен освободить сердце от забот, раскрыть то, что на душе, в письменных знаках выразить всё сущее»* [18]. А мастер каллиграфии Су Ши, известный также как Су Дунпо, в «Рассуждениях о каллиграфии» рассматривает проблему вдохновения и свободы творчества. Согласно его рассуждениям, произведения мастера должны отражать спонтанно-интуитивное постижение окружающего мира художником, которому соответствует спонтанность творческого процесса. *«Профессиональные навыки, – отмечает Су Ши, – удел ремесленников, они лишь препятствуют свободе творчества настоящего мастера»*. Сама же свобода творчества *«уподобляется стремительности бега зайца, спасающегося от налетевшего на него сокола: если заяц промедлит, для него будет всё потеряно»* [23]. Уважение и почитание традиций является первоочередным принципом традиционной китайской культуры. При этом современность не противопоставляется традиции, но по-своему её продолжает, поскольку постоянная передача знания – одна из таких традиций. Стили каллиграфии, которыми написаны древние труды и памятники, актуальны и сегодня.

Китайская наука и культура основаны на учении Конфуция. Конфуцианство на протяжении тысячелетий выступало ключевой идеологией, основой нравственного и этического воспитания. Традиционное обучение китайской знати в образовательных учреждениях, в частности в Государственном училище Гоцзысюэ – главном учреждении подготовки высших чиновников на протяжении двух тысячелетий, осуществлялось на основе изучения конфуцианских канонов. По окончании обучения, включавшего и искусство каллиграфии, обучающийся сдавал государственный эк-

замен кэцзюй на знание канонических текстов, успешная сдача которого гарантировала получение должности чиновника. Так, в книге «Лунь юй» («Беседы и суждения»), входящей в «Сы-шу» («Четверокнижие») как канон конфуцианства, записанный учениками по изречениям и афоризмам Конфуция, сказано: «Учитель сказал: “Направь свою волю на достижение правильного пути, придерживайся морали, поступай в соответствии с человеколюбием, упражняйся в искусствах”» (см. рис. 1) [9].

子曰、志於道、據於德、依於仁、游於藝。

Рис. 1. Изречение Конфуция 6, глава VII «Шу Эр» («Я передаю»), «Лунь юй»
(«Беседы и суждения»)

Под искусствами в данном случае подразумеваются шесть искусств, почитавшихся Конфуцием, его учениками и последователями главными умениями благородного мужа: ритуал, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия и математика. В «Лунь юй» также неоднократно подчёркивается уважительное отношение Конфуция к древним знаниям. В качестве примера приводится высказывание Учителя: «Я не родился со знаниями. Я получил их благодаря любви к древности и настойчивости в учёбе» (см. рис. 2) [9].

子曰、我非生而知之者、好古敏以求之者也。

Рис. 2. Изречение Конфуция 19, глава VII «Шу Эр» («Я передаю»), «Лунь юй»
(«Беседы и суждения»)

Древние знания передавались путём переписывания древних текстов и канонов, что также способствовало развитию каллиграфии. В целом, традиционные каноны и тексты – первоисточники каллиграфических традиций – передавались из поколения в поколение, способствуя не только сохранению, но и приумножению памятников каллиграфического искусства.

Каллиграфия как культурологический феномен. В контексте сказанного историческая периодизация исследований об искусстве каллиграфии может быть представлена следующим образом:

- *От периода Древних царств до конца XIX в.* – традиционное изложение знаний, наблюдений, наставлений в контексте древних канонов или с прямыми цитатами, с отсылками к каллиграфическому искусству, памятникам той или иной правящей династии; рассмотрение каллиграфического искусства с точки зрения философии, т. е. изложение материала учёными, мастерами каллиграфии, носителями традиционной китайской науки и культуры.

Из наиболее известных – трактаты: Цай Юн «Девять энергопотоков» (около II в.); Вэй Хэн «Об энергопотоках четырёх каллиграфических почерков» (около III в.); Оуян Сюнь «Тридцать шесть норм» (около VII в.); Доу Цюань «Хрестоматия од о каллиграфии» (769 г.); Хуан Тинцзянь «Собрание эпиграмм даоса Горного ущелья» (около XI в.); Дун Цичан «Рассуждения о законах каллиграфии и живописи» (1592 г.); Шэн Цзунцзянь «Собрание наставлений в живописи господина Цзе Чжоу» (1781 г.); «Юй Фаньти «Зерцало старого сборника» (около XVIII в.) и др. Список традиционных трактатов об искусстве каллиграфии превышает тысячу наименований. Так, Оуян Сюнь в своём произведении делится убеждением о том, что основой каллиграфического произведения «является постижение дао, слияние с абсолютом и то самое, стоящее за пределами слов наитие. Именно это – основа произведения, но не причудливая форма, заслоняющая содержание» [10]. А Дун Цичан в «Рассуждениях о законах каллиграфии и живописи» ратует за изучение мастерства каллиграфического письма корифеев прошлого и продолжение каллиграфических традиций: «Подражая творчеству ма-

стеров прошлого, постигать их гениальность, достигнув с ними “духовного единения” или “совмещения в облике”». Тем не менее Дун Цичан выступал противником прямого копирования шедевров старых мастеров, он настаивал на постижении и передаче «древнего смысла» произведений на основе индивидуальности мастера [23].

- Конец XIX в. – 1911 г. – зарождение обзорной литературы, посвящённой каллиграфическому искусству. После поражения Китая в Опиумных войнах происходит экспансия западной культуры, правительство ликвидирует систему государственных экзаменов кэцзюй, открываются образовательные учреждения западного типа, где происходит подготовка по востребованным в экономике, промышленности, военном деле специальностям. Появляется литература ознакомительного характера для всех слоёв населения Китая, которые ранее не имели доступа к образованию, и западных читателей, обосновавшихся в Китае, например, «“Пара вёсел лады искусств” от Гуана» (1889 г.) выдающегося учёного, каллиграфа и общественного деятеля Кан Ювэя. Произведение построено на рассуждениях автора об этапах развития иероглифического письма, их характеристике и оценке. Так, согласно Кан Ювэю, «эпоха правления Шести династий (229 – 589 гг.) выступает временем ярчайшего расцвета эпиграфики и каллиграфии. Последующие эпохи – время регресса» [6].

- 1911 – 1949 гг. – возврат к традиционным трактатам и трудам, посвящённым искусству каллиграфии. Тысячелетия китайские традиционные наука и культура обеспечивали не только знание канонов и искусное владение кистью, но осуществляли нравственное воспитание человека, укрепляли его дух, в том числе путём самосовершенствования и дисциплины при постоянных тренировках в искусстве каллиграфии. Прагматичные западные науки не обеспечивали гражданам Китая необходимого нравственного фундамента, поэтому возврат к традиционным китайским науке и культуре, посвящённой воспитанию лучших качеств человека, послужил опорой и ориентиром для граждан, способом сохранения национальной идентичности в сложные для Китая времена. В этот период переиздаются труды великих мастеров древности, в числе прочих «Всё самое цветущее из каллиграфического заповедника» Чэнь Сы (1919 г.); «Пара вёсел лады искусства: литература и каллиграфия» (1935 г.) и «Беседы о каллиграфии» в (1936 г.) Бао Шичэня, «Записки из кабинета живописи и медитации» Дун Цичана (1936 г.) «Словарь четырёх каллиграфических почерков» Шэн Ягуна (1940 г.); «Изучение каллиграфии» Чжу Цзя (1948 г.) Мастер каллиграфии Чэнь Сы в произведении «Всё самое цветущее из каллиграфического заповедника», увидевшем свет в XII в. и переизданном в 1919 г., отмечал: «Приступая к письму, первым делом следует отпустить мысли о том, что на душе... Если гложут сложные обстоятельства, даже с лучшей кистью с кроличьим ворсом из Чжуншани знаки не станут прекрасными» [23]. Дун Цичан в качестве истинной цели художника-каллиграфа отмечал «проникновение в “творческую силу”, духовность мироздания – таков единственный путь достижения “жизненности” произведения» [23]. Событием в истории развития каллиграфии этого периода стало опубликование исследовательских трудов Чжу Цзяньсиана, посвящённых трактату Сунь Готина – выдающегося мастера эпохи династии Тан.

- 1949 – 1978 гг. (образование КНР). Идеологические установки марксизма, противопоставленные традиционной китайской науке и культуре, могли означать крах каллиграфической традиции Китая. Однако этого не произошло, искусство каллиграфии – характерная особенность многотысячелетней китайской цивилизации – выжило, несмотря на объявление традиционной китайской культуры «пережитком прошлого» и гонения на её представителей. Для граждан новой социалистической державы – широких народных масс – начали издавать труды, популяризирующие искусство каллиграфии. В частности, трактаты «Каллиграфические анналы» с комментариями Сунь Готина (1963 г.), называющего первоочередным условием написания талантливого каллиграфического письма «радость души, что служит досугу, тишине и покою» [14]; «Этимология трёх тысяч китайских иероглифов» Чжан Сюаня (1968 г.), где представлены подробные описания письменных знаков и их эволюция от пиктограмм до современных иероглифов [10]; «Собрание заметок о произведениях китайской каллиграфии и живописи» Ли Юйфэн (1971 г.).

- 1978 – 1990 гг. – либерализация содержания научных трудов и исследований, посвящённых каллиграфии. Это было связано с объявлением эпохи открытости Китая для многостороннего со-

трудничества со странами Запада. Искусство каллиграфии начинает рассматриваться в числе прочего как некий инструмент «мягкой силы» в экспансии Китая на Запад: увеличение доли общей познавательной литературы о каллиграфии, ориентация на западные стандарты публикации научных трудов, упрощение содержания и изложение ключевых сведений об искусстве каллиграфии. Наибольшей популярностью в этот период пользуются «Иероглифический словарь каллиграфии» Ван Гана (1982 г.), «Краткая история китайской каллиграфии» Бао Бэя (1983 г.), «Искусство каллиграфии» Ван Дунлина (1986 г.).

- *С 1990 г. по настоящее время – новый этап развития традиционного каллиграфического искусства, связанный с генеральной линией КПК на построение социализма с китайской спецификой в опоре на традиционную китайскую науку и культуру. В начале 90-х гг. издаётся фундаментальное исследование антологии памятников китайской каллиграфии в 100 томах, охватившее всю историю развития искусства каллиграфии, с именами всех выдающихся мастеров каллиграфии, каталогизацией памятников и аналитическими статьями учёных и мастеров; переиздаются наставления выдающихся корифеев искусства каллиграфии [11]. Одновременно публикуются труды современных учёных и мастеров – преемников тысячелетних традиций: Шэн Иньмо, Ци Гуна, Сюй Банда, Ци Чжунтяня и др. Также растёт количество популярных изданий различных жанров, посвящённых искусству каллиграфии. Среди них – «Рассуждение о ци и традиционное мышление» авторства Ли Чжилиня (1990 г.), «Собрание известных текстов в исполнении выдающихся каллиграфов» в двух томах под редакцией Гэ Мулиня (1994 г.), «Иероглифический словарь каллиграфии» Ван Сичжи (1996 г.), «Собрание шедевров» Вэнь Чжэнмина (1996 г.), «Слово о письме. Фигуры силы» Цай Юна (2004 г.), наконец, «История китайской каллиграфии» Янь Лина (2020 г.), где автор отмечает, что каллиграфия – «это танец без исполнителя. Толстые и тонкие, лёгкие и тяжёлые, квадратные и округлые, изогнутые и прямые линии на бумаге подобны звучному аккорду. Как и музыка, каллиграфия имеет свой ритм и служит выражению разнообразных чувств. В то же время, подобно танцу, она способна передать красоту движений» [23].*

Традиционно периодизация эволюции каллиграфии синхронизирована со сменами правящих династий, что и мастерами прошлого, и современными учёными признаётся достаточно противоречивым. Однако убедительной альтернативы развития иероглифической письменности без привязки к династическим эпохам пока не найдено. Справедливости ради следует отметить, что подобные попытки всё же имели место, в частности, современными исследователями Цинь Юнлуном и Цю Сигуем, выдвинувшими принцип одновременности зарождения каллиграфических стилей. Но в связи с отсутствием убедительной аргументации и возникающей путаницей в понимании зарождения и последующей эволюции иероглифической письменности их предложения не были поддержаны ни мастерами каллиграфии, ни ведущими специалистами [23].

К методологии иероглифического письма. Понятийный аппарат, представленный в трудах китайских авторов о китайской иероглифике, представлен несколькими группами:

1. Группа художественных терминов, обозначающих *стили* (в российских источниках их также называют *почерками*) написания иероглифов [2]. Основными стилями каллиграфического письма являются: *цзягуэнь*, *цзиньвэнь*, *дачжуань*, *сючжуань*, *лишу*, *кайшу*, *синшу*, *чаошу*. В качестве примера можно рассмотреть иероглиф «лошадь», представленный девятью стилями (см. рис. 3).

Стоит отметить, что и сегодня ряд современных мастеров-каллиграфов выполняют свои произведения, прибегая к древним стилям цзягуэнь, цзиньвэнь, дачжуань, сючжуань и некоторым другим.

2. Группа технических терминов, характеризующих инструментарий мастера-каллиграфа, технические приёмы ведения кисти. Техника ведения кисти (*би фа*) включает способы захвата кисти пальцами, силу нажима, скорость движения, углы наклона кисти. Существуют различные техники ведения кисти: например, техника «плоской кисти» используется для создания широких штрихов иероглифов, техника «острой кисти», напротив, используется для создания тонких и детализированных линий. Технические приёмы ведения кисти взаимосвязаны с техникой использования ту-

ши – степенью прокрашивания иероглифических знаков (*мо фа*): «густая» или «редкая» тушь, «растекающаяся» или «пересохшая» тушь [17].

цзягувэнь
(III тысячелетие до н.э.)

цзиньвэнь
(II тысячелетие до н.э.)

дачжуань
(VI век до н.э.)

сюочжуань
(III век до н.э.)

лишу

кайшу

синшу

цаошу

кайшу (после
реформы
письменности 1956 г.)

Рис. 3. Иероглиф «Лошадь», стили цзягувэнь, цзиньвэнь, дачжуань, сюочжуань, лишу, кайшу (до и после реформы письма 1956 года), синшу, цаошу

3. Группа философских терминов, большинство из которых проблематично охарактеризовать ввиду отсутствия в русском и западных языках слов и понятий-аналогов. Изменения характерных черт, происходящие внутри иероглифа или композиции в целом, всегда пребывают в равновесии в соответствии с философией инь и ян. Равновесие проявляется в гармонии полярных элементов, соответствующих инь и ян: горизонтальной и вертикальной осей, медленной и быстрой скоростей письма, внутреннего и внешнего пространства знаков и прочих. Искусство каллиграфии представляет собой целостное творческое действие, поэтому философия инь и ян распространяется и на «четыре драгоценности кабинета» – инструментарий каллиграфа, включающий *кисть*, *тушь*, *бумагу* и *тушечницу*. Главные инструменты каллиграфа подчинены закону нумерологической парности в рамках философии инь и ян. *Кисть* мастера относится к полюсу ян, *тушь* – к полюсу инь; *бумага* для каллиграфического письма относится к полюсу ян, *тушечница* – к полюсу инь. Полярность инструментов может меняться согласно философии инь и ян. При рассмотрении парности «кисть и бумага для каллиграфии» кисть сохраняет полярность ян, бумага обретает полярность инь. При рассмотрении парности «тушь и тушечница» тушь обретает полярность ян, тушечница сохраняет полярность инь. Современность продолжает традиции, поэтому понятийный аппарат иероглифической письменности также передаётся из поколения в поколение, оставаясь неизменным на протяжении тысячелетий.

Иероглифика Китая в культуре Японии, Кореи и Вьетнама. Китайская иероглифическая письменность оказала существенное влияние на развитие письменности соседних государств: Японии, Кореи, Вьетнама. Японская письменность зародилась в ходе упрощения китайской иероглифической письменности, получившей распространение в Японии ещё в I в. до нашей эры. Тесные экономические связи способствовали дальнейшему укреплению позиций китайской иероглифической письменности. Японский императорский двор и знать использовали китайскую иероглифическую письменность в качестве официальной: для составления указов, деловой переписки, поэзии и литературы. Исследования японских учёных занимают в китайском научном поле существенный пласт. В них раскрывается, как китайская каллиграфия изменялась в Японии с течением веков под влиянием местных школ и мастеров, вносявших свои уникальные элементы; как исторические события, культурные взаимодействия и социальные изменения повлияли в целом на стили, техники и философию каллиграфии. Достижения японских исследователей в изучения феномена китайской каллиграфии, в частности элементов и черт китайских иероглифов, положенных в основу собственных алфавитов катаканы и хираганы, высоко оценены в Китае. Исследования китайской иероглифики в Японии вызывают интерес и с позиции сохранения культурного наследия. Дело в том, что междуусобные войны Китая и борьба с внешней агрессией нередко приводили к утрате памятников иероглифического письма и ассимиляции культур, в то время как японская культура, длительное время закрытая от внешних влияний, сохраняла важнейшие памятники иероглифической письменности. В дальнейшем это позволило китайским учёным и мастерам каллиграфии восстановить ряд утраченных текстов. В числе прочих и трактат «Собрание текстов о важнейшем в управлении», составленный в V в., а именно к 631 г., государственным деятелем Вэй Чжэном, советником императора Тайцзуна, окончательно утраченный в период XIV – XVII вв., восстановленный в конце XVIII – начале XIX вв. на основе японского варианта текста 1787 г. [20].

В древности китайская иероглифическая письменность дошла и до Корейского полуострова и уже использовалась в обиходе в северных районах начиная с I в. до н. э., однако ввиду отличий китайского и корейского языков китайские иероглифы не передавали в полной мере особенностей корейского языка. В 1446 г. учёными Кореи было разработано собственное фонетическое письмо хангыль, содержащее элементы китайских иероглифов и в течение длительного времени использовавшееся наряду с китайской иероглифической письменностью.

Китайская иероглифическая письменность широко использовалась во Вьетнаме, более тысячи лет находившемся под властью Китая. Китайский язык использовался при составлении государственных документов, в культуре и образовании, торговле. Тем не менее китайская иероглифическая письменность контрастировала с устной речью народа, поэтому в XI в. вьетнамскими учёными на основе китайских иероглифов была создана собственная система письма ты-ном. Сегодня китайские иероглифы вышли из употребления во Вьетнаме по причине использования нового латинизированного фонетического письма ты куокнгы, введённого в 1885 г. французами после колониального захвата Вьетнама и ставшего после основания Демократической Республики Вьетнам в 1945 г. государственным письмом. Искусство каллиграфии во Вьетнаме сегодня относится к современному искусству и представляет собой сочетание основ каллиграфического письма, латинского алфавита с добавлением художественных элементов.

Для сравнения представлены образцы китайской (см. рис. 4), японской (см. рис. 5), корейской (см. рис. 6) и вьетнамской каллиграфии (см. рис. 7) современных мастеров.

Наглядно прослеживается схожесть японской и корейской иероглифики с китайской, следование каллиграфическим традициям. Образец вьетнамской каллиграфии, напротив, новаторский, нарушающий традиции полярности инь и ян – чёрной туши и оттенка бумаги – дополнительными оттенками и художественными элементами.

Китайская иероглифика в европейской и российской синологии. В западной науке изучение китайской каллиграфии начинается лишь со второй половины XX в. И хотя в настоящее время разработан обширный синологический инструментарий, его явно недостаточно для описания и понимания культурного феномена. Культура китайского каллиграфического письма по многим и эстетическим, и ценностным категориям отличается от западной. Поэтому, что вполне естествен-

но, первые научные труды, призванные объяснить специфику китайской каллиграфической письменности западному миру, принадлежат китайским учёным-эмигрантам, в том числе Цзян И и Чэн Чжимаю [16; 19]. Названные работы открывали западной аудитории китайскую иероглифику не только как средство передачи информации, но как отражение души художника-каллиграфа через оттенки туши и ритмичность нанесения штрихов, выражавших чувства, эмоции, темперамент: ведь ритм движения кисти есть не что иное, как продолжение эмоциональной вибрации художника-каллиграфа [1]. На Западе и сегодня главными специалистами в области каллиграфического искусства выступают эмигранты из Китая и Тайваня [22].

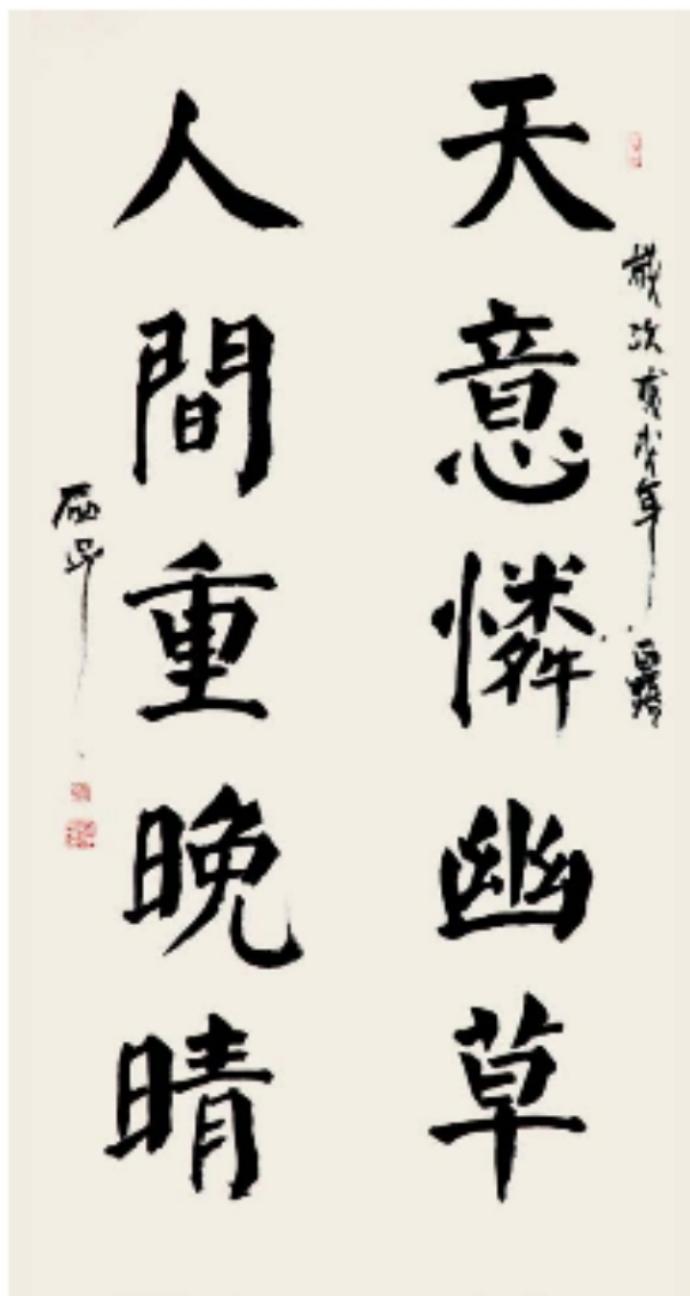

Рис. 4. Вэй Лихуа. «Природа заботится о горах и травах, а среди людей больше всего ценится дружба»

Рис. 5. Танака Тотику. «Добродетель не одинока», И-цзин, Лунь Юй

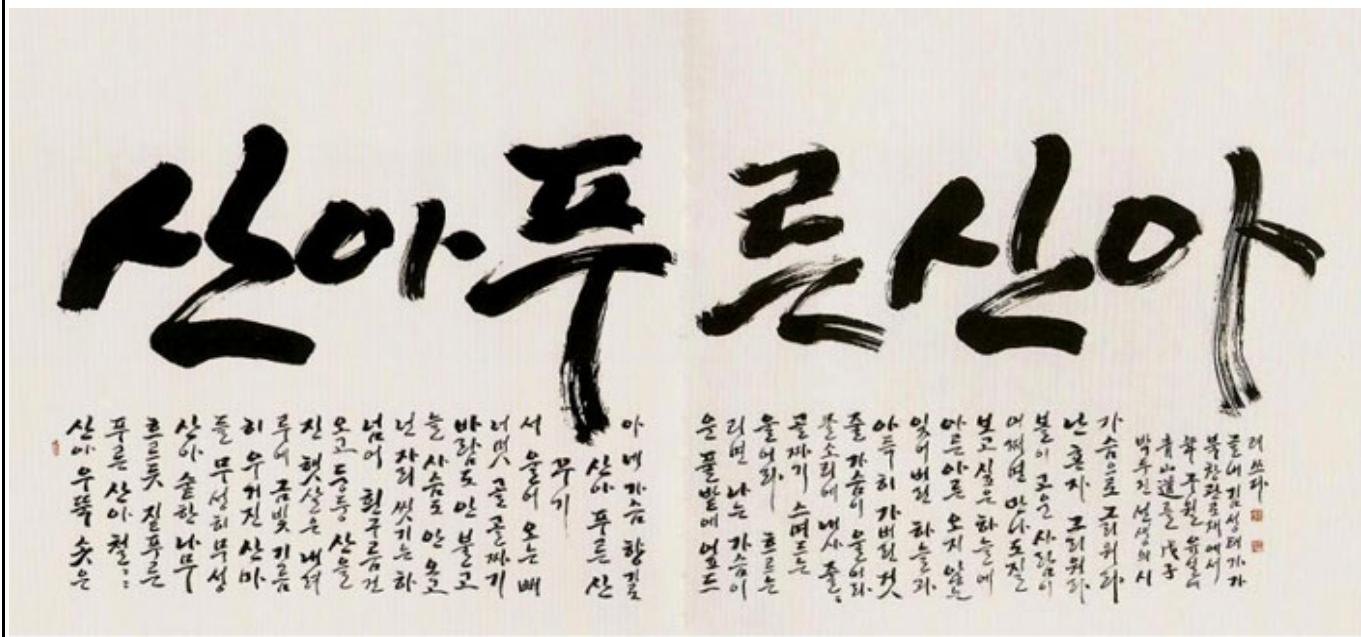

Рис. 6. Ким Сунгтай, «Гора, синяя гора» – отрывок из поэмы Пак Ду Син «Чхонсандо»

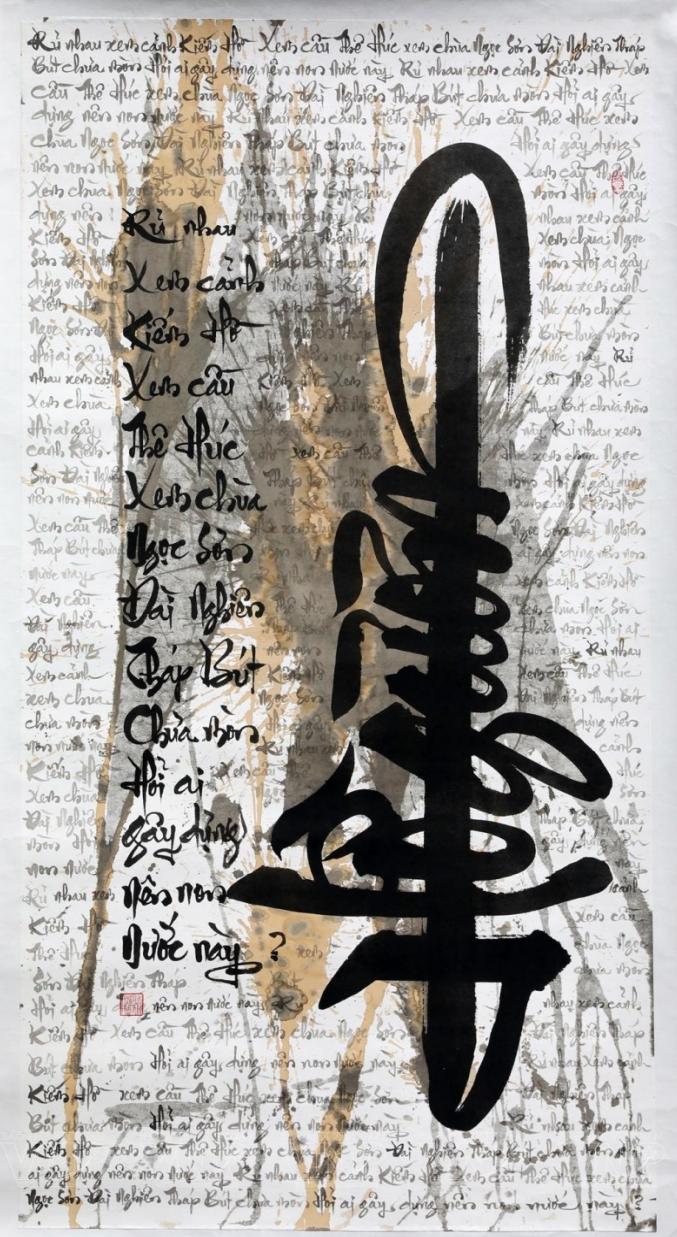

Рис. 7. Образец современной вьетнамской каллиграфии [24]

Для более глубокого понимания традиционной китайской культуры западная синология, воспринимая иероглифическую каллиграфию как сложную систему философских установок, традиций, правил, стандартов и категорий, пытается системно рассматривать данный феномен, сочетающая различные подходы, применяемые как в китайском научном поле, так и в западных искусствоведческих исследованиях. Например, Андреа Бахнер, исследуя лингвистические аспекты китайских иероглифов и их семиотические функции в широком контексте литературы, искусства, общественной жизни, приходит к выводу, что китайское иероглифическое письмо служит не только средством коммуникации, но и важным элементом культурной идентичности [1].

В китайской иероглифической письменности каждый иероглиф, как известно, является символом, несущим не только фонетическую, но и семантическую нагрузку, что не может не оказывать влияние на традиционную для китайца картину мира. Поэтому разработанные в западной науке положения о «письменности» как основании развития западноевропейской цивилизации (Ж. Деррида «О грамматологии» [5]) оказались актуальными и для исследования иероглифической

письменности пятитысячелетней китайской цивилизации. Таким образом, с позиций европейской грамматологии стало возможным проследить историческую преемственность китайской иероглифической письменности на протяжении тысячелетий, символизм иероглифов, отражающих философские идеи и мировоззрение китайского народа, а также значение иероглифической письменности для политики и управления, ритуалов и церемоний, влияние на иероглифическую письменность других культур. Грамматологическим подходом к изучению китайской письменности обусловлены важнейшие выводы о роли иероглифики в формировании этносемантического, этно-культурного облика цивилизации, уникальной идентичности культуры китайского народа. Китайская иероглифика в целом является важнейшим средством формирования, сохранения и передачи этнокультурной китайской идентичности на протяжении тысячелетий.

Значительный вклад в изучение искусства каллиграфии принадлежит советской/российской научной школе синологии. Из числа наиболее известных её представителей могут быть названы академик В. М. Алексеев, переведивший на русский язык традиционные труды о каллиграфии и обосновавший изучение искусства каллиграфии как обязательной практики в программе подготовки студентов-синологов [2]; Е. В. Завадская, рассматривавшая на основе изучения творчества выдающихся мастеров каллиграфию как культурный феномен на стыке письменности и живописи, при этом она отмечала привилегированные позиции каллиграфии, живописи, литературы в иерархии видов традиционных искусств Китая [6]; С. Н. Соколов-Ремизов, осуществивший фундаментальные исследования феномена китайской каллиграфии на основе изучения древних канонов, трактатов и памятников каллиграфического искусства [11]; В. Г. Белозёрова, аккумулировавшая результаты собственных исследований и исследований ведущих учёных-синологов [2].

Рассматривая феномен каллиграфии в системно-семиотическом аспекте, российский китаевед О. М. Готлиб [3] указывает, что значение иероглифа многослойно и состоит из ряда уровней, при том что каждый предшествующий служит «строительным материалом» для последующих. Иероглифы, таким образом своеобразно «рисуя» мир, позволяют понять, как в китайской письменности отражается мышление и мировосприятие китайского народа [3].

Вместе с тем система китайской иероглифической письменности – уникальный феномен, аналогов которому нет в культуре мировых цивилизаций, и западные научные подходы не раскрывают в полной мере этот феномен, но лишь частично описывают его составляющие.

Этноцентризм, присущий китайской науке и культуре, справедлив в области исследования каллиграфической традиции, поскольку, как отмечалось ранее, искусство каллиграфии – больше, чем эстетическая письменность. Феномен каллиграфии уникален по ряду причин. Среди основных – это сущность каллиграфии как синтеза творческой и практической деятельности, заключающейся в синхронизации с движением Вселенной, философией, традициями и ритуалами, духовно-нравственными ценностями; сохранение каллиграфических традиций путём их интеграции в повседневную жизнь, постоянное развитие и укрепление на протяжении тысячелетий [3]. Китайская иероглифическая письменность прошла сквозь тысячелетия, что придаёт иероглифической системе уникальную историческую и культурную непрерывность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахнер, А. За пределами синологии: китайская письменность и письмена культуры (на англ. языке) / А. Бахнер. – Нью-Йорк: Columbia University Press, 2014. – 296 с.
2. Белозёрова, В. Г. Эстетические принципы каллиграфической традиции Китая / В. Г. Белозёрова // Философские науки. – 2005. – № 4. – С. 84-99.
3. Готлиб, О. М. Основы грамматологии китайской письменности / О. М. Готлиб. – М.: Издательский дом ВКН, 2019. – 312 с.
4. Доу Юйле. Духовные основы китайской культуры / Доу Юйле; пер. с кит. Д. С. Топоровой, К. С. Титова, Н. Н. Рыбалко; науч. ред. д-р филос. наук, проф. А. И. Кобзева. – М.: ООО «Международная издательская компания “Шанс”», 2022. – 301 с.
5. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. с франц. Н. Автономовой. – М.: Издательская фирма «Ad Marginem», 2000. – 508 с.

6. Завадская, Е. В. Три разговора о Дэ. От магической силы к моральному императиву: категория Дэ в китайской культуре / Е. В. Завадская. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 186-199.
7. И цзин (Канон перемен): перевод и исследование / сост. А. Е. Лукьянов; отв. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Восточная литература, 2005. – 245 с.
8. Кан Ювэй. Пара вёсел ладьи искусств от Гуана / Кан Ювэй. – Тайбэй: World Book Co., 1966. – 225 с.
9. Лунь юй // Ши цы мин цзюй ван (Известные изречения). – URL: <http://www.shicimingju.com/book/lunyu.html> (дата обращения: 03.12.2024). – Текст: электронный.
10. Лю Г. Китайская каллиграфия как важнейший фактор развития художественно-эстетического воспитания в Китае / Г. Лю // Аллея науки. – 2018. – № 2 (18). – С. 684-686.
11. Мэн-цы / пер. с кит. и comment. П. С. Попова // Переломов, Л. С. Конфуцианско «Четверокнижие» («Сы шу») / Л. С. Переломов. – М.: Восточная литература, 2004. – 431 с.
12. Оуян Сюнь. Чуань шоу цзюэ (Секретные наставления) // Чу Тан шу лунь (Сочинения по каллиграфии начала династии Тан) / под ред. Сяо Юань. – Чанша: Хунань мэйшу чубаньшэ, 2004.
13. Соколов-Ремизов, С. Н. Китайская каллиграфия как выражение универсального через национально-своеобразное / С. Н. Соколов-Ремизов // Искусство Востока: Проблемы эстетического своеобразия: сб. ст. / РАН, ГИИ МК РФ; отв. ред. И. Р. Еолян. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. – С. 97-128.
14. Сунь Готин. Сунь Готин Шупу цзяньчжэн. Чжу Цзянь-синь цзяньчжэ (Трактат Сунь Готина «Каллиграфические анналы» с комментариями Чжу Цзянь-сия). – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1963. – 129 с.
15. Харбог, Р. Китайские иероглифы: генеалогия и словарь (на англ. языке) / Р. Харбог. – Нью-Хейвен: Yale University Press, 1999. – 544 с.
16. Чэн Чжимай. Китайские каллиграфы и их искусство / Чэн Чжимай. – Мельбурн: Melbourne university press, 1966. – 286 с.
17. Цай Юн. Слово о письме. Фигуры силы / Цай Юн // Китайское искусство: принципы, школы, мастера. – М.: Астрель, 2004. – 429 с.
18. Цай Юн. Би лунь (Рассуждения [о] кисти) / Цай Юн // Хань Вэй Лючao шухua лунь (Сочинения по каллиграфии и живописи периода династий Хань, Вэй, Шести династий) / под ред. Пань Юньгао. – Чанша: Хунань мэйшу чубаньшэ, 2004.
19. Цзян И. Китайская каллиграфия: введение в эстетику и технику / И. Цзян. – Londres, Methuen, 1938; 3d edition, rev. and enl. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1973. – 250 с.
20. Цюньшу чжияо («Собрание текстов о важнейшем в управлении») // «Сыбу цункань». – Шанхай: Шану иньшугуань, 1920 – 1936.
21. Ши Сюй. Исследование культурного дискурса: теория, методология и проблематика изучения Китая / Ши Сюй; пер. с кит. Го Ли. – М.: Международная издательская компания «Шанс», 2022. – 248 с.
22. Шэнь, П. Эстетическое воспитание в современном Китае / П. Шэнь // Народное образование. – 2015. – № 7. – С. 207-210.
23. Янь Лин. История китайской каллиграфии / Янь Лин; пер. с кит. В. А. Ефановой. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 199 с.
24. Тхы Фап Вьет Нам [Современная вьетнамская каллиграфия] // Vietnamnet. – URL: <https://vietnam.vnnet.vn> (дата обращения: 02.01.2025). – Текст: электронный.

Шушарина Г. А., Просвирина Д. В.
G. A. Shusharina, D. V. Prosvirina

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ УРБАНОНИМОВ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ РОССИИ И КИТАЯ

SOCIO-CULTURAL AND HISTORICAL BASES FOR THE FORMATION OF URBANONYMS OF THE TWIN CITIES OF RUSSIA AND CHINA

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Assistant Professor, Head of Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Просвирина Дана Владимировна – студент Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: lmk@knastu.ru.

Dana V. Prosvirina – Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. Взаимоотношения Китая и России имеют долгую и сложную историю, охватывающую несколько веков. Активное взаимодействие двух стран явилось причиной для установления побратимских связей между городами обеих стран. В данной работе в разрезе анализа социокультурного пространства городов-побратимов проведен анализ урбанизмов Харбина и Хабаровска. Выявлено, что урбанизмы рассматриваемых локусов образованы по нескольким моделям, а именно: меморативной модели, условно-символической ценностной модели, условно-символической эвсемантической модели и условно-символической географической модели. Анализ названий городских объектов Харбина и Хабаровска установил наличие схожих оснований для номинации, в числе которых социокультурные и исторические. Общие тенденции в номинации городских объектов разных стран способствуют установлению успешного межкультурного диалога.

Summary. The relationship between China and Russia has a long and complex history spanning several centuries. Active interaction between the two countries was the reason for the establishment of twinning ties between the cities of both countries. In this paper, we analyze the urbanonyms of Harbin and Khabarovsk in the context of analyzing the socio-cultural space of the twin cities. It is revealed that the urbanonyms of the loci under consideration are formed according to several models, namely, memorial model, conventional-symbolic value model, conventional-symbolic eusemantic model and conventional-symbolic geographical model. The analysis of the names of urban objects in Harbin and Khabarovsk has established the presence of similar grounds for nomination, including socio-cultural and historical ones. The common tendencies in the nomination of urban objects in different countries contribute to the establishment of successful intercultural dialog.

Ключевые слова: город-побратим, Россия, Китай, урбанизм, межкультурный диалог.

Key words: sister-city, Russia, China, urbanonym, intercultural dialog.

УДК 304.2

Взаимоотношения Китая и России имеют долгую и сложную историю, охватывающую несколько веков и обусловленную географической близостью, а также наличием общих взглядов на международные процессы [7]. Активное взаимодействие двух стран явилось причиной для установления побратимских связей между городами обеих стран. По инициативе Китайской ассоциа-

ции дружбы с зарубежными странами в 1992 г. было образовано Китайское международное общество породнённых городов [9]. Одними из первых таких провинций и городов в 1993 г., присоединившихся к «побратимскому» движению, стали провинция Хэйлунцзян и её столица – город Харбин, которые сотрудничают с Хабаровским краем Российской Федерации и городом Хабаровском. 15 июня 1993 г. был подписан документ, скрепивший побратимские отношения Хабаровска и Харбина [16]. Позднее, 19 мая 1995 г., также произошло официальное установление дружеских отношений между Хабаровским краем и провинцией Хэйлунцзян. В настоящее время оба региона продолжают своё сотрудничество в таких сферах, как культура, образование, наука и технологии, логистика, экология и др. На основе побратимских отношений между двумя регионами осуществляются обмены студентами и академическими кадрами, а также научными разработками, реализуются различные экономические и культурные проекты.

Термин «города-побратимы» (или «побратимство») относится к городам различных стран, «установившим непосредственные дружеские связи для укрепления взаимопонимания между народами, для культурного сотрудничества, обмена опытом в разрешении аналогичных проблем, стоящих перед городскими властями и организациями» [2]. Кроме того, отмечаются и возможности побратимства в сфере публичной дипломатии, или мягкой силы. Правительство одного государства через общественные организации и отдельных индивидов способно оказывать непосредственное влияние на общественность другого государства, которая в свою очередь воздействует на собственное правительство [18].

Явление городов-побратимов стало объектом исследования для многих учёных, в том числе в области культурологии [4; 8; 10; 15].

В данной работе в разрезе описания социокультурного пространства городов-побратимов проведён анализ урбанонимов Харбина и Хабаровска [13; 19], который является актуальным и полезным для понимания культурных, экономических и исторических процессов, происходящих между двумя приграничными территориями. Это позволит глубже осознать их взаимосвязь в современных условиях. Интерес в статье сфокусирован на вопросах: «Есть ли точки соприкосновения в социокультурном пространстве двух городов? Что является фундаментом такого пересечения?». Осознание схожести разных стран влияет на формирование положительного отношения народов друг к другу, способствует их сближению. Это имеет принципиальное значение для выстраивания отношений взаимодействия в системе координат «свой-чужой». Общие черты в социокультурном пространстве разных стран несколько нивелируют имеющиеся языковые и культурные различия, «чужое» уже не воспринимается как «отклонение от нормы» [19, 18], непонятное и неправильное, и способствует устраниению напряжённости в процессе этноязыкового контактирования.

Урбаноним представляет собой собственное имя любого внутригородского топографического объекта [12, 154]. В число таких объектов входят, например, названия улиц, переулков, площадей, набережных, аллей, скверов, парков, соборов, монастырей, отдельных зданий и т. д. Урбанонимы, изобретённые как визуальная форма различия, дифференциации и упорядочивания городского пространства, со временем приобрели и другие функции: идеологические, политические и социокультурные. Последняя функция включает в себя сохранение культурно-исторической памяти народа страны, «аккумулирование» ключевых концептов культуры, содержащих информацию о традициях и устоях, характеризующих то или иное языковое сообщество, наделяя городское пространство смыслами [5]. В семантике урбанонимов отражены актуальные ценностные культурные представления этносоциумов, а также историческая смена культурных и ценностных стереотипов общества.

Для структурирования анализа воспользуемся классификацией, представленной в коллектиенной монографии «Городская топонимия: современная политика и практика именования», согласно которой урбанонимическое пространство формируется по нескольким семантическим макромоделям, а именно: описывающей городской объект с точки зрения его реальных отличительных характеристик; меморативной модели, увековечивающей память о каком-либо лице или знаменательном событии; условно-символической ценностной модели, возвеличивающей социальные

ценности; условно-символической эвсемантической модели, предполагающей установку на создание условной образности для аттрактивного эффекта; условно-символической географической модели, включающей названия с топонимической отсылкой [6, 29]. На наш взгляд, предложенная авторами монографии классификация объединена двумя типами оснований номинации городских объектов: социокультурными и историческими. Социокультурные основания заложены в условно-символической ценностной модели, условно-символической географической модели, меморативной модели и условно-символической эвсемантической модели, поскольку отражают социокультурные процессы в обществе, в частности, формирование мировоззренческих идеалов, положительного отношения к другим народам и культурам, конструирование национальной и региональной идентичности. Исторические основания представлены в меморативной и условно-символической ценностной моделях, поскольку названия, образованные по данным моделям, актуализируют историческую память о событии или значимой личности.

Анализ урбанонимов городов-побратимов выявил наличие описанных выше оснований для номинации внутригородских объектов приграничных территорий Китая и России.

Социокультурные основания образования урбанонимов. Как справедливо отмечают отечественные исследователи, город является порождением не только цивилизации, но и культуры, «в концентрированном виде вбирая в себя всё своеобразие социокультурных традиций, накопленных населением» [6, 66].

Анализ урбанонимов рассматриваемых городов-побратимов позволил выделить урбанонимы, образованные по *меморативной модели*. В качестве примеров приведём улицу Гоголя, которая встречается в топонимике Хабаровска и Харбина. Исследователи из КНР указывают, что в китайской традиции количество улиц, названных в честь исторических лиц, гораздо меньше, чем в России [3]. Действительно, на карте Хабаровска отмечены улицы, названные в честь известных писателей, музыкантов, художников. Так, литературная номинативная тематика представлена улицей Тургенева, улицей Грибоедова, улицей Жуковского, переулком Гайдара, а также улицами, номинированными в память об известных дальневосточных писателях, среди которых улица имени Н. Наволочкина, П. Комарова и др.

По *условно-символической географической модели*, на наш взгляд, образованы названия культурного комплекса «Русская деревня» в Харбине [17], китайского рынка и сети станций быстрого питания KiTA!KA в Хабаровске [21]. Каждый из приведённых урбанонимов транслирует условную связь с географическими объектами.

В урбанонимическом облике Хабаровска и Харбина социокультурная составляющая отчётливо прослеживается в топонимах, образованных по *условно-символической ценностной модели*. Так, среди схожих черт в стратегии наименования городских объектов обеих стран можно выделить названия улиц, связанные с числами. В китайском Харбине встречаются улицы, в названиях которых встречаются числа 3 (улица Санхэ (имеет цифру 3 в названии), дословно «улица трёх объединений» – соединяет 3 улицы) и 1 (улица Синьи; улица Йиман). Число 3 означает в китайской культуре «три основных сокровища буддизма, триада “Небо – земля – человек”, число силы Ян, Триратна (Будды Сакья-муни, Амитабу и Майтрея), три мира по представлениям буддистов (Мир пожеланий, Мир цвета, Мир бесцветий), три сокровища кабинета (кисточка, тушница, бумага)», число 1 символизирует целостность и неразделённость мира [1, 201]. В российском дальневосточном городе также встречаются числа в номинации объектов, но культурной символики они не несут: Двойная улица, Улица 1120 км, 7-я улица.

К урбанонимам, образованным по этой же модели, отнесём названия улиц, связанных с профессиями, родом занятий: Строительная улица, улица Рабочих, улица Учебная (Харбин). В Хабаровске таких улиц значительно больше, например: Почтовая улица, Охотничья улица, Слесарная улица, Хирургическая улица, Колхозная улица, Туристическая улица, Депутатская улица, Школьная улица. Кроме того, на карте Хабаровска отмечены улицы, названия которых связаны с промышленной деятельностью: Нефтяная улица, Заводская улица, Производственная улица, Фабричный переулок. Как правило, улицы были названы в советское время и отражали как единую политico-идеологическую систему мировоззренческих «координат», так и гуманистические идеи-

лы своего времени – уважение к человеку труда [6, 64]. Кроме того, в названиях отражена специфика хозяйственной деятельности региона и города, что подчёркивает его своеобразие и уникальные черты.

Условно-символическая эвсемантическая модель образования урбанизмов представлена в названиях улиц, имеющих отношение к природе. В китайском Харбине мы вычленили Речную улицу, Ручейную улицу, Садовую улицу. В российском Хабаровске имеются Грушевая улица, Абрикосовая улица, Садовый переулок, Вишневая улица, Ягодный переулок, Ручейный переулок [13]. В списке представлены названия улиц, которые совпадают в обеих странах, что можно объяснить универсальной ценностью природы для человека независимо от его национальной принадлежности. В эту же группу отнесём урбанизмы, включающие в себя лексические единицы с положительной семантикой, которые способны выступать в функции благопожеланий, например, улица Счастья в Харбине.

Исторические основания образования урбанизмов. Город Харбин был основан в 1898 году, когда Россия получила концессию на строительство Китайско-Восточной железной дороги. Россия сыграла ключевую роль в развитии Харбина. В результате Харбин стал железнодорожным центром, центром промышленности, торговли на Северо-Востоке Китая [11], а также культурным центром для русских эмигрантов, что способствовало смешению культур и традиций. Отсюда многие названия географических объектов заимствованы из русской культуры, а некоторые (например, названия улиц) могут совпадать.

Исторические основания наблюдаются в урбанизмах, посвящённых политическим событиям. Таким образом, мы фиксируем *меморативную модель* образования таких топонимов. В обоих побратимских городах встречаются улицы, площади, названные в честь В. И. Ленина, российского революционного, советского государственного и партийного деятеля, идеолога и лидера большевиков. Анализ топонимической карты Харбина выявил название Парк Сталина [20], который назван в честь другого руководителя советского государства. В Хабаровске созданы площади и улицы в память о советских военных, государственных и партийных деятелях (площадь Блюхера, улица Дзержинского, улица Калинина), героях Великой Отечественной войны (улица Ватутина, улица Героев Пассаров, улица Зои Космодемьянской, улица Олега Кошевого).

Кроме того, в китайском Харбине и российском Хабаровске встречаются также улицы, названия которых образованы по *условно-символической ценностной модели* и содержат различные коммунистические идеологемы, например, в Харбине – улица Красной Армии, проспект Красного Знамени, площадь 1 Мая, в Хабаровске – улица 65-летия Победы, проспект 60-летия Октября, Красноармейский переулок, Краснофлотская улица, Комсомольская улица и др.

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

Топонимия Хабаровска и Харбина представляет собой историко-культурный феномен, т. к. не только помогает населению ориентироваться в городском пространстве, но и отражает исторические, культурные и социальные изменения, происходившие в обществе. Урбанизмы рассматриваемых городов-побратимов образованы по нескольким моделям, а именно: меморативной модели, условно-символической ценностной модели, условно-символической эвсемантической модели и условно-символической географической модели. Выявленные модели объединены социокультурными и историческими основаниями номинации городских объектов. Схожесть в номинации городских объектов разных стран способствует установлению успешного межкультурного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Ю. А. Символика китайских чисел в рамках теории и практики межкультурной коммуникации / Ю. А. Антонова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 200-202.
2. Города-побратимы // Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Города-побратимы> (дата обращения: 06.12.2024). – Текст: электронный.
3. Ван Хуа. Сопоставление названий улиц в китайской и русской лингвокультурах (на материале названий по именам исторических лиц) / Ван Хуа // Вестник Московского университета. Серия. 9. Филология. – 2014. – № 1. – С. 219-230.

4. Волкова, А. В. Аксиосфера городов-побратимов: возможна ли трансляция культурной памяти? / А. В. Волкова, Т. А. Кулакова // Философия истории философии. – 2022. – Т. 3. – С. 85-105.
5. Голомидова, М. В. Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала / М. В. Голомидова, А. В. Дмитриева // Вопросы ономастики. – 2023. – Т. 20. – № 2. – С. 144-173.
6. Городская топонимия: современная политика и практика именования: моногр. / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, А. В. Дмитриева и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 216 с.
7. Евтушенко, А. В. От побратимства городов к «парадипломатии макрорегионов»: поиск новых форм российско-китайского сотрудничества (к 10-летию межрегиональной программы «Волга–Янцзы») / А. В. Евтушенко, И. Ю. Зуенко, А. Е. Фоминых // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 12. – С. 15-23.
8. Колева, З. И. Побратимство как культурно-социальная практика, влияющая на формирование социального пространства города / З. И. Колева // Вестник СамГУ. – 2012. – № 8/1 (99). – С. 50-54.
9. Макеева, С. Б. История реализации политики Китая по развитию межрегионального побратимского сотрудничества с Россией / С. Б. Макеева // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 487. – С. 108-117.
10. Мезенко, А. М. Урбанизмия как язык культуры / А. М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – Ч. 1. – С. 388-392.
11. Петрунина, Ж. В. Экономическое измерение социокультурного наследия русского Харбина начала XX в.: опыт, который следует изучать / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 27-31.
12. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1978. – 99 с.
13. Список улиц города Хабаровск [Хабаровский край] // Поиск по карте, маршруты, панорамы, 2015-2025. – URL: https://city-address.ru/region-27_habarovsk/all-street/page-3/ (дата обращения: 06.12.2024). – Текст: электронный.
14. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 1996. – С. 7-22.
15. Тхакахов, В. Х. Идентичность и память в урбанизмах Владикавказа / В. Х. Тхакахов // Дискурс. – 2019. – Т. 5. – № 6. – С. 108-119.
16. Города-побратимы // Хабаровск, сайт. – URL: <https://khv27.ru/about/cities/kharbin/> (дата обращения: 06.12.2024). – Текст: электронный.
17. Харбин прирастает «русской деревней» // Амурская правда, новости Благовещенска и Амурской области. – URL: <https://ampravda.ru/2005/01/27/08720.html> (дата обращения: 06.12.2024). – Текст: электронный.
18. Яровой, Г. О. Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ / Г. О. Яровой, М. А. Подольский // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. – 2014. – № 2. – С. 38-45.
19. Baidu Map, сайт. – URL: <https://map.baidu.com/search/> (дата обращения: 06.12.2024). – Текст: электронный.
20. Harbin Stalin Park, сайт. – URL: <https://www.google.ru/maps/d/viewer?mid=1TXnJBFqYSmn4dqf-H9213GxDhNZvR3aP&hl=ru&ll=45.78202999999985%2C126.61988700000009&z=8> (дата обращения: 06.12.2024). – Текст: электронный.
21. 2gis.ru, сайт. – URL: <https://2gis.ru/khabarovsk/search/> (дата обращения: 06.12.2024). – Текст: электронный.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Ларченко Ю. Г.
Y. G. Larchenko

**ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ – ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ПОРТФОЛИО БУДУЩИХ
СПЕЦИАЛИСТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА**

**STUDENT ACHIEVEMENTS ARE AN IMPORTANT PART OF THE PORTFOLIO
OF FUTURE SPECIALISTS IN THE LABOR MARKET**

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектирования, управления и разработки информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Design, Management and Development of Information Systems, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Аннотация. В современных условиях хозяйствования работодатели предъявляют высокие требования к навыкам и компетенциям соискателей, особенно в приоритетных отраслях экономики. Это связано с необходимостью минимизации затрат, связанных с адаптацией к новым условиям труда и месту работы, а значит, и сокращением производственных потерь. В этой связи уже на этапе освоения основной образовательной программы высшего образования студенты стремятся добиться успехов в разных видах деятельности: учебной, научно-исследовательской, общественной, культурно-творческой, спортивной. В первую очередь упор делается на учебную и научно-исследовательскую деятельность. Именно достижения в этих областях позволяют обучающимся приобрести необходимые знания и опыт, требующиеся на рынке труда, сформировать портфолио. Поэтому в статье рассматриваются основные достижения студентов по видам деятельности как основная составляющая портфолио, примеры их оценки при назначении повышенной стипендии. Повышенная стипендия является официальной денежной мерой оценки особых достижений, успехов обучающихся.

Summary. In modern economic conditions, employers place high demands on the skills and competencies of applicants, especially in priority sectors of the economy. This is due to the need to minimize costs associated with adaptation to new working conditions and place of work, and therefore reducing production losses. In this regard, already at the stage of mastering the main educational program of higher education, students strive to achieve success in various types of activities: educational, research, social, cultural and creative, sports. First of all, the emphasis is on educational and research activities. It is the achievements in these areas that allow students to acquire the necessary knowledge and experience required in the labor market, to form a portfolio. Therefore, the article considers the main achievements of students by type of activity as the main component of the portfolio, examples of their assessment when assigning an increased scholarship. An increased scholarship is an official monetary measure for assessing the special achievements and successes of students.

Ключевые слова: достижения, успехи, вид деятельности, компетенции, стипендия, портфолио, студент.

Key words: achievements, successes, type of activity, competencies, scholarship, portfolio, student.

УДК 378.342

В настоящее время отечественный рынок труда испытывает потребность в квалифицированных кадрах разных специальностей и направлений подготовки, способных к своевременному решению локальных задач в соответствующих отраслях экономики. При этом среди ключевых навыков соискателей работодатели выделяют профессиональные компетенции и навыки, а также скорость принятия решений. В свою очередь, умение выработки правильного и оптимального решения с учётом временных ограничений формируется у будущих специалистов в рамках освоения ими основной образовательной программы высшего образования. В ходе освоения образовательной программы студенты приобретают теоретические знания, которые закрепляют и расширяют в

рамках практической подготовки, применяют их в проектной деятельности и результаты представляют в форме зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности, докладов на конференциях разного уровня и конкурсах, научных статей в рецензируемых журналах и т. п.

Все достижения студентов в учебной и научно-исследовательской деятельности заносятся в портфолио [1; 2; 6] и отражаются в их личном кабинете на сайте образовательной организации (далее ЛКС). Кроме успехов в учебной и научно-исследовательской деятельности, в портфолио студентов также указываются их достижения в общественной, культурно-творческой или спортивной деятельности.

На рис. 1 показана форма портфолио в личном кабинете студента очной формы обучения на примере ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» [7; 8].

Рис. 1. Форма портфолио в личном кабинете студента

К основным достижениям по разным видам деятельности, составляющим основу портфолио студента очной формы обучения, относятся:

1. В учебной деятельности (УД):

- отличные результаты промежуточной аттестации (ПА);
- первое или призовое место в профильной олимпиаде разного уровня.

2. В научно-исследовательской деятельности (НИД) [3]:

- первое или призовое место в конкурсах разного уровня;
- зарегистрированный объект интеллектуальной собственности, подтверждённый соответствующим документом (свидетельство, патент и т. п.);
- грант на выполнение научно-исследовательской работы;
- публикации в ведущих отечественных и международных журналах;
- подготовка учебного/научного издания (монографии, учебника, пособия) в качестве соавтора;
- первое или призовое место за разработанный индивидуальный проект;

- успешные результаты работы в студенческом конструкторском бюро (СКБ).

3. В общественной деятельности (ОД):

- участие в социально и общественно значимом мероприятии разного уровня в качестве волонтёра;

- участие в профориентационной деятельности университета;

- членство в общественной университетской организации;

- первое или призовое место от участия в общественно значимых конкурсах разного уровня;

- информирование об общественной жизни университета в форме публикаций, фотопортажей, сообщений и новостей в социальных сетях.

4. В культурно-творческой деятельности (КТД):

- первое или призовое место от участия в конкурсах соответствующей направленности разного уровня;

- документально подтверждённое произведение литературы/искусства;

- участие в культурных/творческих мероприятиях разного уровня, направленных на реализацию воспитательных, патриотических и других социально и общественно значимых целей.

5. В спортивной деятельности (СД):

- первое или призовое место от участия в спортивных мероприятиях разного уровня;

- участие в спортивных мероприятиях разного уровня, направленных на реализацию воспитательных, патриотических и других социально и общественно значимых целей;

- получение золотого знака отличия за выполнение нормативов ГТО.

Особые достижения студентов в одном или нескольких видах деятельности также являются основанием для рассмотрения возможности назначения им повышенной стипендии [9; 10; 11].

Рассмотрим укрупнённый алгоритм формирования портфолио, направленного на получение повышенной стипендии по программам высшего образования (см. рис. 2). Из рис. 2 следует, что первичным условием на этапе принятия решения стипендиальной комиссией о назначении повышенной стипендии студентам очной формы обучения являются отличные результаты промежуточной аттестации за последние две сессии (семестра). После этого по представленным документам комиссия определяет количество баллов, набранное студентом по соответствующим направлениям деятельности.

В табл. 1 и 2 показаны примеры достижений студентов по образовательным программам магистратуры и специалитета за 2023/2024 учебный год.

Таблица 1

Пример достижений студентов по видам деятельности (магистратура)

Достижение	Тип/уровень достижения	НИД, баллов
Краевой грант	По итогам конкурса «УМНИК»	15
Диплом за 2-е место в конкурсе научно-исследовательских публикаций	По итогам конкурса, проводимого по приказам образовательных организаций	4
Диплом за 1-е место в мероприятии «Региональные научные бои 2023»	По итогам конкурса, проводимого по нормативным актам Минобрнауки РФ	16
Статья в сборнике конференции «Наука, инновации и технологии: от идей к внедрению»	В изданиях, включённых в РИНЦ	4
Статья в сборнике конференции «Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований»	В изданиях, включённых в РИНЦ	4
Регистрация программы для ЭВМ (3 программы)	Свидетельства на программы для ЭВМ	15
Статья в журнале «Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета»	В журналах, включённых в перечень ВАК РФ	10
Итого по всем видам деятельности, баллов		78*

* С учётом баллов за отличные результаты в учебной деятельности (10 баллов)

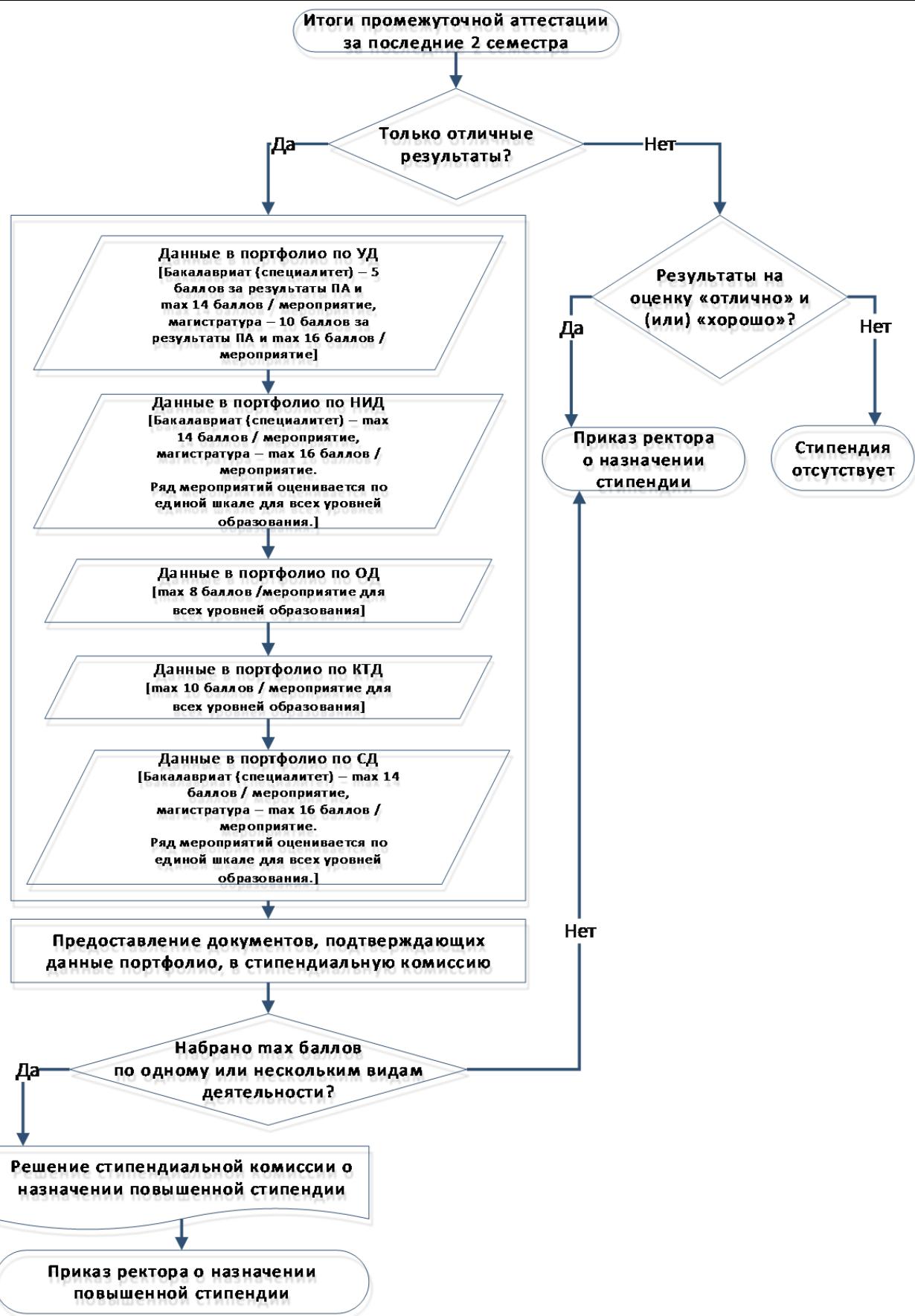

Рис. 2. Алгоритм принятия решения о назначении повышенной стипендии

Пример достижений студентов по видам деятельности (специалитет)

Достижение	Тип/уровень достижения	Нид, баллов	ОД, баллов	КТД, баллов
Сертификат за участие в окружном этапе всероссийского студенческого проекта «Твой ход»	Региональный уровень	-	3	-
Грамота за участие в номинации «Лучшее фото» в творческом конкурсе	Университетский уровень	-	-	4
Благодарность за координацию проекта «PROдвижение в ЭКО»	Работа в качестве волонтёра, участие в деятельности, направленной на благоустройство окружающей среды, природоохранной деятельности, а также деятельности по поддержке общественной безопасности	-	4	-
Благодарственное письмо за участие в развитии молодёжной политики на территории города Комсомольска-на-Амуре в 2023 году		-	4	-
Благодарность за помощь в организации и проведении профориентационного мероприятия «Ректорская ёлка»		-	4	-
Благодарность за профессиональные успехи, старание и активное участие в подготовке и проведении международного технологического конкурса «Битва искусственных интеллектов»		-	4	-
Диплом за качественную презентацию своей идеи в конкурсе социальных проектов в рамках молодёжного форума	Университетский уровень	-	2	-
Характеристика руководителя «Аспект»	Руководство общественной организацией	-	6	-
Характеристика участника Объединённого совета обучающихся	Членство в общественной организации	-	2	-
Характеристика старосты группы	Работа в качестве профорга, старосты этажа в общежитии, старосты академической группы, тьютора	-	5	-
Статья «Этика искусственного интеллекта: этические рамки и правовые нормы»	В изданиях, включённых в РИНЦ	4	-	-
Статья «Искусственный интеллект и его угрозы»	В изданиях, включённых в РИНЦ	4	-	-
Итого по всем видам деятельности, баллов		51*		

* С учётом баллов за отличные результаты в учебной деятельности (5 баллов)

Пример достижений студента – претендента на повышенную стипендию по основной образовательной программе магистратуры (см. табл. 1) демонстрирует особые достижения обучающегося по одному виду деятельности – это научно-исследовательская деятельность при соблюдении условия отличных результатов учёбы за две предыдущие сессии.

Отметим, что наибольшее количество баллов магистрант набирает за результаты интеллектуальной деятельности, за победу в конкурсе федерального уровня и за научную публикацию в ведущих отечественных журналах. Все эти мероприятия направлены на приобретение опыта работы по профилю своей будущей профессиональной деятельности и углубление своих знаний.

Пример достижений студента, обучающегося по основной образовательной программе специалитета (см. табл. 2), показывает его успехи в трёх областях деятельности: научно-исследовательской, общественной и культурно-творческой. Кроме демонстрации отличных результатов в учёбе, студент занимает активную гражданскую позицию, принимая участия в различного рода общественных и социально-значимых мероприятиях разного уровня.

Стремление студентов к развитию своих умений и навыков в будущей профессиональной деятельности в совокупности с участием в общественной жизни университета, города, края и

страны в целом обеспечивает интерес потенциальных работодателей и предложение ряда вакансий.

В настоящее время перед образовательными организациями стоит, как и прежде, задача подготовки квалифицированных специалистов для предприятий разных отраслей промышленности, а также развития у молодёжи нравственных, морально-этических, социальных качеств за счёт привлечения их к участию в значимых для общества проектах. В этой связи подобные инициативы учебных заведений активно поддерживаются Министерством науки и высшего образования РФ, различными некоммерческими организациями, государственными и муниципальными учреждениями, органами власти и предпринимателями [4; 5].

Поэтому портфолио студентов – это показатель их успехов и достижений во всех областях деятельности, проявления их межличностных навыков, личностного роста и развития, критического мышления, а также гражданственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликина, Е. В. Оптимизация электронного портфолио студента многопрофильного вуза / Е. В. Аликина, Д. В. Мальцев // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 488. – С. 14-22.
2. Байкина, Е. А. Роль цифрового портфолио компетенций в общей системе оценки качества результатов обучения студентов вуза / Е. А. Байкина // Высшее образование сегодня. – 2022. – № 5-6. – С. 23-29.
3. Мухина, Ю. Р. Информационная система портфолио процесса научно-исследовательской работы студентов / Ю. Р. Мухина // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2021. – Т. 13. – № 4 (54). – С. 82-89.
4. Наливайко, Т. Е. Культурная миссия университета: к вопросу о развитии личности студента в образовательном пространстве вуза / Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № IV (68). – С. 4-8.
5. Наливайко, Т. Е. Трансформация социокультурной среды вуза / Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № VIII (56). – С. 34-37.
6. Нам, Т. А. Электронное портфолио студентов как инновационная технология в высшем профессиональном образовании / Т. А. Нам // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 2. – С. 318-330.
7. Ячменева, К. А. Проектирование и разработка электронного портфолио / К. А. Ячменева, Е. Б. Абарникова // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы VI Всерос. нац. науч. конф. молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 10-14 апреля 2023 года. Т. 2. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2023. – С. 537-540.
8. Личный кабинет студента. Мой профиль // Комсомольский-на-Амуре государственный университет: сайт. – URL: <https://student.knastu.ru> (дата обращения: 08.01.2025). – Текст: электронный.
9. Положение о стипендиальном обеспечении и других формах материальной поддержки студентов и аспирантов очной формы обучения, слушателей подготовительного отделения // Комсомольский-на-Амуре государственный университет: сайт. – URL: https://knastu.ru/media/files/page_files/page_425/omk/sto/sto_f_002-2020/STO_F.002-2020__izm_%E2%84%96_8.pdf (дата обращения: 08.01.2025). – Текст: электронный.
10. Об утверждении порядка назначения государственной академической стипендии и (или) государственной социальной стипендии студентам, обучающимся по очной форме обучения за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета, государственной стипендии аспирантам, ординаторам, ассистентам-стажёрам, обучающимся по очной форме обучения за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета, выплаты стипендии слушателям подготовительных отделений федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, обучающимся за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 1663 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420390194> (дата обращения: 08.01.2025). – Текст: электронный.
11. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902389617> (дата обращения: 08.01.2025). – Текст: электронный.

ИСТОРИЯ HISTORY

Абабкова Н. Н.
N. N. Ababkova

ТЕАТР РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА

THEATER OF WORKING YOUTH IN THE HISTORY OF THE SOVIET CITY

Абабкова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-419. E-mail: ababkova70@mail.ru.

Natalia N. Ababkova – PhD in History, Associate Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27; tel. +7(4217)528-419. E-mail: Ababkova70@mail.ru.

Аннотация. В статье исследована проблема развития театрального творчества в г. Комсомольске-на-Амуре в первые годы его строительства. Подвергнуты анализу исторические условия, в рамках которых появилась возможность создания театра нового типа, а также роль субъективного фактора в его становлении. Определён механизм реализации театром задач культурного просвещения молодых строителей города, обозначенных в программных документах партийного руководства страны. Работа театра, представленные им постановки были направлены не только на воспитание идеально-нравственных ценностей, но и на решение вопросов организации досуга молодёжи, поднятия боевого духа. Рассмотрено материальное положение ТРАМ, состав участников. Работа театра проходила в тяжёлых условиях, связанных с суровым дальневосточным климатом, бытовыми проблемами, отсутствием специального помещения, реквизитов, навыков актёрского мастерства у его участников. Автор анализирует роль местного ТРАМа, особенности функционирования, отличительные черты, а также степень его влияния на культурную жизнь строящегося города.

Summary. The article examines the problem of the development of theatrical creativity in Komsomolsk-on-Amur in the early years of its construction. The historical conditions, under which it became possible to create a new type of theater, as well as the role of the subjective factor in its formation, are analyzed. The mechanism of the theater's implementation of the tasks of cultural education of young city builders, outlined in the program documents of the country's party leadership, has been determined. The work of the theater and the productions presented by it were aimed not only at fostering ideological and moral values, but also at solving issues of organizing leisure activities for young people and raising their morale. The financial situation of TWYs and the composition of participants are considered. The work of the theater took place in difficult conditions associated with the harsh Far Eastern climate, domestic problems, lack of special facilities, props, and acting skills among its participants. The author analyzes the role of the local TWY, the peculiarities of its functioning, its distinctive features, and the extent of its influence on the cultural life of the city under construction.

Ключевые слова: театр рабочей молодёжи, г. Комсомольск-на-Амуре, молодёжь, спектакль, самодеятельность, энтузиазм.

Key words: theater of working youth, Komsomolsk-on-Amur, youth, performance, amateur performance, enthusiasm.

УДК 792.03(571.62)

Сегодня, как и в первые десятилетия XX века, Россия переживает рубежный период своей истории. Процессы трансформации политической и экономической системы, смена идеологии, культурных приоритетов требуют обращения к вопросу о степени влияния происходящих изменений на деятельность институтов культуры.

Современный театр многолик [6, 130]. Наряду с традиционностью, сохранившей классическое представление о взаимоотношении зрителя и актёра, по-прежнему большой популярностью пользуются театральные коллективы, чья деятельность основана на базовых трамовских принципах. К ним относятся крепкий коллектив, сплочённый единой целью и идеей, оригинальный ре-

пертуар, сформированный на работах не только именитых авторов, и собственный зритель [14, 28]. Театр рабочей молодёжи (ТРАМ) как продукт особого времени – созидания новой эпохи – имеет свои недостатки. Тем не менее ключевые идеи ТРАМов в настоящее время активно используются многими современными молодёжными самодеятельными и профессиональными театральными коллективами. В этом контексте исторический опыт формирования и развития русского театра в условиях трансформации социально-экономической и политической системы представляется важным для изучения.

История возникновения театров рабочей молодёжи в СССР в 1920-30-е годы, их идеи, принципы, особенности творчества рассмотрены в трудах А. И. Пиотровского [13], В. М. Мироновой [10], Л. Д. Прохоровой [14].

Региональная специфика театральной самодеятельности в первые десятилетия советской власти исследована в работах Т. В. Гавриловой [4], О. А. Осечкиной [11] и др.

Особенностям развития театра на Дальнем Востоке СССР в годы первых пятилеток, появлению новых форм театрального творчества, в том числе трамовского движения, посвящены исследования Н. Г. Кулинич [9], Э. В. Осиповой [12], Е. В. Спешиловой [15].

Большинство исследователей в своих научных изысканиях едины в том, что государственная политика в отношении театра в 1920-1930-е годы была противоречивой. С одной стороны, приоритеты политического развития были направлены не в пользу культуры. Такой подход объясняется тяжёлым экономическим положением молодой страны [4, 362]. С другой – новые исторические реалии требовали большей активности и вовлечённости масс в процесс строительства государства нового типа. Именно эти задачи стали первоочередными перед учреждениями культуры того времени и предопределили возникновение ТРАМов.

История трамовского движения в Советском Союзе началась 21 ноября 1925 года, когда в Ленинграде театром ТРАМ-Лентрам был поставлен спектакль «Сашка Чумовой» [10, 91].

Вслед за Лентрамом театры рабочей молодёжи появились в Москве и многих других городах. Расширение в стране трамовского движения повлияло на создание при ЦК ВЛКСМ Центрального Совета трамов, который стал аккумулятором и организатором их работы. Совет разрабатывал и утверждал организационно-правовые документы театров, важнейшим из которых был устав. Уставом закреплялся правовой статус театров, структура, права, обязанности, возраст участников (от 16 до 23 лет) [14, 28]. Документы определяли также основные принципы работы театров, созвучные с насущными вопросами строительства государства нового типа.

Советское руководство отводило ТРАМам ведущую роль, прежде всего, в вопросах воспитания молодёжи – будущих строителей коммунизма. Оно видело в них активных организаторов досуга и отдыха, членов отрядов энтузиастов массовиков-затейников [14, 27]. Именно поэтому в культуре эпохи первых пятилеток ТРАМ утверждался как одна из его смысловых доминант. Он стал образом времени, что позволило ему острее и яснее других действующих учреждений культуры выразить массовую захваченность молодых людей идеей построения справедливого и счастливого нового общества [11, 125].

Вопрос функционирования театров рабочей молодёжи был поставлен на контроль партийных органов. В мае 1927 года на Всесоюзном партийном совещании по проблемам театрального дела при Агитпропе ЦК ВКП(б) была определена официальная концепция советского театра исключительно как орудия политического воздействия. Дальнейшее развитие стратегии нашло отражение в постановлении СНК РСФСР, принятом в 1928 году, об организации в составе Наркомпроса особого органа – Главискусства. В условиях строительства новой советской культуры Главискусству предписывалось осуществлять идеологический контроль во всех учреждениях культуры, в том числе в театрах [12, 182].

Театры рабочей молодёжи появились в непростое для страны время на стыке народного и профессионального искусства. Такое «серединное» положение ТРАМа усилилось к 1930-м годам и подверглось резкой критике со стороны наиболее идейной части творческой интеллигенции того времени. Её представители называли ТРАМ театром нового типа, механизмом, формирующим политическое сознание советской рабочей молодёжи. В. В. Маяковский 16 января 1930 года на оче-

редном Пленуме РЕФ выступил с докладом, в котором значимое место уделил трамовскому движению, его особому месту в новых исторических реалиях. Он подчёркивал, что методы и подходы, используемые театром, актуальны и востребованы советским народом. Поэтому важно сохранить присущую ТРАМам самобытность и ведущее место в деле агитации и воздействия на массы и не допустить их перехода в театр зрелищ, т. е. в профессиональный театр [3].

Российский филолог, драматург, театральный критик А. И. Пиотровский также критиковал попытки ТРАМа использовать традиционность театра. Анализируя работу первых ТРАМов, он отмечал их особое предназначение в трансляции «художественной правды и творческого здоровья». Автор отмечал, что, несмотря на творческую примитивность и неуклюжесть, ТРАМ является театром «боевым и, несомненно, реалистическим» [13, 538].

Позиция отказа от традиционного театрального наследия и классической драматургии с целью не попасть под влияние профессионального театра нашла своё отражение в работе первой конференции трамовского движения. В принятой на ней резолюции ТРАМам запрещалось использовать в своих репертуарах классические пьесы [14, 28].

К середине 1930-х годов ТРАМов в стране насчитывалось более 300. Трамовское движение объединяло в своих рядах свыше 16 тысяч представителей рабочей молодёжи [14, 28]. В годы первых пятилеток ТРАМы получили широкое распространение и действовали практически во всех регионах СССР, в том числе на советских новостройках.

На Дальнем Востоке трамовское движение началось с 1930-х годов открытием первых театров в Чите и Владивостоке [12, 183]. Наибольшее распространение в регионе это движение получило к концу первой пятилетки.

В г. Комсомольске-на-Амуре ТРАМ приобрёл особую популярность, поскольку его деятельность была напрямую связана с активистами комсомольского движения и агитационной работой [12, 183]. Жизнь первостроителей города, сопряжённая с тяжёлой работой, суровым климатом, отсутствием элементарных бытовых условий, сегодня представлена их воспоминаниями, которые являются ценными историческими источниками, свидетельствующими о трудной и героической судьбе города на Амуре.

Партийное руководство способствовало развитию самодеятельного искусства и всячески поощряло организацию драматических кружков, агидбригад, функционировавших при избах-читальнях, народных домах, клубах.

Ещё до появления ТРАМа в первом рабочем клубе «Ударник», построенном на первом жилом квартале г. Комсомольска-на-Амуре, была организована агитбригада.

Руководитель агидбригады Борис Выбицкий и комсорг Григорий Пойда проделали большую агитационную работу по привлечению молодых людей к общественной работе. Далеко не все молодые люди проявляли интерес к самодеятельности. Его отсутствие объяснялось тяжёлыми условиями труда и быта, отсутствием нормального помещения и др. В своих воспоминаниях А. М. Кузина (первостроитель города, участница заводской агидбригады, впоследствии ставшая актрисой драматического театра) отмечала, что внешне клуб больше походил на конюшню с маленькими под самую крышу окнами (такая постройка значительно экономила печное тепло). Но тем не менее бытовые неудобства не мешали в свободные от субботников вечера собираться в нём и готовить выступления для строителей города [2, 483].

Участники агидбригады придумывали «живые газеты», прославляли заводских рабочих за их нелёгкий самоотверженный труд, чествовали ударников и клеймили бракоделов и лодырей. Несмотря на непрофессионализм и отсутствие сценического опыта, игра самодеятельного коллектива была искренней, поэтому все представленные концертные номера были встречены заводчанами тепло и радушно [2, 483]. В агидбригаду входили Мария Дорошева, Семён Ратнер, Валентина Ко-четкова, Надежда Аверьянова, Нина Боровицкая, Анатолий Карпушенко, Константин Варчуков. Большинство из них впоследствии стали актёрами ТРАМа. Созданный театр возглавил Михаил Михайлович Мистрюков.

Формирование репертуара театра проходило непросто. В советской драматургии в годы становления трамовского движения практически отсутствовали пьесы о героической жизни моло-

дёжи. Поэтому чаще всего они создавались силами каждого отдельного коллектива. Соответственно, в их основу ложились местные сюжеты, очень близкие и понятные своему зрителю. Но иногда в работе театров использовался опыт центральных трамов – Ленинградского и Московского, – в том числе в вопросах репертуарной политики [14, 28]. Комсомольский-на-Амуре ТРАМ не стал исключением. Большой отклик у строителей города имел спектакль «Квадратура круга», поставленный по одноимённой пьесе В. Катаева [2, 483]. В пьесе, написанной в 1927 году, нашли отражение все жизненные реалии того времени: восстановление страны после гражданской войны, НЭП, пересмотр ценностей, определение своего места в меняющемся мире. Через призму исторических событий автор показал многогранную жизнь молодёжи, со всеми её трудностями и насущными проблемами. С интересом зрители приняли и постановку «Дружная горка» [2, 483]. Впервые этот спектакль был поставлен Ленинградским ТРАМом в 1929 году. Показы прошли успешно. Зрителя привлек в постановке отказ от традиционного взгляда на молодёжь прежде всего как на юного строителя коммунизма. Комсомольцы, являясь главными героями спектакля, были поставлены в особую неформальную обстановку летнего отдыха. Переплетение традиционного идейного поведения с романтическими отношениями и любовными переживаниями, а также удачно подобранное лирическое музыкальное сопровождение способствовали созданию понятного для всех, лёгкого, жизнеутверждающего спектакля. Успешные премьеры постановки в центральном регионе страны, интересная сюжетная линия, лёгкость восприятия способствовали обращению комсомольского ТРАМА к данному сюжету.

В своей деятельности комсомольские трамовцы сталкивались не только с бытовыми трудностями. Малочисленность коллектива, а также отсутствие у большинства его членов навыков актёрского мастерства и сценической речи отражались на качестве постановок. Однако чаще всего им удавалось донести до своего зрителя авторские идеи, о чём свидетельствуют тёплые воспоминания зрителей и самих участников.

Важное место в работе Комсомольского-на-Амуре ТРАМА занимали нечастые, но очень плодотворные творческие встречи с театрами из других регионов страны. Участники обменивались опытом, делились друг с другом творческими находками, обсуждали злободневные темы для будущих спектаклей. Для театра дальневосточной окраины такие встречи были важны и необходимы, поскольку они являлись тонкой, но очень значимой связующей нитью с центром страны. Одна из таких встреч состоялась в честь празднования второй годовщины строительства города, участниками которой стали гости из Ленинграда и ТРАМ из Свердловска [1].

Творчество ТРАМА регулярно освещалось на страницах городской газеты и в радиовыпусках комсомольского радио, где наряду с новостями государственного масштаба широкую популярность получили заметки о жизни строящегося города [5, 12].

Со временем популярность ТРАМов в стране заметно снизилась. Во многом на это повлияло развитие советской драматургии. «Серединное» положение ТРАМов, которое так беспокоило критиков, не могло долго сохраняться. В результате многие из них прекратили своё существование либо были преобразованы в профессиональные театры [14, 28].

Комсомольский-на-Амуре ТРАМ также не смог пройти испытание временем и сохранить свою самостоятельность. Причинами того стали серьёзные проблемы, с которыми столкнулись молодые энтузиасты – строители города. О них в своём выступлении на X съезде ВЛКСМ в апреле 1936 года заявлял секретарь Комсомольского-на-Амуре горкома ВЛКСМ И. И. Минкин. С трибуны съезда он рапортовал, что в строящемся городе очень слабо удовлетворяются культурные запросы молодёжи, прибывшей из всех регионов СССР. Несмотря на то что в новостройке есть немало талантливых ребят, желающих заниматься творчеством, мало внимания уделяется театру, клубной работе [8, 125].

Проблемы культурного строительства в г. Комсомольске-на-Амуре были обозначены и председателем горисполкома В. М. Пеговым в ноябре 1938 года. В докладе «О состоянии города» он указывал, что ситуация с организацией досуга крайне сложная. Учреждения культуры были представлены только двумя клубами, один из которых – «Ударник» – находился в аварийном состоянии, поэтому подлежал сносу. Кроме того, клубы были пригодны преимущественно для де-

монстрации кинофильмов, а не клубной работы. Число мест в обоих клубах составляло 1300, что совершенно не отвечало запросам и нуждам растущего городского населения. В результате, отмечал Пегов, среди молодёжи усилились «уродливые явления, такие как пьянство, картёжная игра, драки и прочие случаи бытового разложения» [8, 168]. Отсутствие материальной базы, элементарных бытовых условий, помещений, костюмов и декораций, малограмотность и низкий художественный уровень мастерства участников были не единственной причиной свёртывания трамовского движения. Свою роль сыграли создание и деятельность профессионального театра, который зародился из заводских агидбригад, ТРАМа и заводской театральной студии [2, 486].

Несмотря на ряд противоречий и недостатков, трамовское движение в строящемся советском городе сыграло немалую роль в художественном воспитании молодёжи, сделав её не только зрителем, но и активным участником театрального процесса [14, 28]. Введение им в практику метода коллективного творчества в процессе создания спектакля, использование актуальных тем были впоследствии учтены в работе городских профессиональных и народных театров, театральных студий, самодеятельных коллективов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурский ударник. – 1934. – 11 мая. – № 115.
2. Амурские корабельы: Документы. Очерки. Статьи. Воспоминания ветеранов. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971. – 518 с.
3. Выступления на пленуме РЕФ 16 января 1930. Доклад. // Цифровая тематическая библиотека «Владимир Владимирович Маяковский». – URL: <http://v-v-mayakovskiy.ru/> (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.
4. Гаврилова, Т. В. Театральное творчество в Пензенском крае в 1920-1930-е гг. / Т. В. Гаврилова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 362-367.
5. Евсейчик, Д. Е. Развитие радиовещания в Комсомольске-на-Амуре и его значение для города / Д. Е. Евсейчик, Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II (50). – С. 11-15.
6. Загребин, С. И. Современный российский театр: вариации коммуникативных практик / С. И. Загребин, К. А. Тухватулина // Социум и власть. – 2017. – № 3 (65). – С. 128-134.
7. Карпеченко, В. В. Социокультурное значение трам'овского движения в Приморье в 1930-е гг. / В. В. Карпеченко // Культурное наследие России. – 2020. – № 4 (31). – С. 34-39.
8. Комсомольск-на-Амуре. Страницы истории: сборник документов об истории строительства и развития города Комсомольска-на-Амуре. – Хабаровск: Изд-во Хворова А. Ю., 2012. – 624 с.
9. Кулинич, Н. Г. История повседневной культуры городского населения Дальнего Востока РСФСР в 20-30-е гг. ХХ в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Кулинич Наталья Геннадьевна. – Хабаровск, 2013. – 42 с.
10. Миронова, В. М. ТРАМ: Агитационный молодёжный театр 1920-1930-х гг. / В. М. Миронова. – Ленинград: Искусство, 1977. – 127 с.
11. Осечкина, О. А. Театр рабочей молодёжи как универсалия культуры первых пятилеток (к 80-летию театра рабочей молодёжи г. Магнитогорска) / О. А. Осечкина // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 3 (70). – С. 124-126.
12. Осипова, Э. В. Дальневосточный театр в условиях общественных трансформаций 20-30-х годов ХХ в. / Э. В. Осипова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (42). – С. 179-186.
13. Пиотровский, А. И. Театральное наследие – исследования, театральная критика, драматургия: в 2 т. «Сотрудники Российского института истории искусств». Т. I: Публикации А. И. Пиотровского в периодических изданиях 1919-1937 гг. / Рос. ин-т истории искусств; сост., вступ. ст., прилож., comment. А. А. Теплов; науч. ред., comment. А. Ю. Ряпосов. – СПб.: НП «Балтийские сезоны», 2019. – 1104 с.
14. Прохорова, Л. Д. Театры рабочей молодёжи (ТРАМы) в истории развития советского театра 20-30-е годы / Л. Д. Прохорова // Омский научный вестник. – 1999. – № 7. – С. 27-28.
15. Спешилова, Е. В. Развитие художественной самодеятельности в Приморье в 1930-е гг. / Е. В. Спешилова // КЛИО: Прошлое регионов России. – 2013. – № 6 (78). – С. 78-80.
16. Тухватулина, К. А. Культурная политика в сфере театрального искусства в 1917-1932 гг. / К. А. Тухватулина // Социум и власть. – 2009. – № 4. – С. 94-98.

Гореликов А. И.

A. I. Gorelikov

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ

INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN ARCTIC: SEARCH FOR NEW SOLUTIONS

Гореликов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Публичное и частное право» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27; тел. 8(962)298-80-90. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Andrey I. Gorelikov – PhD in History, Associate Professor, Public and Private Law Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave. 27; tel. 8(962)298-80-90. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам разрабатываемой по поручению Президента РФ В. В. Путина Концепции национальной политики развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. С позиции социальной истории исследованы процессы трансформации этнических сообществ в рыночном пространстве современной России. Выявлен комплекс проблем, вызванных происходящими преобразованиями российской Арктической зоны. Проанализированы факторы рисков и угроз техногенных и антропогенных нагрузок на биоресурсы территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов. Обоснована необходимость поиска новых решений жизнедеятельности коренных малочисленных народов по привлечению к совместному участию промышленных разработок редких и драгоценных металлов, освоения вновь открытых топливно-энергетических месторождений, развития транспортной инфраструктуры прибрежного Северного морского пути.

Summary. The article is devoted to topical issues of the Concept of National Policy for the Development of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East, which is being developed on behalf of the President of the Russian Federation V.V. Putin. From the perspective of social history, the processes of transformation of ethnic communities in the market space of modern Russia are studied. A set of problems caused by the ongoing transformations of the Russian Arctic zone has been identified. The risk factors and threats of man-made and anthropogenic loads on the biological resources of the territories of traditional nature use of indigenous peoples are analyzed. The necessity of searching for new solutions to the vital activities of indigenous small-numbered peoples to involve industrial developments of rare and precious metals, the development of newly discovered fuel and energy deposits, and the development of the transport infrastructure of the coastal Northern Sea Route is substantiated.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, национальная политика, Российская Арктика.

Key words: indigenous peoples, national policy, Russian Arctic.

УДК 323.1

В экономическом развитии России наступившего столетия особое место занимает программа масштабных преобразований территории Севера России. В мировом пространстве Арктика – уникальный регион, где сосредоточены гигантские запасы всего человечества. На площади 27 млн км² залегает около трети всех мировых запасов природного газа, 13 % запасов нефти [14]. Арктическая зона России составляет около 28 % территории страны, в границах которой обнаружено более 100 видов богатейших полезных ископаемых. К числу наиболее значимых относятся редкоземельные металлы: вольфрам, олово, свинец, цинк, медь. Определяющее значение имеют запасы золота, алмазов, серебра, цветных камней – нефрита, сердолика. Промышленное освоение крупных месторождений полезных ископаемых Арктической зоны во многом зависит от развития энергетической и транспортной инфраструктуры. Территория российской Арктики характеризует-

ся как экстремально дискомфортная для проживания. Глубина вечной мерзлоты составляет до 1,5 км. Средняя продолжительность отопительного периода превышает 9 месяцев [18].

По данным переписи населения 2010 г., в границах российской Арктической зоны (Мурманская область, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Саха) проживает 17 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с общей численностью более 150 тыс. человек: ненцы, саами, долганы, эвенки, эвены, эскимосы, чукчи и др. Плотность населения в 15 раз меньше, чем в местах проживания малочисленных этносов Сибири и Дальнего Востока, и составляет 0,04 человека на 1 км² [17]. Каждому из этих народов присущ выработанный веками опыт выживания в крайне неблагоприятных климатических и природных условиях: длительная полярная ночь с суровыми морозами, короткое лето, хрупкая природная среда вечной мерзлоты. Бережное отношение к природным биоресурсам, сохранение традиционных ценностей, своеобразные черты ментальности обеспечивают не только выживание в условиях Арктики, но и устойчивое существование [9].

Жизнь и трудовая деятельность по-прежнему связаны с оленеводством, рыбным и морским зверобойным промыслом, охотой и звероводством. На жизнедеятельность, как и прежде, существенное влияние оказывают хозяйственная активность нефтегазовых, горнорудных и иных компаний, развивающаяся прибрежная транспортная инфраструктура, связанная с Северным морским путём.

В связи с освоением природных ресурсов остро стоит вопрос сохранения территории исключенного проживания малочисленных этносов Арктической зоны, сбережения их этнического цивилизационного потенциала. Особое внимание обращено сохранению природных комплексов экосистемы, биологических ресурсов территорий со статусом «национальные», защите и сохранению среды обитания, традиционного хозяйствования, самобытной культуры, родных языков [5].

Выступая на IV Международном форуме «Арктика – территория диалога» В. В. Путин особое внимание обратил на необходимость бережного отношения со стороны государства к сохранению самобытности культуры, традиций коренных малочисленных народов, повышения качества их жизни при разработке и принятии долгосрочных программ развития Российской Арктики [4].

Переход к рыночным отношениям, неприспособленность традиционного, сложившегося в советский период хозяйствования к новым экономическим реалиям существенно осложнили социально-экономическую ситуацию в местах проживания коренного населения. Сокращение объёмов добывающих отраслей (оленеводство, рыболовство) привело к резкому снижению доходов, падению уровня жизни. В свою очередь климатические изменения (фактор потепления) привели и продолжают вести к сокращению биоресурсов [6].

Рынок поставил перед коренными малочисленными народами множество проблем адаптации к резко изменившимся условиям жизни «социального одиночества». Без государственной поддержки, как считают специалисты, формируются факторы угроз сохранения самобытной цивилизации наименее малочисленных этносов [11]. Например, энцев осталось порядка 200 человек, представителей народа воль – менее 100 человек. Для более многочисленных групп отмечается нарастание тенденции чрезвычайной уязвимости [16].

Проведённый анализ жизнедеятельности коренных малочисленных народов, занимающихся оленеводством, свидетельствует, что в советский период данной отраслью занималось почти всё население Арктической зоны. Оленье стадо достигало 2,2 млн голов. К настоящему времени численность оленей составляет 1,5 млн голов [15]. На Чукотке стада оленей коренного населения сократились более чем в три раза, лов рыбы – в два раза [13].

В настоящее время оленеводством занимается до 6,5 тыс. человек. В том числе ненцы – 3,7 тыс. человек, чукчи – 1,5 тыс. человек. Средняя месячная зарплата оленеводов в 2015 г. составляла 19 тыс. рублей, в то время как среднемесячная – 70 тыс. рублей в национальных округах [6]. Приведённые данные позволяют судить об уровне и качестве жизни коренных малочисленных народов, занимающихся традиционными видами хозяйствования. Как следствие, у 12 коренных малочисленных народов Арктической зоны отмечается естественная убыль населения. Коэффициент рождаемости в 1990 г. резко снизился, упал с 31,9 на одну тыс. человек до 16,2 в 2003 г. [2].

В связи с этим на первый план вышла задача создания условий сохранения численности коренных малочисленных народов, их устойчивого развития. Распоряжением Правительства РФ была утверждена научно обоснованная долгосрочная программа развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Приоритетом стратегии национальной концепции 2009-2025 гг. является реализация экономических, социальных, культурных, экологических интересов коренных малочисленных народов, для чего государством было выделено 1,3 трлн рублей [10].

Освоение и развитие российской Арктической зоны с 2014 г. осуществляется в рамках сбалансированной государственной экономической политики. Интенсивное освоение топливно-энергетических ресурсов, масштабная промышленная разработка месторождений редких и драгоценных металлов, развитие транспортной инфраструктуры способствуют резкому численному приросту населения из центральных районов страны [12]. Всё это, несомненно, формирует техногенные и антропологические нагрузки на природную среду Арктической зоны. Справедливо отметить, что реализуемая программа освоения Арктики вместе с тем включает комплекс экономических, социальных, демографических, культурно-образовательных направлений повышения качества жизни коренных народов, сохранения среды обитания [8].

Одновременно создаётся сеть опорных пунктов промышленного освоения, научных центров с целью выявления влияния воздействия техногенных, антропогенных и климатических факторов, создающих угрозу традиционным видам деятельности коренных малочисленных народов. Несомненно, повышенный интерес у исследователей вызвал вопрос рационального использования сохранившихся «кормящих ландшафтов» и убывающих биоресурсов, составляющих основу жизнедеятельности, самого существования коренных народов [7].

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема выстраивания отношений коренных малочисленных народов с государством, хозяйствующими субъектами. Примером может служить опыт совместного экономического взаимодействия промышленной компании «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь», длительное время осваивающей топливно-энергетические ресурсы на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа. Компания принимает активное участие в жилищно-коммунальной сфере коренных малочисленных народов, национальном образовании, культурном развитии, строительстве детских садов, школ, медицинских учреждений, спортивных объектов, выделяет средства на ведение традиционных видов хозяйствования, сбыта продукции. Очевидна необходимость на основе данного опыта создать механизмы государственного управления социально-экономическим развитием национальных территорий Арктической зоны [15], что может стать основой устойчивого развития этой территории.

Специалисты вместе с тем обращают внимание на достаточно эффективный мировой опыт социально-экономического партнёрства между государством, добывающими компаниями и коренными малочисленными народами Арктических стран. Сотрудничество на основе договорных контрактных отношений позволяет решать жизненно важные вопросы аборигенов, в первую очередь в социально-экономической сфере, сохранении и экологической защите окружающей среды [19]. Контрактные отношения позволяют организовать многостороннее сотрудничество между государством, бизнесом и непосредственно коренными малочисленными народами. Заключение договорных отношений в первую очередь решает жизненно-важные вопросы в области экономики, социальной сфере, защите окружающей природной среды национальных образований.

Рассматриваемая проблема всё больше получает развитие, усиливает необходимость в разрабатываемой Концепции национальной политики рассматривать коренные малочисленные народы Российской Арктики как особую категорию населения, занимающую ведущую роль в определении этничности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, своего места в национальном проекте освоения ресурсов Арктической зоны.

Для более полного понимания возникших факторов рисков и угроз, оценки степени их воздействия на сохранение и развитие коренных малочисленных народов целесообразно обратиться к новым методологическим подходам, сформировавшимся в последние годы. Применённый автором системно-синергетический подход позволил достаточно эффективно провести исследование

возникших факторов вызовов и угроз. Они непростые и нарастают как вызовы, требующие ответа, что ожидает коренные малочисленные народы в ближайшем будущем. В силу своей универсальности названный подход дал возможность выявить механизмы, создающие условия для стабильного динамичного развития экономики этнических сообществ, обосновать необходимость особого внимания на составляющие логическую цепь сохранения традиционных ценностей коренных малочисленных народов Арктической зоны при их интеграции в общую систему совместного освоения её ресурсов.

Цивилизационный подход открыл возможность исследовать особенности современного экономического, социально-культурного развития этнических сообществ, понять природу процессов, связанных с развитием существовавших ранее и существующих сегодня количественных и качественных составляющих материальной, социальной, культурной жизни коренных малочисленных народов обширной территории Севера.

Проведённый на основе применения обозначенных методологических подходов анализ реализуемой Концепции развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. выделяет приоритеты устойчивого развития проживающих на этих территориях коренных малочисленных народов [1]. К числу важнейших следует отнести: создание совместной инфраструктуры в местах традиционного проживания, привлечение к совместной работе по освоению почти нетронутых полезных ископаемых.

Следует отдельно подчеркнуть, что предпринимаются государственные меры поиска новых вариантов совместного участия коренных малочисленных народов и разрабатывающих компаний по освоению ресурсов Арктики. Учёт возникших факторов рисков и угроз, научно обоснованных выводов и предложений позволит получить эффективную конструкцию разрабатываемого по поручению Президента РФ национального проекта государственной национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, осознать необходимость учёта особенностей социально-экономических преобразований с участием коренных малочисленных народов Арктической зоны. Ставшие неизбежной особенностью масштабные преобразования на территориях компактного обитания этнических сообществ обеспечивают нивелирование экономического и культурного многообразия, постепенное уничтожение их традиционного образа жизни [20].

Более глубокое исследование влияния цивилизации и промышленного освоения Арктической зоны на изменение традиционного образа жизни подтвердило его разрушительный и в целом необратимый процесс [3]. Это является причиной высокого уровня ментальных проблем, ведёт к утрате чувства принадлежности к самой этнокультурной общности. Иностранные специалисты обозначают это явление как «этнопсихологические» факторы. Основным критерием выступает не фактор этничности, а образ жизни в суровых условиях Арктики, активное участие в социально-экономической программе [21].

Как можно видеть, новые решения следует рассматривать в контексте государственной программы развития Арктики. При этом было бы целесообразным использовать опыт арктических стран: закрепить за национальными образованиями часть доходов добывающих компаний, определить меры государственной поддержки среднего и малого бизнеса, родовых общин, обеспечивающих занятость коренного населения, особенно сохранение и развитие семейного оленеводства как наиболее незащищённого вида хозяйственной деятельности в рыночных условиях. Новой тенденцией хозяйственной деятельности становится система специализации (звероводство, глубокая переработка добываемых биоресурсов).

Автор статьи разделяет высказанную рядом специалистов, на первый взгляд, необычную точку зрения, что в новой Концепции национальной политики не должно быть стратегической целью «сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни» коренных малочисленных народов. Рассмотренные факторы не позволяют в дальнейшем сохранить в нынешних условиях состояние среды обитания. Её, как нами обозначено ранее, уже изменяют масштабность проводимых промышленных преобразований, а также факторы глобального потепления. По мере нарастания угроз техногенных и антропогенных нагрузок на природные биоресурсы происходит

резкое сокращение площадей традиционного природопользования. Этому также способствует отчуждение земель для промышленного освоения.

Интегральное воздействие названных факторов создаёт угрозу не только развитию традиционной жизнедеятельности коренных малочисленных народов, но и их сохранению в недалёком будущем. Уже сегодня остро встал вопрос сохранения этнического потенциала, черт ментальности, родного языка. К такому выводу пришли учёные Федерального центра изучения Арктики [16]. Отдельно следует признать, что сохранение традиционного образа жизни представителей коренных малочисленных народов Российской Арктики – это фактически консервация и замедление развития этнических сообществ.

Дальнейшую перспективу улучшения качества жизни коренных малочисленных народов, повышения эффективности хозяйственной деятельности необходимо отнести к приоритетам разрабатываемой по поручению Президента РФ национальной политики; обеспечение регионального природопользования, сохранение родного языка, традиций, национальных ценностей – отнести к числу основных приоритетов региональных исполнительных и законодательных органов власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, А. Н. Модернизация социально-экономической системы северных регионов России / А. Н. Алексеев // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2013. – № 4 (6). – С. 11-16.
2. АПК в условиях Крайнего Севера // Няръяна вындер (Красный трудовик). – 2015. – № 113.
3. Богданова, Е. Н. Право на охрану здоровья коренных народов Российской Арктики: «коллизионное поле» и поиск новых решений / Е. Н. Богданова, М. Ю. Зорин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432. – С. 210-217.
4. Гарипов, Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве / Р. Ш. Гарипов // Международное право и международные организации. – 2013. – № 3. – С. 408-420.
5. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 апреля 2014 г. № 366) // Информационно-правовой портал Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544266> (дата обращения: 26.01.2025). – Текст электронный.
6. Губарев, В. В Якутии значительно сократилось поголовье оленей / В. Губарев // Первый республиканский информационно-аналитический портал «SakhaNews», 2005-2025. – URL: <http://www.1sn.ru/167837.html> (дата обращения: 26.01.2025). – Текст электронный.
7. Жуков, М. А. Методологические и методические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации / М. А. Жуков // Арктика. XXI век. – 2014. – № 1. Гуманитарные науки. – С. 4-20.
8. Жуков, М. А. Проблемы нормативного правового закрепления Арктической зоны РФ / М. А. Жуков, В. Н. Крайнов // Вестник ДФО: интернет-журнал. – URL: <http://www.arctic-today.ru> (дата обращения: 26.01.2025). – Текст электронный.
9. Козлов, А. И. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур / А. И. Козлов, М. А. Козлова. – 2-е изд. – Пермь: ОТ и ДО, 2013. – 205 с.
10. Зуев, С. М. Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа / С. М. Зуев, В. А. Кибенко, Е. А. Сухова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – Т. 3. – № 3. – С. 33-44.
11. Климова, Е. В. Об избыточности и полноте в отечественной историографии: аналитический обзор исследований по культуре детства коренных малочисленных народов Дальнего Востока России / Е. В. Климова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № II-1 (41). – С. 13-17.
12. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Система нормативных документов МЕГАНОРМ. – URL: <https://meganorm.ru/Index2/1/4293744/4293744351.htm> (дата обращения: 26.01.2025). – Текст электронный.
13. Лашов, Б. В. Коренные народы Российской Арктики / Б. В. Лашов // Арктика. XXI век. – 2017. – № 1. Гуманитарные науки. – С. 44-51.
14. Международно-правовой статус Арктики: досье // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/895685> (дата обращения: 26.01.2025). – Текст электронный.

15. Обедков, А. П. Проблемы сбережения и устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера России / А. П. Обедков // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – № 1. – С. 955-963.
16. Коренные малочисленные народы Российской Арктики (проблемы и перспективы развития) / В. И. Павленко, А. Петров, С. Ю. Куценко, Г. Ф. Деттер // Экология человека. – 2019. – № 1. – С. 26-33.
17. Последние данные о численности народов Севера // Учебный центр коренных малочисленных народов Севера. – URL: <https://www.csipn.ru/glavnaya/actual> (дата обращения: 26.01.2025). – Текст электронный.
18. Слепцов, А. Н. Проблема правового обеспечения качества жизни северян в Арктической зоне РФ / А. Н. Слепцов // Арктика. XXI век. – 2013. – № 1. Гуманитарные науки. – С. 4-9.
19. Слепцов, А. Н. Региональные аспекты развития Российской Арктики на примере Республики Саха (Якутия) / А. Н. Слепцов // Арктика и Север. – 2015. – № 19. – С. 115-133.
20. Чащина, С. В. Совершенствование правового регулирования вопросов жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Дальнего Востока как основа устойчивого развития цивилизации / С. В. Чащина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II-2 (66). – С. 77-82.
21. Anderson I., Robson B., Conolly M. et al. Indigenous and tribal peoples' health (The Lancet–Lowitja Institute Global Collaboration): a population study // Lancet. 2016. Vol. 386. P. 1-27.

Петрунина Ж. В.

Z. V. Petrunina

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В ПРОВИНЦИЯХ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ В ХХI В.

DEVELOPMENT OF RAILWAY TRANSPORT IN THE PROVINCES OF NORTHEAST CHINA IN THE 21ST CENTURY

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.
Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Аннотация. В работе исследованы вопросы развития железнодорожного транспорта в провинциях Северо-Востока Китая в ретроспективе. Рассмотрены задачи, стоящие перед правительством КНР на современном этапе. Установлено, что с начала ХХI в. в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин проводится модернизация сети железных дорог. Наряду с дорогами, построенными в первой половине ХХ в., в регионе развивается высокоскоростная железнодорожная сеть (ВЖС). Переход к эксплуатации ВЖС способствует привлечению инвестиций в регион, положительно влияет на развитие производств, предоставляет условия активизации социально-экономической жизни в провинциях Северо-Востока Китая.

Summary. The presented scientific work examines the development of rail transport in the northeastern provinces of China in retrospect. The tasks facing the PRC government at the current stage have been considered. It has been established that since the beginning of the 21st century in the provinces of Heilongjiang, Jilin and Liaoning, the railway network is being modernized. Along with the roads built in the first half of 20th century, the region is developing a high-speed railway network (HSRN). The transition to HSRN operation promotes investment in the region, positively affects the development of production and provides conditions for the activation of social and economic life in the northeastern provinces of China.

Ключевые слова: Китай, северо-восточные провинции, железные дороги, высокоскоростная железнодорожная сеть.

Key words: China, northeastern provinces, railways, high-speed railway network.

УДК 94

В последние годы правительство КНР уделяет большое внимание развитию транспортной инфраструктуры, вкладывая значительные объёмы инвестиций в её модернизацию. В 2020 г. в развитие железных дорог было вложено около 800 млрд юаней (114,36 млрд долларов) [3]. С января по ноябрь 2024 г. инвестиции в национальный железнодорожный сектор выросли на 11,1 % по сравнению с 2023 г., составив 711,7 млрд юаней (около 99 млрд долларов) [4]. В настоящее время сеть железных дорог Китая охватывает 99 % городов с населением свыше 200 тыс. человек. В первые годы ХХI в. Китай приступил к созданию высокоскоростной железнодорожной сети (ВЖС), а уже к началу 2020-х гг. занял первое место в мире по протяжённости ВЖС. К 2024 г. высокоскоростные магистрали объединили 96 % городов страны с населением более 500 тыс. человек [1]. КНР лидировала в мире по уровню загруженности сети железнодорожных перевозок и совершенствованию железнодорожных коммуникаций, имея протяжённость железных дорог в стране 160 тыс. км, из которых 46 тыс. км приходилось на высокоскоростные магистрали [5]. В планах к 2035 г. увеличить протяжённость железнодорожной сети до 200 тыс. км с 70 тыс. км высокоскоростных линий, включая и высокоскоростные междугородние железные дороги [19].

История железных дорог в Китае началась в последней трети XIX в. В то время британские предприниматели пытались убедить власти Поднебесной принять план по строительству железных дорог в империи. Цинские чиновники сопротивлялись строительству железных дорог, полагая, что они принесут вред государству, лишив его безопасности. Несмотря на противодействие чиновников, в 1876 г. силами английских предпринимателей Woosung Road Company между Шанхаем и портом Усун был проложен железнодорожный путь протяжённостью 14,5 км. Его эксплуатация позволяла быстрее доставлять грузы в Шанхай из портов, находившихся в месте впадения реки Хуанпу в реку Янцзы [18]. Ширина колеи Усунской дороги составила 2 фута 6 дюймов (762 мм). Строительство велось без одобрения цинских властей, поэтому, проработав менее года, дорога была продана за 285 тыс. таэлей серебра Шэнь Баочжэнем, вице-королем Ляньцзяна, и в октябре 1877 г. разобрана. Рельсы и подвижной состав позже были отправлены на Тайвань. В настоящее время по этой трассе проходит часть надземной линии № 3 Шанхайского метрополитена [14].

С 1881 по 1911 гг. в Китае было построено 9,1 тыс. км железных дорог. Первая в стране народная железнодорожная ветка Пекин – Чжанцзякоу была разработана под руководством инженера Чжан Тянью и запущена в 1909 г. Скорость движения по ней составила 35 км/ч [7]. С этого времени была прекращена монополия иностранцев на строительство железных дорог в Китае.

В конце 1912 г. лидер страны Сунь Ятсен предложил план по строительству в стране 160 тыс. км железных дорог. До образования КНР в стране было проложено 17,1 тыс. км железнодорожных путей, большая часть которых в годы военных потрясений 1930 – 1940-х гг. была уничтожена, а оставшаяся плохо обслуживалась и не была электрифицирована. К началу 1950-х гг. в КНР можно было эксплуатировать лишь 23 тыс. км полотна [23]. В последующие два десятилетия масштабы железнодорожного строительства оставались незначительными. К 1978 г. Китай имел 51 700 км путей, из которых только 16 % были двухколейными. Большая часть коммуникаций возводилась в прибрежных регионах и задействовалась в перевозке грузов из морских портов [23]. При этом средняя скорость движения составляла всего 48,1 км/ч [20].

После проведения политики реформ и открытости Пекин намеревался нарастить объёмы строительства железных дорог в стране, рассматривая железнодорожный сектор как важный элемент национальной транспортной системы, без которого невозможно развитие экономики.

В 1991 г. в Китае был принят закон «О железных дорогах», который ознаменовал начало новой эпохи в расширении железнодорожной сети страны. Реорганизации подверглось управление сетью железных дорог КНР, и определены правила пассажирских и грузовых перевозок. Перед специалистами были поставлены две задачи: во-первых, нарастить потенциал и повысить качество инфраструктуры железных дорог Китая; во-вторых, реформировать отрасль, обеспечив возможность её адаптации и выживания в современной рыночной экономике [6, 534].

В первые два десятилетия XXI в. Китай совершил прорыв в модернизации железнодорожного сектора, превратил его в жизненно важный элемент национальной транспортной системы и укрепил свои лидирующие позиции в мире по созданию высокоскоростных, высокогорных, морозоустойчивых железных дорог и тяжеловесных поездов. В 2013-2021 гг. общий объём инвестиций в отрасль превысил 27 трлн юаней, а инвестиции в основной капитал железных дорог достигали 700-800 млрд юаней в год [7]. В 2004 г. была открыта железнодорожная линия на магнитном подвесе (Шанхайский маглев) протяжённостью 30,5 км. В 2006 г. была введена в эксплуатацию самая высокогорная в мире Цинхай-Тибетская железная дорога, в 2008 г. запущена высокоскоростная железнодорожная магистраль Пекин – Тяньцзинь, в 2012 г. впервые в мировой практике в районах с холодным климатом была построена скоростная высокогорная железная дорога Харбин – Далянь, в 2019 г. – интеллектуальная высокоскоростная железная дорога Пекин – Чжанцзякоу, по которой можно двигаться со скоростью 350 км/ч, несмотря на холодный климат и сильные пыльные бури. Кроме того, в 2019 г. на участке Хаолэбаоцзи – Цзиань была введена промышленная железнодорожная ветка. В 2021 г. начала функционировать высокоскоростная дорога между Пекином и Харбином. В 2021 г. в Циндао с конвейера сошёл поезд на магнитной подушке (маглев), способный разгоняться до 600 км/ч [7]. К 2021 г. общая протяжённость китайских железных дорог

превысила 150 тыс. км, более 40 тыс. км из которых были высокоскоростными [7]. Это позволило увеличить объёмы пассажирских и грузовых перевозок, а также обеспечить условия для деловых поездок и привлечения туристов.

Национальная железнодорожная сеть даёт импульс развитию отдельных регионов Китая, позволяя приблизиться к решению задач, обозначенных в 9-м (1996-2000 гг.) и 11-м (2006-2010 гг.) пятилетних планах, направленных на ликвидацию регионального неравенства, а также в планах 12-й (2011-2015 гг.), 13-й (2016-2020 гг.) и 14-й (2021-2015 гг.) пятилеток.

В последние несколько десятилетий Северо-Восток Китая (включает территории провинций Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь и восточные части автономных районов Внутренней Монголии) столкнулся с проблемами истощения ресурсов и оттока населения. Исторически признанный традиционной промышленной базой страны и давший жизнь первому автомобилю, первому реактивному самолёту и первому 10 000-тонному судну, этот регион получил прозвище «Ржавый пояс» [22]. Однако с начала ХХI в. отношение китайского руководства к занимающему уникальному географическое и важное геостратегическое положение, обладающему значительными природными богатствами региону стало меняться [11; 13], что нашло отражение в документе «Мнения ЦК КПК и Госсовета относительно реализации стратегии возрождения Северо-Востока и других старых промышленных баз», изданном КПК в октябре 2003 г.

Железнодорожная сеть Северо-Востока Китая связана с другими районами страны. В провинциях этой части Китая продолжают эксплуатироваться дороги, построенные ещё на рубеже XIX – XX вв. или в середине XX в. С 1953 г. на территории Маньчжурии действует Харбинская железнодорожная дорога (в разные годы называлась Китайско-Восточная, Маньчжурская, Китайская Чанчуньская железнодорожная дорога), которая была построена русскими специалистами в 1898 г. как южная ветка Транссибирской железнодорожной магистрали. Большой объём грузовых и пассажирских перевозок проходит по магистрали Харбин – Чанчунь – Шэньян – Далянь (Дальний). По ней осуществляется товарообмен между севером и югом региона. В северном направлении Харбин через Суйхуа и Хайлунь соединяется с городом Бэйань (Биньбэйская железнодорожная дорога), находящимся вблизи от российского г. Благовещенска. На северо-запад от Харбина проходит дорога по линии к городам Цицикар, Хайлар и Маньчжурия, позволяющая выйти к Забайкальскому краю РФ. К западным территориям от ветки Харбин – Далянь уходят железнодорожные линии Шэньян – Шаньхайгуйань, Цзиньчжоу – Губэйкоу, Синьминь – Исянь, Дахушань – Шуайляо (Чжэнцзятунь), Сыпин – Цицикар и другие. Наряду с пассажирскими перевозками по железным дорогам северо-восточного Китая перевозят грузы, транспортируют металлы, каменный уголь, продукцию сельского хозяйства.

К началу ХХI в. стало понятно, что пропускная способность действующих путей не удовлетворяет потребности провинций Северо-Востока Китая. С некоторым отставанием от других частей страны в регионе началось строительство высокоскоростных железных дорог. В декабре 2012 г. между столицей провинции Хэйлунцзян г. Харбином и портом провинции Ляонин г. Далянем была проложена высокоскоростная железнодорожная дорога, которая пересекает три провинции Северо-Востока Китая. По ней курсируют передовые подвижные составы, способные функционировать при температуре -40°C [2]. За 10 лет после открытия по этому пути было перевезено 670 млн человек [10].

В августе 2015 г. начала эксплуатироваться самая северная скоростная железнодорожная дорога Китая, проложенная между Харбином и Цицикаром, строительство которой стартовало 30 ноября 2009 г. [16].

Опыт, полученный в ходе строительства дороги Харбин – Далянь, был учтён в процессе прокладывания высокоскоростной линии Чоян – Линхай в провинции Ляонин, которая была открыта в августе 2021 г. При строительстве магистрали были применены новые технологии, позволяющие учесть разницу между дневными и ночных температурами, улучшить водонепроницаемость настила железнодорожных мостов и обеспечить безопасность пассажирских перевозок при скорости до 300 км/ч [8].

В 2021 г. была введена в эксплуатацию и высокоскоростная железная дорога Муданьцзян – Цзямусы провинции Хэйлунцзян, которая включает в себя 173 новых моста и 34 туннеля. Проектная скорость движения поездов по ней составляет 250 км/ч, что сокращает время в пути между двумя городами с 4 ч 50 мин до 2 ч 10 мин [15].

В сентябре 2022 г. началось строительство проходящего через зону вечной мерзлоты участка высокоскоростной железной дороги, соединившей города Харбин, Тели, Ичунь и несколько других городов [9]. Руководство КНР полагает, что после ввода в эксплуатацию новая высокоскоростная магистраль позволит укрепить экономические связи между северными пограничными районами провинции Хэйлунцзян и внутренними районами страны, окажет содействие возрождению старых промышленных баз Северо-Востока страны, активизирует приграничные торгово-экономические связи с российскими регионами юга Дальнего Востока.

Создание высокоскоростной железнодорожной сети, охватывающей всю страну, соответствует планам Пекина и является катализатором экономического развития регионов. Строительство железных дорог требует значительных инвестиций в разные отрасли (например, сталелитейную, строительную, производство электрооборудования), тем самым стимулируя их рост за счёт применения новых технологий и процессов, направленных на выпуск высококачественной продукции. Возможно, это вызовет интерес китайских и иностранных инвесторов к потенциалу развития провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. По официальным данным, в 2023 г. фактическое использование иностранного капитала в Цзилине и Хэйлунцзяне увеличилось на 23,2 и 11,8 % в годовом исчислении соответственно. В провинции Ляонин появилось 959 новых предприятий с иностранным финансированием и было привлечено 3,38 млрд долларов фактических иностранных инвестиций [22]. Немецкие автопроизводители Audi и BMW открыли завод по производству электрических автомобилей в Чанчуне, столице Цзилиня, и завод на своей производственной базе в Шэньяне, столице Ляонина, а поставщик автозапчастей Vitesco Technologies начал серийное производство своей электроники управления аккумулятором в Чанчуне [22].

Меняется и ситуация в населённых пунктах, расположенных вдоль маршрутов следования поездов. Города преображаются, становясь привлекательными для населения, которое получает возможности трудоустройства. В 2023 г. в Цзилине и Ляонине приток населения составил 43 400 и 86 000 человек соответственно, что переломило десятилетнюю тенденцию оттока [22]. Изменилась ситуация и в Хэйлунцзяне. В 2016 г. только 47,5 % выпускников университетов провинции оставались работать с местными работодателями [21]. К 2023 г. Хэйлунцзян достиг лучших показателей за пять лет по удержанию и привлечению выпускников местных университетов.

Оживает жизнь и в деревнях, соединённых с городами, сокращается время, затрачиваемое жителями отдалённых районов на дорогу. Поездки становятся удобными. В провинциях Северо-Востока Китая развивается туристический сектор. По данным China Railway Harbin Group Co, увеличилось количество туристов, посещающих китайские парки с ледяными и снежными фигурами. По состоянию на конец 2024 г. 85 000 пассажиров совершили 163 поездки на поезде к снежным курортам Ябули и Мохэ в провинции Хэйлунцзян [17].

Отметим, что высокоскоростные дороги снижают загрязнение окружающей среды. Они работают на электричестве, и выбросы вредных веществ значительно сокращаются, что является актуальным для провинций Северо-Востока Китая.

Наряду с очевидными экономическими выгодами, связанными с активизацией грузовых и пассажирских перевозок на Северо-Востоке страны, в процессе модернизации железных дорог китайские специалисты получают знания и приобретают опыт внедрения национальных технологических достижений, включая искусственный интеллект. По словам генерального директора китайской академии железнодорожных наук Ли Сюэфэна, в настоящее время Китай стал одним из мировых лидеров по разработке технологий и развитию высокоскоростных, высокогорных, морозоустойчивых железных дорог [5].

В этой ситуации руководству приграничных регионов России важно контролировать обстановку, реализовывая федеральные и региональные программы по развитию железнодорожного

транспорта в стране, и не допустить потери конкурентных преимуществ Транссиба и БАМа [12, 141].

В Китае сохраняется неравенство регионального развития, и лишь развитием железных дорог решить этот вопрос не представляется возможным. Однако следуя китайской мудрости «Хочешь быть богатым – построй дорогу», Пекин последовательно приближается к решению многих задач в провинциях Северо-Востока Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Китае общая протяжённость находящихся в эксплуатации железных дорог превысила 160 тыс. км // Синьхуа Новости. – 16.09.2024. – URL: <https://russian.news.cn/20240916/4f504cf502ea47e0b50403a10ed50e2a/c.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
2. Высокоскоростная железная дорога Харбин – Далянь перешла на зимнее расписание, скорость движения электропоездов снижена // Жэньминь жибао онлайн. – 01.12.2013. – URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8471507.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
3. В 2020 году Китай инвестирует более \$114 млрд в железные дороги // Известия. – 30.12.2019. – URL: <https://iz.ru/960193/2019-12-30/v-2020-godu-kitai-investiruet-bolee-114-mlrd-v-zheleznye-dorogi> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
4. Инвестиции Китая в железнодорожный сектор выросли на 11,1 проц. с января по ноябрь 2024 года // Китай. – 11.12.2024. – URL: http://www.kitaichina.com/rxinwen/202412/t20241211_800386810.html (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
5. Китай стал одним из мировых лидеров по развитию железных дорог // Жэньминь жибао онлайн. – 20.09.2024. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0920/c31518-20221250.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
6. Китайские железные дороги // Реформа железных дорог: сборник материалов по повышению эффективности сектора железных дорог. – Washington, 2011. – 555 с. – URL: chrome-extension://efaidnbmnnibpcrajpcglclefindmkaj/https://www.ppiaf.org/sites/ppiaf.org/files/documents/toolkits/railways_toolkit_russian/PDFs/WB_toolkit.pdf (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
7. Китайские железные дороги внедряют инновации // РИА Новости. – 11.10.2022. – URL: <https://ria.ru/20221011/innovatsii-1823036728.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
8. На северо-востоке Китая открыли новую ВСМ // Zdmira. – 06.08.2021. – URL: <https://zdmira.com/news/n-severo-vostoke-kitaya-otkryli-novyyu-vsm> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
9. На северо-востоке Китая полным ходом идёт строительство ВСЖД, проходящей через зону вечной мерзлоты // Синьхуа Новости. – 30.09.2022. – URL: <https://russian.news.cn/20220930/aa7d3f2582de42879202c1abb6e37030/c.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
10. Пассажиропоток железной дороги Харбин – Далянь достиг 670 млн человек // Синьхуа Новости. – 03.12.2022. – URL: <https://russian.news.cn/20221203/932c9972ea39432e8070714e5059d018/c.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
11. Петрунина, Ж. В. Интеграция Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России в начале ХХI века: два подхода к одному вопросу / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 73-76.
12. Петрунина, Ж. В. Транссиб и БАМ в развитии международных транзитных перевозок по маршруту Азия-Европа / Ж. В. Петрунина // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 140-143.
13. Петрунина, Ж. В. Цифровая экономика северо-восточных провинций Китая: подходы к развитию / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 6. – С. 46-53.
14. Пространство БРИКС. Исторические хроники. Создание и развитие железных дорог в Китае (1876 – н. в.) // 1520International. – URL: <https://1520international.com/content/2024/dekabr-2024/the-brics-space-china/> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
15. Самая восточная ВСЖД в Китае введена в эксплуатацию // Жэньминь жибао онлайн. – 07.12.2021. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/1207/c31518-9929339-4.html> (дата обращения 14.01.2025). – Текст: электронный.
16. Скоростная железная дорога Харбин – Цицикар будет официально сдана в эксплуатацию в августе // Жэньминь жибао онлайн. – 25.05.2015. – URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0525/c31518-8897078.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.

17. Chu Daye. China's railway system handles over 4 billion passenger trips in the first 11 months of 2024, setting a new record / Daye Chu // Global Times. – 05.12.2024. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1324361.shtml> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
18. Crush, P. Woosung Road the story of China's first railway / P. Crush. – Hong Kong: The railway tavern, 1999. – 119 p. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Peter-Crush/publication/303370667_Woosung_Road_the_Story_of_China's_First_Railway/links/5dc0fde1299bf1a47b156223/Woosung-Road-the-Story-of-Chinas-First-Railway.pdf (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
19. Luo Wangshu. China to accelerate development of railway tech / Wangshu Luo // ChinaDaily. – 12.03.2024. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202403/12/WS65ef9ab2a31082fc043bc032.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
20. Rai K. High speed railways in China / K. Rai // China and Asia. – 11.07.2024. – URL: <https://orcasia.org/high-speed-railways-in-china> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
21. Siyang Ding. High-Speed Rail in China's Rust Belt: A Fast Track to Economic Revitalization? / Ding Siyang // The Diplomat. – 03.08.2023. – URL: <https://thediplomat.com/2023/08/high-speed-rail-in-chinas-rust-belt-a-fast-track-to-economic-revitalization/> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
22. Surge in foreign investment signals high-quality development in northeast China // People's Daily Online. – 30.08.2024. – URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0830/c90000-20212067.html> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
23. Why China's railway development has fallen short of Sun Yat-sen's expectations // Think China. – 01.02.2021. – URL: <https://www.thinkchina.sg/economy/why-chinas-railway-development-has-fallen-short-sun-yat-sens-expectations> (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.

Content

CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

Ya. S. Kryzhanovskaia, S. A. Kryzhanovskaia

PECULIARITIES OF MUSEUM DEVELOPMENT

IN JAPAN IN THE 2ND HALF OF THE 20TH CENTURY 4

Ya. S. Kryzhanovskaia, Tsui Yotong

THE ROLE OF MUSIC AND MUSICAL INSTRUMENTS

IN THE RITUALS OF ANCIENT CHINA 12

N. V. Malyshева, A. A. Chuveeva

STEREOTYPES AND MUTUAL REPRESENTATIONS

OF THE CHINESE AND THE RUSSIANS INHABITING

THE NEAR BORDER TERRITORIES OF THE FAR EAST 19

A. V. Markova, V. Yu. Prokofeva

SPEECH DEVELOPMENT OF STUDENTS

OF CREATIVE UNIVERSITY: CLASSROOM WORK

WITH THE ONTOLOGICAL MEANING OF SOUNDS 28

Yu. G. Muller

RUSSIAN HOUSE IN THE SOCIAL

AND CULTURAL SPACE ABROAD 34

E. A. Musalitina, A. E. Turmacheva

THE PHENOMENON OF «ASIAN BEAUTY»

AS A NEW TREND IN RUSSIAN CONSUMER CULTURE 43

Hu Yue

ARTISTIC PHOTOGRAPHY

IN THE CHINESE VISUAL ARTS SYSTEM 53

Zhang Yifeng

THE ART OF CALLIGRAPHY AS A WAY

OF PRESERVING THE SPIRITUAL FOUNDATIONS

OF CHINESE CULTURE: RESEARCH, METHODOLOGY,

TERMINOLOGICAL APPARATUS 65

G. A. Shusharina, D. V. Prosvirina

SOCIO-CULTURAL AND HISTORICAL BASES

FOR THE FORMATION OF URBANONYMS

OF THE TWIN CITIES OF RUSSIA AND CHINA 77

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Y. G. Larchenko

STUDENT ACHIEVEMENTS ARE AN IMPORTANT

PART OF THE PORTFOLIO OF FUTURE SPECIALISTS

IN THE LABOR MARKET 82

HISTORY

N. N. Ababkova

THEATER OF WORKING YOUTH

IN THE HISTORY OF THE SOVIET CITY 88

A. I. Gorelikov

INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN ARCTIC:

SEARCH FOR NEW SOLUTIONS 93

Z. V. Petrunina

DEVELOPMENT OF RAILWAY TRANSPORT

IN THE PROVINCES OF NORTHEAST

CHINA IN THE 21ST CENTURY 99

Научное издание

Учёные записки КнАГТУ
2025 № II (82)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 26.03.2025
Дата выхода в свет 28.03.2025

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 13,63.
Уч.-изд. л. 17,18.
Тираж 200. Заказ 31300

Отпечатано:
в типографии КнАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27;
в типографии «Агора»
681024,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 39.

